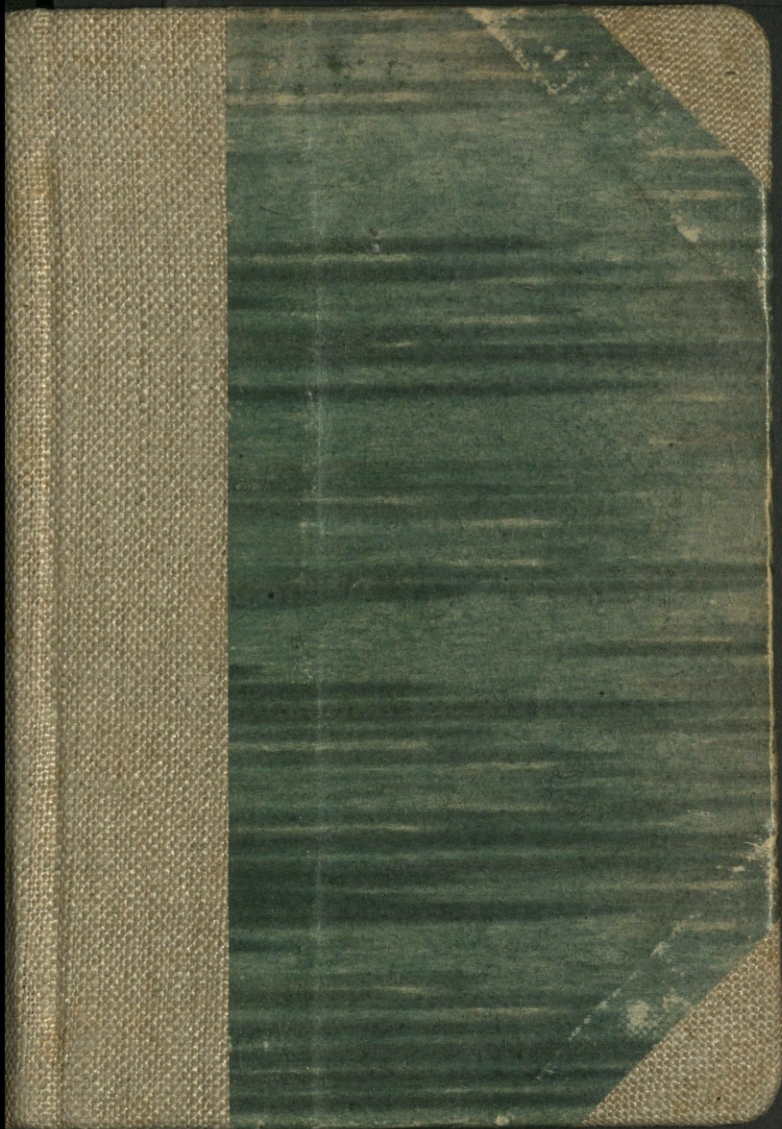

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Colour Chart #13

DANES PICTA .COM

Г. Зиммель.

СОЦІАЛЬНА ДИФФЕРЕНЦІАЦІЯ.

Соціологическія и психологическія изелъдованія.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

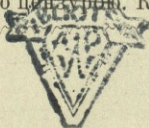
С. Л.

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. Югансона.
Кіевъ—Харьковъ.

301 : 15

6920/1

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 Марта 1898 года.

КІЕВЪ.

Тип. И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул. д № 22.
1898.

ВВЕДЕНІЕ.

Вообще для человѣка важнѣе что-нибудь сдѣлать, чѣмъ знать, какъ онъ это дѣлаетъ, и постоянно практика идетъ впереди теоріи. Не только способъ, но и цѣль познанія остаются скрытыми, какъ только познавательная дѣятельность переходитъ изъ предѣловъ ближайшихъ цѣлей въ область отдаленныхъ либо конечной цѣли познанія. Приведеніе отдѣльныхъ понятій въ стройную систему истинъ, значеніе систематизаціи, какъ средства къ высшему познанію и творчеству, ея способность разлагать сложные объекты на отдѣльные элементы—всѣ эти преимущества дѣлаютъ систематизацію достойной занимать въ идеальномъ построеніи науки первое мѣсто; между тѣмъ въ дѣйствительномъ ходѣ развитія знанія она служитъ эпилогомъ не только по времени, но и по значенію.

Этому историческому ходу развитія знанія соответствуетъ то обстоятельство, что, (осо-

бенно, когда дѣло идетъ о совершенно новой наукѣ, какъ соціологія), всѣ силы направлены на частичныя изслѣдованія, съ цѣлью прежде всего дать формирующей наукѣ содержаніе; вопросы же о методѣ и конечной цѣли оставляются въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока богатый конкретный матеріалъ сдѣлаетъ возможнымъ ихъ разрѣшеніе; противоположный приѣмъ влечетъ за собой опасность создать форму безъ содержанія, сводъ законовъ безъ субъектовъ, для которыхъ онъ обязателенъ, правило безъ явленій, изъ которыхъ оно выведено и которые обосновываютъ его истинность.

Тѣмъ не менѣе, современное состояніе знанія даетъ возможность примѣнить нѣсколько иной, сравнительно съ указаннымъ, способъ построенія науки. Какъ новѣйшія политическія революціи отличаются отъ своихъ прототиповъ именно тѣмъ, что теперь стараются вызвать извѣстныя, уже гдѣ-либо осуществленныя и испробованныя условія, что выдвигается испытанная теорія, по предписаніямъ которой вырабатывается практика—точно также, при современной высшей ступени научнаго познанія, является возможность изъ существующихъ научныхъ системъ и испытанныхъ теорій фиксировать общія контуры, формы и цѣли новой науки, прежде чѣмъ приступить къ выработкѣ существеннаго ея содержанія.

Что касается социологии, то здѣсь еще нужно принять во вниманіе особенный приходящій моментъ. Социологія эклектическая наука, по скольку результаты другихъ наукъ служатъ для нея матеріаломъ. Она оперируетъ съ результатами историческихъ изслѣдованій, антропологіи, статистики, психологіи, какъ съ сырымъ матеріаломъ, она не обращается непосредственно къ первоначальнымъ даннымъ опыта, которыя являются объектомъ другихъ наукъ, но, какъ наука, такъ сказать, второго порядка, она строитъ синтезы изъ того, что само по себѣ является для тѣхъ продуктомъ синтеза. Въ современномъ своемъ состояніи она только даетъ новое освѣщеніе, съ своей точки зрѣнія, уже извѣстнымъ явленіямъ. И такимъ образомъ необходимо фиксировать эту точку зрѣнія тѣмъ болѣе, что отъ нея социологія, какъ наука, получаетъ свой специфическій характеръ. Въ такомъ случаѣ общая концепція, единство конечной цѣли, способъ изслѣдованія должны быть установлены прежде всего. Все это должно быть дано для того, чтобы можно было приступить къ построенію новой науки, между тѣмъ какъ другія исходятъ скорѣе изъ матеріальнаго содержанія, чѣмъ изъ формы, которая опредѣляется у нихъ непосредственно самымъ содержаніемъ. Едва ли нужно упомянуть, что устанавливаемое здѣсь различіе имѣетъ лишь

относительное значеніе, что нѣтъ такой науки, содержаніе которой сводилось бы къ голымъ объективнымъ фактамъ, безъ ихъ толкованія и группировки по тѣмъ или инымъ категоріямъ, безъ выведенія изъ нихъ общихъ нормъ. Эти толкованія, категоріи, нормы принимаются занимающей насъ наукой, какъ апріорныя. Соціальная наука отличается отъ другихъ по преимуществу количественнымъ перевѣсомъ синтетическаго элемента, каковое отличіе дѣлаетъ особенно умѣстнымъ предварительное фиксированіе общихъ точекъ зрѣнія, обуславливающихъ построеніе тѣхъ или иныхъ комбинацій. Конечно этимъ вовсе не сказано, что нужно добиваться самыхъ точныхъ опредѣленій коренныхъ понятій соціологіи, которыя бы дали возможность напримѣръ отвѣтить сразу, апріорно, на такіе вопросы, какъ: «что такое общество», «что такое индивидуумъ?» «Какъ возможны взаимныя психическія вліянія индивидовъ?» и т. д.; напротивъ, приходится довольствоваться только самымъ общимъ опредѣленіемъ подлежащей области и ожидать основательнаго знакомства съ объектомъ, только при условіи серьезнаго изслѣдованія матеріальнаго содержанія, если мы не желаемъ впасть въ ошибку старой психологіи, что «не возможно познаніе проявленій психической жизни прежде, чѣмъ установлена сущность души».

Еще и теперь не потеряла значенія аристотелевская истина, именно: то, что для самой сущности первое, для сознанія является послѣднимъ. Въ логическомъ построеніи науки, понятно, дефиниціи коренныхъ понятій занимають первое мѣсто, однако только готовая наука можетъ быть построена отъ простѣйшихъ элементовъ. Когда же приступаютъ къ построенію новой науки, приходится исходить изъ непосредственныхъ данныхъ, которыя, по большей части, бываютъ очень сложны и подлежать постепенному разложенію на первоначальные элементы. Посмотримъ, не представляетъ ли данное социологіи одного изъ сложнѣйшихъ тѣлъ, которыя только мыслимы. Если человѣкъ представляетъ высшее образованіе, котораго достигла естественная эволюція, такъ это именно вслѣдствіе того, что въ немъ содержится наибольшее количество самыхъ разнородныхъ силъ, которыя посредствомъ модификаціи, уравновѣшенія и подбора создали этотъ микрокосмъ; организація тѣмъ выше, чѣмъ болѣе разнородныя силы находятся въ ней въ равновѣсіи. Но разъ единое человѣческое существо снабжено такой почти необъятной массой скрытыхъ и дѣйствующихъ силъ, то complicація неизмѣримо увеличится тамъ, гдѣ имѣють мѣсто взаимныя вліянія такихъ существъ и гдѣ сложная организація одного, суммируясь съ дру-

гими, даетъ неисчислимую массу различнѣйшихъ комбинацій. Если задачей соціологіи является изслѣдованіе общенія людей и законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія индивидовъ, насколько они суть члены группы, и самыхъ группъ между собой, то сложность объекта соціологіи ставитъ ее въ отношеніи возможности познанія на ряду съ метафизикой и психологіей. Эти послѣднія имѣютъ ту общую особенность, что исключаютъ другъ друга положенія представляютъ въ нихъ одинаковую долю вѣроятности и доказательности. Положеніе, что міръ въ послѣднемъ счетѣ абсолютно однороденъ и что всякая индивидуализація и различіе представляютъ только кажущееся явленіе, это положеніе имѣетъ столько же вѣроятности, какъ и вѣра въ абсолютную индивидуальность каждой частицы вселенной, въ которой нѣтъ даже двухъ листьевъ вполне одинаковыхъ; и въ то что всякое сведеніе къ однородному есть лишь особенность нашего духа, есть лишь слѣдствіе психической склонности къ простотѣ, склонности, не находящей себѣ никакого оправданія въ объективномъ мірѣ. Послѣдовательный материализмъ приводитъ къ конечному метафизическому положенію такъ же, какъ указаніе на духъ, проникающій все сущее и составляющій сущность міра. Когда одинъ философъ счелъ мозгъ за

«вещь въ себѣ», по отношенію къ духу, а другой—духъ за субстанцію мозга, то оба они привели одинаково глубокіе и вѣскіе доводы въ пользу своихъ мнѣній. Тоже наблюдаемъ мы и въ психологін, въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствіе связи съ фізіологіей дѣлаетъ невозможной изоляцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и точнѣйшее изслѣдованіе примитивныхъ проявленій психической жизни, гдѣ дѣло касается причинной зависимости проявляющихся во внѣ *готовыхъ* мыслей, чувствъ и волевыхъ актовъ. Такъ мы нерѣдко видимъ, что личное счастье, съ одной стороны является причиной самоотверженной дружбы, въ силу которой данный субъектъ отъ души желаетъ видѣть своего ближняго безконечно счастливымъ, а съ другой—порождаетъ безсердечную надменность, которой совершенно чуждо пониманіе и сочувствіе чужому горю; и оба явленія находятъ себѣ одинаково доказательное психологическое объясненіе. Точно также мы предполагаемъ, съ равной вѣроятностью, и то, что разлука двухъ субъектовъ усиливаетъ ихъ взаимныя чувствованія, какъ и то, что она ихъ ослабляетъ; что оптимизмъ въ такой же степени, какъ и пессимизмъ влечетъ за собой проникнутый высшими этическими началами образъ дѣйствій; что въ одномъ случаѣ любовь къ болѣе или менѣе тѣсному кружку дѣ-

даетъ сердце воспріимчивымъ и къ интересамъ болѣе отдаленныхъ круговъ людей, а въ другомъ, напротивъ, отчуждаетъ его и дѣлаетъ нечувствительнымъ къ не своимъ интересамъ. И не только содержаніе, можно измѣнять и направленіе психологическихъ взаимодѣйствій, не нарушая ихъ правильности. Что безнравственность является причиной внутренней неудовлетворенности (*inneren Unglücks*), одними психологами доказывается съ такой же основательностью, какъ другими то, что неудовлетворенность служить причиной деморализаціи; что вѣрованіе въ опредѣленные религіозные догматы порождаетъ умственную несамостоятельность и отупѣніе, доказывается не менѣе основательно чѣмъ то, что духовный нигилизмъ людей собственно приводитъ къ вѣрѣ въ неземныя сверхъестественныя существа. Словомъ ни въ метафизикѣ, ни въ психологіи мы не найдемъ устойчивости теоретическихъ выводовъ, такъ какъ она дискредитируется возможностью всякому положенію противопоставить прямо противоположное.

Причину этой странной двусторонности нужно несомнѣнно искать въ томъ, что объекты, о взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ, идетъ рѣчь, уже сами по себѣ не однородны. Вселенная, какъ цѣлое, надъ которымъ оперци-

ругують метафизическія теоріи, заключають въ себѣ неизмѣримое множество разнороднѣйшихъ элементовъ, и любое метафизическое воззрѣніе опирается на такую массу доводовъ, которая имѣетъ съ психологической точки зрѣнія достаточно силы, чтобы вытѣснить изъ сознанія всѣ данныя опыта, сообщающія общей картинѣ мірозданія противоположную окраску. Ошибка лишь въ томъ, что, либо частичная истина возводится на степень всеобщей, либо на основаніи изслѣдованій извѣстной области явленій выводится заключеніе къ цѣлому, заключеніе, безусловно невозможное, если изслѣдованіе будетъ распространено на другія данныя опыта; здѣсь погрѣшность, такъ сказать, не столько со стороны содержанія, сколько со стороны метода, больше количественная, чѣмъ качественная. Здѣсь же нужно искать основанія неполной состоятельности психологическихъ выводовъ. Общія понятія психическихъ функцій, между которыми (функціями) теорія устанавливаетъ тѣ или иныя связи, слишкомъ общи и даютъ такую массу нюансовъ, что, смотря по фиксированію тѣхъ или другихъ, получаются совершенно различныя послѣдствія одного и того же, съ точки зрѣнія теоріи, аффекта; напр., понятіе счастья, или религіозности—границы того или другого такъ обширны, что различные его пункты, несмотря на принадлежность къ одному и то-

му же понятію, могутъ быть разсматриваемы, какъ причины совершенно разнородныхъ послѣдствій. Поэтому ни одна изъ упомянутыхъ психологическихъ сентенцій не можетъ быть названа совершенно неправильной; онѣ грѣшатъ большей частью лишь въ томъ, что удѣляютъ мало вниманія специфическому различію, которое, ближе опредѣляя выше упомянутыя общія понятія, приводитъ ихъ то въ одну то въ другую и притомъ совершенно противоположную связь. Совершенно вѣрно то, что разлука усиливаетъ любовь, но не разлука и любовь вообще, а только опредѣленные виды той и другой находятся въ такомъ соотношеніи; также точно вѣрно и то, что разлука ослабляетъ чувство любви, но опять таки не всякая вообще разлука и любовь, а извѣстный родъ разлуки дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на извѣстный же нюансъ любви. Гдѣ мы для объясненія происхожденія даннаго психологическаго явленія прибѣгаемъ къ другому какому-нибудь явленію, то это послѣднее само по себѣ вовсе не есть конечная причина перваго; нѣтъ, все изслѣдованное и неизслѣдованное еще содержимое души, вмѣстѣ съ выбраннымъ движеніемъ, служитъ къ опредѣленію происхожденія изслѣдуемаго явленія. Когда такія психическія явленія, какъ любовь, ненависть, счастье, или

такія качества, какъ умъ, раздражительность, смиреніе, разсматриваютъ, какъ причину, то въ нихъ сводятъ во-едино цѣлый комплексъ разнороднѣйшихъ силъ, которыя отъ изслѣдуемаго аффекта получаютъ только окраску или направленіе. Опредѣляющимъ моментомъ здѣсь является не общее положеніе, что дѣйствіе всякой силы находится въ зависимости отъ общаго состоянія существа, изъ котораго сила исходитъ, и что его слѣдуетъ разсматривать, какъ результатъ взаимодействія между доминирующей силой и массой другихъ, дѣйствующихъ въ тоже время и въ томъ же мѣстѣ, а то, что именно человѣческая душа представляетъ собой такое необыкновенно сложное образованіе, что всякое наименованіе того или другаго состоянія однимъ какимъ-либо однороднымъ понятіемъ есть лишь апріорное обозначеніе; въ нашей душѣ имѣетъ мѣсто постоянно и притомъ одновременно такая масса процессовъ, такое множество силъ проявляетъ въ ней свое дѣйствіе, что представленіе причинной зависимости между простыми психологическими понятіями, (какъ въ приводившихся примѣрахъ) вполне односторонне; не отдѣльный простой аффектъ переходитъ въ другой, переходъ совершается между цѣлыми комплексами душевныхъ аффектовъ, изъ которыхъ главные, наиболѣе повышенные, хотя и

выдаются надъ остальными, но ихъ нюансированіе зависитъ отъ всей совокупности содержимаго нашей души. Какъ тембръ звука опредѣляется созвучными обертонами, и мы такимъ образомъ воспринимаемъ не чистый тонъ, но большее или меньшее количество однородныхъ тоновъ, изъ которыхъ главный лишь является наиболѣе яснымъ, но отнюдь не рѣшающимъ для эстетическаго впечатлѣнія; также точно каждое представленіе и чувство окружено цѣлымъ сонмомъ спутниковъ, которые его индивидуализируютъ и сообщаютъ ему то или другое дѣйствіе. Изъ массы психическихъ образующихъ достигаютъ области сознанія только немногія руководящія представленія, и замѣченная однажды между ними причинная связь для другого раза значенія не имѣетъ, такъ какъ уже успѣло измѣниться состояніе души, и тѣ же образующія, которыя въ первомъ случаѣ дѣйствовали въ направленіи опредѣленной связи, во второмъ—проявили дѣйствіе прямо противоположное. Вотъ причина, почему для психологіи немислимы законы въ естественно-научномъ смыслѣ: вслѣдствіе сложности ея явленій, никоимъ образомъ не можетъ быть наблюдаемо въ душѣ изолированное дѣйствіе элементарной силы; каждая сила сопровождается такой массой спутниковъ, что никогда

не возможно съ увѣренностью установить, что слѣдуетъ считать причиной даннаго послѣдствія или же послѣдствіемъ данной причины.

Несмотря на все это было бы неразумно отказывать метафизическимъ и психологическимъ построеніямъ въ научномъ значеніи. Если онѣ и неточныя науки, то они все таки предтечи этихъ послѣднихъ. Онѣ дѣлаютъ возможнымъ ориентированіе среди разнороднѣйшихъ явленій и создаютъ понятія, помощью анализа и синтеза и вообще постепеннаго развитія которыхъ мы достигаемъ все большаго и большаго приближенія къ истинѣ; онѣ устанавливаютъ между своими понятіями, правда одностороннія связи, но ихъ односторонность парализуется такой же односторонностью противоположныхъ комбинацій; онѣ, по крайней мѣрѣ, придали нѣкоторую стройность беспорядочной массѣ явленій; понятно, онѣ не овладѣли настолько всей этой необъятной массой, чтобы быть въ состояніи дойти до отношеній конечныхъ, элементарныхъ чостицъ, но такое разложеніе сложныхъ явленій на элементы составляетъ уже конечную цѣль науки.

Въ подобномъ же положеніи находится и соціологія. Такъ какъ предметъ ея представляетъ такую разнородность, что смотря по точкѣ зрѣнія изслѣдователя, типическими и естественно необходимыми являются то однѣ,

то другія явленія; отношеніе индивида къ обществу, причины и формы образованія группъ, борьба и преемственность классовъ, развитіе отношеній между управляющими и управляемыми, и другія безчисленныя формулы нашей науки представляютъ такое богатство способовъ осуществленія въ исторической дѣйствительности, что всякая монистическая теорія, всякое представленіе о типической формѣ всѣхъ этихъ отношеній должно быть односторонне, и самыя противоположныя воззрѣнія могутъ быть подтверждаемы множествомъ наблюденій. Причину и здѣсь нужно искать въ сложности объекта, которая противится разложенію его на простѣйшія составныя части, ихъ силы и взаимодействія. Всякая ступень развитія общества, которая является объектомъ нашего изслѣдованія, есть результатъ множества глубоко лежащихъ частичныхъ эволюцій. Такъ какъ здѣсь одинаковыя послѣдствія могутъ исходить отъ различныхъ причинъ, то вполне возможно, что сходныя явленія представляютъ результаты самыхъ разнородныхъ комплексовъ силъ, которыя, сошедшись въ одномъ пунктѣ, для проявленія одинаковыхъ дѣйствій, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи принимаютъ самыя разнообразныя формы. Изъ сходствъ двухъ состояній различныхъ эволюціонныхъ періодовъ нельзя еще сдѣлать заключенія, что

послѣдствія даннаго состоянія въ одномъ пе-
 ріодѣ будутъ тождественны съ послѣдствіями
 того же состоянія въ другомъ. Въ дальнѣй-
 шемъ теченіи опять проявляется разнородность
 дѣйствующихъ силъ, которая только уступила
 мѣсто случайному и временному сходству. Ча-
 стота такихъ сходныхъ моментовъ вѣроятнѣе
 всего будетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ масса, слож-
 ность и трудность изслѣдованія отдѣльныхъ фак-
 торовъ и частичныхъ причинъ является подав-
 ляющей. Это по преимуществу замѣчается въ об-
 ласти соціальныхъ явленій; примитивные эле-
 менты и силы, образующіе то или другое соціаль-
 ное состояніе, до того разнородны, что въ ста слу-
 чаяхъ тождественныя явленія въ сто первомъ
 случаѣ разрѣшаются въ совершенно различ-
 ныя, — точно также и сложность душев-
 ныхъ силъ заставляетъ приводить въ связь
 вполне подобныя явленія съ прямо противо-
 положными послѣдствіями ихъ. Тоже можно
 наблюдать и въ другихъ наукахъ. Въ исто-
 ріи медицины, особенно въ теоріяхъ терапіи,
 мы часто видимъ, что противоположныя мнѣ-
 нія о дѣйствиі какого-либо лѣкарственнаго
 средства исключаютъ другъ друга. Внутри
 человѣческаго тѣла дѣйствуетъ такая масса
 силъ, что вновь вступающее дѣйствіе можетъ
 проявить самые разнородные результаты, бла-
 годѣятствуя однимъ и тормозя другія силы

организма. Поэтому всё эти теории грѣшатъ не въ самомъ установленіи причинной зависимости между средствомъ и чѣловѣческимъ организмомъ, а въ томъ, что эту зависимость считаютъ единственной и опредѣляющей. Онѣ забываютъ, что то, что въ очень сложной системѣ съ одной стороны оказываетъ благопріятное дѣйствіе, съ другой можетъ имѣть дѣйствіе совершенно противоположное. Та же неустойчивость послѣдствій одного и того же состоянія соціального организма, которая приводитъ къ столькимъ разногласіямъ въ соціологическихъ теоріяхъ, порождаетъ не меньшія противорѣчія и въ соціальной практикѣ; разнородность и враждебность партій, изъ которыхъ каждая надѣется своими средствами достигнуть единой завѣтной цѣли—maximum'a благоденствія для общества—обнаруживаетъ особенный, вслѣдствіе крайней сложности, противящійся всякому болѣе точному изслѣдованію, характеръ соціологическаго матеріала. О законахъ соціальной эволюціи, поэтому, и говорить нечего. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый членъ общества подчиненъ законамъ природы, но для цѣлаго нѣтъ законовъ. Здѣсь такъ же, какъ и вообще въ природѣ, нѣтъ абсолюта, который возвышался бы надъ частичными законами, регулирующими движенія мельчайшихъ частицъ, и направлялъ бы эти движенія опре-

дѣленнымъ образомъ и съ опредѣленной цѣлью. Поэтому мы не можемъ знать, не заключаютъ ли два одинаковыя по виду общественныя явленія такихъ скрытыхъ силъ, которыя въ одинъ изъ ближайшихъ моментовъ своего развитія, дадутъ совершенно противоположныя явленія. Такимъ образомъ и дифференціація, о которой рѣчь впереди, не есть какая-нибудь особенная сила, не есть какой-либо законъ, регулирующий дѣйствія элементарныхъ силъ соціальнаго образованія, а лишь выраженіе для феномена, являющагося результатомъ дѣятельности этихъ элементарныхъ силъ. Вообще, гдѣ мы стараемся твердо установить послѣдствія комплекса простѣйшихъ силъ, то только помощью труднѣйшихъ, а въ высшихъ областяхъ, часто, совершенно непримѣнимыхъ методовъ, можно опредѣлить, какая сила дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно или имѣетъ наибольшее значеніе среди другихъ; гдѣ по преимуществу разнородное вступаетъ въ связь съ разнороднымъ же, тамъ ошибкамъ въ опредѣленіи причинъ и ихъ дѣйствій данъ полный просторъ.

Такое воззрѣніе на изслѣдуемый вопросъ наталкивается на возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано съ теоретической точки зрѣнія преимущественно противъ соціальныхъ наукъ. Понятіе общества лишь въ томъ только слу-

чаѣ имѣеть смыслъ, когда ему можно противопоставить простое соединеніе нѣсколькихъ единицъ. Такъ какъ, если между этими понятіями разницы нѣтъ, то понятіе общества въ такой же мѣрѣ могло бы быть объектомъ науки, въ какой «звѣздное небо» является предметомъ астрономіи; въ сущности это только собирательное выраженіе, а астрономія изучаетъ лишь движенія отдѣльныхъ звѣздъ и законы ими управляющіе. Если общество представляетъ простое соединеніе вполне самостоятельныхъ величинъ, то лишь эти послѣднія и ихъ образъ дѣйствиій представляетъ прямой объектъ науки, а понятіе общества само собой уничтожается. И въ самомъ дѣлѣ, повидимому, оно такъ. Что въ дѣйствительности существуетъ, такъ это люди ихъ состоянія и движенія,—ихъ мы и должны бы изучать, между тѣмъ какъ образованный, путемъ чисто-идеальнаго синтеза, общественный организмъ не можетъ быть предметомъ реальной науки.

Основаніе этого сомнѣнія на счетъ «*raison d'être*», социологіи само по себѣ вполне разумно. Мы должны дѣлать рѣзкое различіе между реальными существованіями, которыми мы должны разсматривать, какъ объективныя величины, и ихъ агрегатами, которыя, какъ таковыя, существуютъ лишь въ нашемъ представленіи. Но если немного вдуматься въ кри-

тику понятія общества, какую даетъ индивидуализмъ, то становится яснымъ, что она направлена въ равной мѣрѣ противъ него же самого. Вѣдь и самъ человѣкъ не представляетъ того абсолютнаго единства, котораго исключительно требуетъ точное знаніе. Изслѣдованіе множественности, которую уже единичный человѣкъ носить въ себѣ, какъ таковой, мы полагаемъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій рациональнаго обоснованія соціальной науки и потому мы на ней нѣсколько остановимся.

До тѣхъ поръ пока человѣкъ, подобно всѣмъ органическимъ тѣламъ разсматривался, какъ твореніе Бога, какъ существо, появившееся сразу со всѣми своими особенностями, весьма естественно было видѣть въ немъ простѣйшую самостоятельную единицу, недѣлимую личность, «простая душа», которой находила въ единствѣ субстрата свое выраженіе и аналогію. Эволюціонная натуралистическая теорія разрушаетъ эту иллюзію. Если мы вспомнимъ тѣ безчисленныя превращенія, которыя организмы должны были претерпѣть, прежде чѣмъ достигнуть ступени человѣка, тѣ неизмѣримыя и неисчислимыя вліянія, случайности и столкновенія, которымъ подвергалась каждая эволюціонная ступень, наконецъ наслѣдственность, помощью которой каждое изъ этихъ

измѣнчивыхъ вліяній оставляло свой слѣдъ на преемственныхъ генераціяхъ,—то абсолютное метафизическое единство человѣка представится въ очень сомнительномъ свѣтѣ. Напротивъ, человѣкъ есть продуктъ разнороднѣйшихъ факторовъ, и только съ большимъ ограниченіемъ можно принять, что факторы эти въ немъ сливаются во едино. Физиологіей давно дознано, что всякій организмъ, представляетъ какъ бы объединенный союзъ государствъ, что его части обладаютъ нѣкоторой взаимной независимостью и что собственно органически единой является клѣтка; да и эта представляется элементарной только съ физиологической точки зрѣнія, и то лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ она проявляетъ жизнедѣятельность, обуславливаемую весьма сложной организаціей химическихъ элементовъ. Если строго придерживаться индивидуализма, то реальными объектами являются одни только атомы, и всякое сложное тѣло, какъ таковое, должно разсматриваться сквозь призму реальности низшаго порядка. Что нужно разумѣть подъ субстанціей души, никто не знаетъ. Миѣніе, что гдѣ-то въ насъ сидитъ существо, являющееся единымъ нераздѣльнымъ носителемъ психической жизни, не выдерживаетъ никакой критики. И не только единство субстанціи души не можетъ быть

установлено, въ самомъ ея содержимомъ невозможно открыть никакой существенной однородности. Между мыслями ребенка и человека взрослого, между нашими теоретическими убѣжденіями и практическимъ образомъ дѣйствій, между работоспособностью въ лучшіе и слабѣйшіе наши часы заключается такая масса различій, что абсолютно не мыслимо отыскать такую точку, съ которой все содержаніе нашей психической жизни представлялось, какъ органическое развитіе простѣйшаго психическаго элемента. Постояннымъ остается только формальное понятіе «я», въ предѣлахъ котораго происходятъ всѣ превращенія и противоположенія; но это не абсолютъ, который, стоя надъ всѣми отдѣльными представленіями, приводитъ ихъ къ единству, а лишь субъективное понятіе.

Такимъ образомъ всякія комбинаціи атомныхъ движеній и отдѣльныхъ представленій, которыя мы вводимъ въ исторію «индивидуума», уже сами по себѣ не точны и субъективны. Если мы, слѣдуя теоріи индивидуализма, должны только въ томъ усматривать дѣйствительную объективную сущность, что само по себѣ представляетъ объективную однородность, и если всякое соединеніе такихъ однородныхъ единицъ въ высшій организмъ есть только человѣческій синтезъ, вопреки ко-

тому наука стремится къ разложенію сложнаго образованія на составляющіе элементы,— то мы не можемъ остановиться на человѣческомъ организмѣ, а должны его разсматривать какъ субъективное соединеніе, между тѣмъ, какъ предметомъ науки могутъ быть только однородные, атомическіе элементы.

Какъ это требованіе разумно въ теоріи познанія, такъ оно не выполнимо на практикѣ. вмѣсто идеала знанія, который можетъ дать исторія малѣйшей частицы вселенной, насъ должна удовлетворять исторія и законмѣрность конгломератовъ, представляющихся нашему пониманію, какъ бы вырѣзанными изъ общей совокупности бытія. Указанное возраженіе касается всякой теоретической операціи съ человѣческимъ обществомъ. Вопросъ: сколько и какія именно единицы мы должны скомбинировать, для созданія высшаго организма, судьба котораго должна составить предметъ особой науки,—это вопросъ практики.

Мы не сомнѣваемся, что рѣшающее основаніе относительнаго единства кроется въ разнообразныхъ взаимныхъ вліяніяхъ частей цѣлаго. Мы считаемъ всякое тѣло въ одинаковой мѣрѣ однороднымъ, если части его состоятъ во взаимныхъ динамическихъ отношеніяхъ. Поэтому живое существо обнаруживаетъ тѣмъ большее единство, чѣмъ болѣе энергичны

взаимодѣйствія частей, между тѣмъ какъ связь въ неорганическомъ тѣлѣ до того слаба, что отдѣленіе отъ него любой части остается безъ вліянія на свойства и функціи остальныхъ. Внутри человѣческой души не смотря на указанную выше разнородность ея содержанія, можно однако констатировать единство функціональное; всякое, даже самое отдаленное, представленіе можетъ имѣть столь значительное вліяніе на всякое другое, что представленіе объ однородности получаетъ съ этой стороны наибольшую вѣроятность. Какъ руководящій всемірный принципъ, мы должны принять, что все со всѣмъ находится во взаимодѣйствіи, что между любой точкой вселенной и какой-либо другой существуютъ тѣ или иныя взаимныя вліянія; поэтому логически намъ не можетъ быть запрещено выбрать любия однородныя тѣла и соединить ихъ въ понятіе единого цѣлаго, природа и функціи котораго будутъ установлены съ точки зрѣнія историческаго его развитія. Рѣшающимъ, въ данномъ случаѣ, является вопросъ, какая именно комбинація наиболѣе цѣлесообразна съ точки зрѣнія науки, въ какомъ именно образованіи взаимодѣйствіе до того полно, что его изолированное изслѣдованіе можетъ дать руководящее освѣщеніе предмету; причемъ вопросъ преимущественной важности здѣсь въ томъ,

представляет ли данная комбинація такую всеобщность, чтобъ наблюденія надъ ней были дѣйствительно типичными, и обнаруживает ли она если не законосообразность, которая скрыта для нашего познанія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о взаимодействіи сложныхъ образованій, то по крайней мѣрѣ правильность. Разрѣшеніе души общественнаго организма въ сумму взаимодействій составляющихъ его частей,—эта задача является характерной для современной стадіи духовной нашей жизни: познать постоянное, субстанціальное въ функціяхъ, силахъ и движеніяхъ, открыть во всемъ сущемъ историческій процессъ эволюціи. Никто не станетъ отрицать, что между составляющими частями того образованія, которое мы называемъ обществомъ, существуютъ взаимодействия. Общество въ такой же мѣрѣ не представляетъ изъ себя вполне замкнутаго, абсолютно—однороднаго тѣла, какъ и человѣческой индивидуумъ. Оно является, сравнительно съ взаимодействіемъ образующихъ, лишь моментомъ производнымъ, результатомъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и для наблюденія. Когда мы разсматриваемъ ту или другую группу не съ морфологической точки зрѣнія, съ которой всякій членъ представляетъ ни что иное, какъ продуктъ своей группы, то мы не говоримъ, что однородный ха-

рактерь группы обусловливаетъ собой тѣ или другія свойства, отношенія и превращенія частей, а что существуютъ извѣстные отношенія и взаимодействія элементовъ, на основаніи которыхъ можетъ быть теоретически констатировано извѣстное единство. Эти элементы не представляютъ собой дѣйствительныхъ объективныхъ однородностей, но здѣсь, по сравненію съ образованіемъ высшаго порядка, они должны разсматриваться, какъ таковыя, тѣмъ болѣе, что любой изъ нихъ дѣйствуетъ на остальные вполнѣ тождественно. Поэтому такими элементами могутъ быть не только человѣческіе индивиды, но и цѣлыя группы, которыя въ соединеніи съ другими такими же образуютъ общественный организмъ. Физическій и химическій атомъ не есть, въ метафизическомъ смыслѣ, простѣйшій элементъ а всегда можетъ давать дальнѣйшія дѣленія; тѣмъ не менѣе, соотвѣтственныя науки разсматриваютъ ихъ, какъ конечныя субстанціи, такъ какъ они всегда проявляютъ однородное дѣйствіе. Также точно для соціологическихъ изслѣдоваій, такъ сказать, эмпирическими атомами являются представленія, индивиды, группы, дѣйствующія, какъ простѣйшія элементы, между тѣмъ могущія подвергаться дальнѣйшимъ дѣленіямъ. Въ такомъ относительномъ смыслѣ, можно сказать,

что общество есть однородное тѣло, состоящее изъ однородныхъ же частей. Не народный духъ создаетъ право, религію, нравы и языкъ, а напротивъ, вполнѣ чуждыя соціальныя группы, сталкиваясь въ цѣлесообразныхъ и насильственныхъ взаимодействіяхъ, вырабатываютъ форму и содержаніе того, что называется духомъ народа, и этотъ духъ осуществляетъ, или лучше сказать, указываетъ на единство даннаго соціальнаго организма. Итакъ, въ видахъ познанія, не должно исходить изъ понятія общества, которое опредѣляетъ отношенія и взаимодействія частей, а прежде всего должны быть точно изслѣдованы эти послѣднія; общество же есть только собирательное названіе для взаимодействій. Такимъ образомъ это не субстанціальное, точно опредѣленное, но вполнѣ относительное понятіе, допускающее увеличеніе и уменьшеніе своихъ границъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго числа взаимодействій между образующими. Въ такомъ видѣ понятіе общества теряетъ все то мистическое, что приписывалъ ему индивидуалистическій реализмъ.

Сообразно съ этой дефиниціей общества, приходится признать таковымъ и два воюющія государства, такъ какъ между ними существуетъ несомнѣнное взаимодействіе. Съ методологической точки зрѣнія, мнѣ кажется,

будетъ простиительно, если я допущу одно исключеніе, на которое не распространяется наша дефиниція. Подлежащія явленія слишкомъ сложны и имѣютъ слишкомъ расплывчатыя границы, чтобы можно было пренебрегать объясненіемъ, подходящимъ къ извѣстному роду явленій, лишь потому, что то же объясненіе дѣйствительно и для другихъ совершенно различныхъ явленій. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ только поискать специфическую разницу и придать ее къ общему понятію взаимодействія лицъ и группъ, чтобы такимъ образомъ составить понятіе общества, въ противоположность понятію враждебныхъ партій. Можно было бы сказать, что подъ такимъ понятіемъ нужно разумѣть взаимодействие, въ силу котораго дѣятельность въ личныхъ видахъ благопріятствуетъ цѣлямъ всѣхъ членовъ. Однако и это опредѣленіе не вполне подходитъ, такъ какъ и такое соединеніе называется обществомъ, которое образовалось и существуетъ только по принужденію и для исключительной выгоды одной стороны. Да и какое бы простое опредѣленіе общества мы ни приняли, всегда найдутся явленія, которыя подъ него не подойдутъ.

Итакъ, наше опредѣленіе должно быть сужено по крайней мѣрѣ количественно, и тогда быть можетъ, мы получимъ болѣе близкое

указаніе на содержаніе того, что мы называемъ обществомъ; ибо и два человѣка между которыми существуютъ лишь эфемерныя отношенія, могли бы, согласно предыдущему, образовать социальное тѣло. Принципіально приходится это допустить; существуетъ только относительная разница между непрочнымъ, скоропреходящимъ соединеніемъ людей для общаго дѣла или разговора и незыблемымъ единствомъ какого-либо класса или народа въ нравахъ, языкѣ и политической жизни. Границы собственно-соціального тѣла мы должны искать тамъ, гдѣ взаимодействіе между членами не опредѣляется субъективнымъ, такъ сказать, состояніемъ и поведеніемъ ихъ, но создаетъ объективный организмъ, представляющій извѣстную независимость отъ отдѣльныхъ образующихъ его частей. Гдѣ существуетъ единеніе, формы котораго остаются постоянными, не смотря на измѣненіе состава даннаго образованія; гдѣ существуетъ общее имущество, приобрѣтеніе и устройство котораго не есть дѣло рукъ отдѣльныхъ лицъ; гдѣ есть извѣстный запасъ познаній и нравственно-практическихъ правилъ, которыя не увеличиваются и не уменьшаются отъ участія тѣхъ или иныхъ членовъ, но которыя каждымъ членомъ принимаются, какъ нѣчто до нѣкоторой степени субстанціальное; гдѣ

наконецъ, право и нравственность создали свои формы, которымъ подчиняется и долженъ подчиняться всякій, вступающій въ данное образованіе,—тамъ мы имѣемъ общество въ соціологическомъ смыслѣ слова, тамъ взаимодѣйствіе создало организмъ, въ коемъ оно отличается отъ всякаго другого несоціального взаимодѣйствія, исчезающаго вмѣстѣ со случайно пришедшими въ столкновение субъектами и ихъ отношеніями.

То мистическое единство, которое мы выше отвергли, здѣсь, повидимому, опять становится поперекъ дороги: мы выше установили, что содержаніе общественнаго организма не зависитъ отъ численности и состава его членовъ. Опять приходится призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ реальности, такъ сказать, по ту сторону отдѣльныхъ субъектовъ, хотя онѣ, очевидно, не имѣютъ, независимо отъ послѣднихъ, никакихъ средствъ къ существованію.—Какъ мы не знаемъ мѣста, гдѣ лежатъ законы природы, которые мы считаемъ вполнѣ правильными, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они никогда, быть можетъ, не получили абсолютно чистаго осуществленія (какъ напримѣръ геометрическіе законы) такъ же неопредѣлимо и мѣсто этой неуловимой соціальной субстанции, называемой народнымъ духомъ. Она окружаетъ всякаго во всякое

мгновеніе, она дастъ намъ жизненное содержаніе, изъ измѣняющихся комбинацій котораго состоитъ индивидуальность, но мы не знаемъ отъ кого именно она беретъ начало, незнаемъ никого, кто бы избѣжалъ ея вліянія; даже тамъ, гдѣ мы, повидимому, можемъ констатировать самостоятельность людей, является вопросъ, не получили ли эти послѣдніе всего своего внутренняго содержанія отъ общественнаго достоянія, которое въ нихъ лишь сконцентрировалось или оригинально сформировалось.

Объясненіе затрудненій, вызываемыхъ вышеупомянутымъ отношеніемъ въ теоріи, переноситъ насъ къ первымъ періодамъ развитія человѣческаго сознанія. Формы и категоріи нашего мышленія образовались въ тѣ времена, когда духовная сфера, съ одной стороны, была полна простѣйшихъ, а съ другой—сложно-запутанныхъ представленій, что станетъ вполне понятнымъ, если принять во вниманіе простоту некультурныхъ жизненныхъ интересовъ и рядомъ перевѣсъ сложной психической ассоціаціи надъ логической абстракціей. Проблемы позднѣйшихъ временъ вращаются около такихъ понятій, которыя были совершенно чужды болѣе раннему періоду, но для которыхъ существуетъ лишь форма мышленія и выраженія, выработанная послѣд-

нимъ для совершенно другихъ цѣлей. Эти формы давно омертвѣли, когда было приступлено къ созданію для нихъ новаго содержанія, никогда съ ними не совпадающаго и требующаго для себя совершенно иного, теперь не возстановимаго, умственнаго состоянія. Уже для психическихъ высшаго порядка явленій мы принуждены пользоваться представленіями внѣшнихъ чувствъ, потому что прежде всего обратилъ на себя вниманіе человѣка внѣшній міръ, и когда дошла очередь до явленій психическаго міра, языкъ не могъ уже подняться на достаточную высоту творчества, чтобы создать спеціальныя выраженія, а долженъ былъ прибѣгнуть, для выраженія психическихъ явленій, къ представленіямъ далеко не однороднымъ. Чѣмъ общѣе и многообъятнѣе предметы нашихъ изслѣдованій, тѣмъ ниже они лежатъ, сравнительно съ горизонтомъ, окружавшимъ эпоху развитія языка и мысли. и тѣмъ многочисленнѣе (если не могутъ бытъ разрѣшены помощью преобразования языка) противорѣчія, особенно, когда приходится посредствомъ категорій современнаго мышленія разрѣшать такіе вопросы, какъ вопросъ объ отношеніи единичнаго къ общему понятію. Намъ кажется, что подобную же причину слѣдуетъ искать и для затрудненія, вызваннаго вопросомъ объ отношеніи индивида къ соціальной группѣ.

Зависимость отъ рода и общества, составляющаго для человѣка сферу проявленія всѣхъ существенныхъ и важныхъ дѣйствій и отношеній, является до того проникающей и неустрашимой что лишь съ трудомъ достигается сознанія человѣка. Человѣкъ—существо по преимуществу сравнивающее; какъ мы никогда не воспринимаемъ абсолютной величины раздраженія, а лишь его степень сравнительно съ предшествовавшими, такъ точно наше вниманіе направляется не на постоянныя общія распространеныя явленія, а преимущественно на тѣ, которыя представляютъ нѣкоторыя различія. Общій субстратъ, на коемъ проявляется все индивидуальное, есть нѣчто само собою понятное и вслѣдствіе этого не можетъ возбудить къ себѣ особеннаго вниманія, которое исполнѣ отдается индивидуальнымъ различіямъ. Ибо всѣ практическіе интересы покоются на различеніи между однимъ человѣкомъ и другимъ, между тѣмъ какъ общій фонъ, на которомъ выступаетъ все разнообразіе жизненныхъ отношеній, какъ бы приглядѣвшійся факторъ, находится въ пренебреженіи у нашего сознанія, такъ какъ затрагиваетъ всѣхъ и вся въ одинаковой степени. Какъ свѣтъ и воздухъ не имѣютъ никакого экономическаго значенія, ибо они доступны всѣмъ въ равной мѣрѣ, такъ и со-

держаніе духа народнаго не имѣеть значенія для сознанія по стольку, по сколько всякій имъ обладаетъ въ равной степени.

Единственная сфера, въ которой соціальная группировка, какъ таковая, проникла въ сознаніе человѣка,—это сфера практической политики; гораздо позднѣе сфера церковнаго общенія. Здѣсь прежде всего появилось необходимое для всякаго познанія различіе между одними и другими группами, и сверхъ того политическія отношенія отдѣльнаго члена и группы требуютъ весьма чувствительныхъ жертвъ со стороны перваго, что всегда гораздо скорѣе будитъ сознаніе, нежели выгоды, получаемыя индивидомъ отъ общества въ другихъ случаяхъ.—Послѣдующія разсужденія не касаются функций цѣлой группы, являющейся объектомъ чисто соціологическаго изслѣдованія, а имѣютъ цѣлю опредѣлить по преимуществу положеніе и судьбу отдѣльнаго индивида, которыя создаются для него взаимодействіемъ, связывающимъ его съ другими индивидами въ одно соціальное цѣлое.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in approximately 20 horizontal lines, but the characters are too light and blurry to be transcribed accurately. It appears to be a formal document or report.

ГЛАВА I.

Групповая отвѣтственность.

Первобытныя времена обнаруживают тенденцію разсматривать отдѣльный преступный актъ индивида, какъ проступокъ всей его социальной группы: племени, рода, семьи и т. д. Внутри политически-однородной группы, гдѣ центральная власть наказываетъ за злодѣяніе, отвѣтственнымъ являются родичи до 3-го и даже 4-го колѣна, и наказаніе постигаетъ такихъ родственниковъ, которые совершенно къ преступленію не причастны; еще въ сильнѣйшей степени замѣчается это при частной мести, которая превращается въ войну цѣлыхъ семействъ, когда членъ одного рода нанесъ какую-нибудь обиду члену другого. Что касается политически различныхъ группъ, то здѣсь одна группа требуетъ удовлетворенія отъ другой за вредъ, нанесенный членомъ одной члену другой. Недостатокъ дифференціаціи можетъ имѣть двоякую причину: прежде всего объективную, именно, единеніе между

индивидомъ и группой можетъ быть до того тѣсно, что поступки единичныхъ членовъ могутъ съ полнымъ правомъ быть принимаемы не какъ индивидуальныя, а какъ результаты известной солидарности между членами группы; и во вторыхъ субъективная, зависящая отъ неумѣнія еще отличать провинившагося субъекта отъ группы, съ которой онъ во всемъ остальномъ, кромѣ даннаго проступка, находится въ неразрывной связи. — Такъ какъ чаще всего одна и та же причина влѣяетъ обѣими своими сторонами, то не будетъ ошибкой, если въ послѣдующемъ мы будемъ трактовать объ этой причинѣ, не различая строго ея указанныхъ сторонъ.

Въ отношеніи сплоченности можно принять, что наслѣдственный принципъ, проявляющійся въ общности и равенствѣ индивидовъ, имѣлъ перевѣсъ надъ принципомъ приспособленія, обусловливающимъ самостоятельность и различіе ихъ. Съ полнымъ правомъ установлено, что социальная сплоченность является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ людей за существованіе, и что вслѣдствіе этого она, путемъ естественнаго подбора, становилась все болѣе и болѣе тѣсной. Чѣмъ меньше группа, доставляющая индивиду сумму необходимыхъ средствъ къ жизни и чѣмъ меньше возможность добыванія ихъ

внѣ ея, тѣмъ тѣснѣе онъ долженъ съ ней сплотиться.

Мы чувствуемъ себя болѣе сплоченными, когда только немногія нити связываютъ насъ, но нити, сопровождающія наши поступки и чувствованія постоянно и по всѣмъ направленіямъ и остающіяся, благодаря своей малочисленности, всегда въ нашемъ сознаніи. Тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто безчисленные и разнородныя связи, зависимость отъ этого множества ихъ оказывается слабѣе, потому что она слабѣе относительно каждой изъ нихъ, которая не дѣйствуетъ постоянно въ совокупности съ остальными, а въ данный моментъ проявляется либо одна, либо въ связи съ очень немногими. Чѣмъ проще реальныя и идеальныя силы, связывающія общину, заключающую въ себѣ существеннѣйшія жизненныя проявленія индивида, тѣмъ тѣснѣе и солидарнѣе связь его съ цѣлымъ. тѣмъ ограниченнѣе должно быть послѣднее. Исторія религіи даетъ этому блестящія подтвержденія. Первыя маленькія христіанскія общины были связаны очень скромнымъ числомъ религіозныхъ догматовъ, но связь ихъ была невообразимо тѣсна, можно сказать, неразрывна. Соотвѣтственно усиливавшемуся распространенію христіанства, число его догматовъ увеличивалось, а солидарность каждаго члена съ общиной уменьшалась. Процессъ раз-

витія всякихъ партій обнаруживаетъ тотъ же характеръ: въ первомъ періодѣ развитія партія, съ одной стороны, мала, а съ другой, отличается твердымъ единодушіемъ и необыкновенной прочностью связи, которая идетъ обыкновенно *decrecendo* по мѣрѣ увеличенія партіи и вмѣстѣ съ нимъ и расширенія ея программы.

Соціальное цѣлое, какъ таковое, требуетъ для своего существованія извѣстнаго количества средствъ, которыя какъ и у отдѣльнаго организма возрастаютъ не въ прямой зависимости отъ величины его, а въ пропорціи несравненно меньшей; слѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что въ группахъ состоящихъ изъ незначительнаго числа членовъ, каждый членъ несетъ большія тягости въ пользу своей группы, чѣмъ члены болѣе многочисленныхъ группъ; такъ, мы замѣчаемъ, что мѣстныя повинности въ маленькихъ городахъ сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ большихъ. Определенныя потребности общины остаются одинаковыми, будетъ ли эта послѣдняя велика, или мала, и требуютъ отъ отдѣльныхъ сочленовъ тѣмъ большей жертвы, чѣмъ меньшее число послѣднихъ раздѣляютъ между собой общія повинности.

Неподдатливость, которую физическій организмъ проявляетъ при отнятій у него не-

точниковъ пропитанія и существованія; противо-
дѣйствіе, которое онъ въ равной пропорціи
оказываетъ встрѣчающимся препятствіямъ, на-
конецъ, внутренняя способность возстановлять
испорченныя или совсѣмъ потеряныя части,
— все это, повидимому, указываетъ на осо-
бенную силу, которая совершенно независимо
отъ составныхъ частей удерживаетъ цѣлое,
какъ таковое, въ равновѣсіи. Не прибѣгая къ
мистической гармоніи, мы замѣчаемъ и въ со-
ціальному цѣлому силу противодѣйствія, про-
порціональную внѣшнему давленію, цѣлитель-
ную силу противъ внѣшнихъ поврежденій, си-
лу внутренняго равновѣсія и самостоятель-
ности, неимѣющую внѣ организма никакихъ
источниковъ и поддерживающую цѣлое, какъ
таковое, не смотря на то, что ужъ давно из-
сякли его здоровые соки и отрѣзанъ всякій
притокъ ихъ извнѣ. Теперь убѣдились, что
эти жизненныя силы не есть особенный, ви-
тающій надъ частями организма, духъ, но
наиболѣе полное выраженіе взаимодѣйствія
его частей; никакой органъ тѣла не проявля-
етъ особенныхъ свойствъ, какихъ бы невоз-
можно было отъ него добиться внѣ организма,
при условіи осуществленія одинаковыхъ ме-
ханическихъ и химическихъ раздраженій. От-
дѣльные органы и клѣтки получаютъ импульсъ
къ сплоченію и росту не извнѣ, а отъ своихъ

собственныхъ внутреннихъ силъ, форма же и продолжительность единенія зависятъ, отъ этихъ потенціальныхъ силъ, которыя каждый органъ или клѣтка носить въ себѣ и проявленіе которыхъ вызывается ихъ взаимодействіемъ. Только неуволимость и неизмѣримыя сцѣпленія взаимодействій, не дающія проникнуть въ отдѣльные моменты послѣднихъ и строго отличать вліяніе каждой части въ отдѣльности, вводятъ въ заблужденіе относительно существованія какой-то, внѣ самихъ элементовъ лежащей, особенной силы. Чѣмъ выше и сложнее образованіе, тѣмъ болѣе кажется, что оно управляется специальной ему, какъ цѣлому, присущей силой и тѣмъ менѣе возможно опредѣленіе того содѣйствія, которое каждая часть въ отдѣльности оказываетъ равновѣсію и развитію цѣлаго. Въ то время какъ въ низшемъ и неорганическомъ, или состоящимъ изъ немногихъ частей, агрегатѣ, вліяніе каждой части на судьбу цѣлаго устанавливается, такъ сказать, макроскопически, тоже вліяніе въ агрегатѣ высшаго порядка поддается только пронизательному взору; сложный агрегатъ удѣляетъ каждому своему элементу такую массу функций, что невозможно опредѣлить, какая именно является характерной для того или другого элемента, отношеніе котораго къ цѣлому остается и объективно и субъективно неопредѣленнымъ.

Какъ индивидъ въполнѣ зависимъ отъ своей соціальной группы, такъ еще въ большей степени эта послѣдняя находится въ зависимости отъ отдѣльныхъ членовъ, если она обнимаетъ лишь незначительное число ихъ. Несмотря на то, что простѣйшія жизненные условія первобытныхъ временъ и перевѣсъ тѣлѣсной дѣятельности надъ умственной, можетъ быть, способствовали болѣе здоровой и нормальной комплексіи индивидовъ, чѣмъ въ эпохи культурныя, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе вліянія указаннаго отношенія, первобытная группа гораздо чувствительнѣе и распадается она отъ менѣе сильныхъ толчковъ, чѣмъ большое культурное государство, члены котораго сами по себѣ, можетъ быть, и гораздо слабѣе. Изъ этого же отношенія станетъ понятной растущая независимость цѣлаго и его силъ отъ cadaго изъ его элементовъ; чѣмъ болѣе цѣлое зависитъ отъ cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, то - есть, чѣмъ большія тягости оно должно на нихъ налагать, тѣмъ болѣе оно подвержено потрясеніямъ, исходящимъ отъ нихъ или какимъ-нибудь образомъ ихъ затрагивающимъ; это соотношеніе измѣняется вмѣстѣ съ возрастаніемъ и культивированіемъ общественнаго тѣла въ томъ смыслѣ, что послѣднее достигаетъ большей независимости въ отношеніи своихъ

элементовъ, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ въ средствахъ къ существованію. Если социальная группа производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто ея собственная, относительно независимая отъ элементовъ, сила поддерживаетъ ея существованіе и равновѣсіе, то это доказываетъ высокое развитіе и сложность внутреннихъ отношеній. Съ усиленіемъ послѣдней, соотвѣтственно измѣняется и послѣдствія: цѣлое дѣлается самостоятельнымъ относительно своихъ частей, и каждая часть несетъ сравнительно меньшія жертвы въ пользу цѣлаго. Такимъ образомъ, болѣе связанное положеніе индивида относительно незначительной группы, его болѣе тѣсное сліяніе съ этой послѣдней, чѣмъ съ большей группой, должно быть разсматриваемо, какъ частный случай примѣненія общей нормы, имѣющей значеніе для взаимной зависимости всѣхъ тѣлъ.

Нѣкоторое разсужденіе, открываетъ еще другую сторону того же отношенія. Такъ какъ дифференціація индивидуальныхъ силъ и дѣятельностей при первобытныхъ социальныхъ условіяхъ еще несовершенна, жертва приносимая индивидомъ въ пользу цѣлаго оказывается гораздо большей, чѣмъ этого требуетъ положеніе вещей. Въ силу нераздѣльности психическихъ комплексовъ и тѣсной связи отдѣльныхъ волевыхъ актовъ, одно какое-либо цѣлесообраз-

ное дѣйствіе влечетъ за собой много другихъ, не соотвѣтствующихъ данной цѣли и являющихся совершенно лишними, — что мы замѣчаемъ у дѣтей и безумныхъ, которые для даннаго дѣйствія приводятъ въ движеніе большее число мускуловъ, чѣмъ это необходимо, и поэтому работаютъ всѣмъ локтемъ, гдѣ можно обойтись одними пальцами, всѣмъ тѣломъ, когда достаточно одной руки. Тамъ, гдѣ требованія, предъявляемая группой индивиду, точно и опредѣленно выражены, они могутъ быть гораздо незначительнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда нераздѣльность психическаго содержанія и жизненныхъ интересовъ обуславливаетъ не цѣлесообразную трату силъ. Вспомнимъ, что принадлежность къ тому или другому цеху очень часто обуславливала участіе въ извѣстной партіи, что члены примитивныхъ государствъ принуждались къ исповѣдыванію извѣстныхъ общихъ религіозныхъ воззрѣній, что лица, принадлежавшіе къ извѣстнымъ семействамъ, тѣмъ самымъ бывали поставлены въ необходимость братья за наследственное фамильное занятіе, какъ въ Египтѣ, Мексикѣ и т. д. Для доказательства того, что такое-же состояніе оставило слѣды въ новѣйшихъ культурахъ, я приведу примѣръ изъ недавняго прошлаго. Въ Англіи до 1865 года каждый рабочій, принимавшій участіе въ прибыли,

ею ірсо становилъся однимъ изъ хозяевъ предприятия и, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ за него. Законъ указаннаго года упростилъ эту связь, при чемъ онъ, путемъ болѣе высокой дифференціаціи, привлекъ къ хозяйственной отвѣтственности только тѣхъ, которые являются въ дѣлѣ наиболѣе заинтересованными, и рабочій съ этого времени могъ принимать участіе въ прибыли безъ необходимости нести ничѣмъ неоправдываемый рискъ полнаго предпринимателя.

Достойно вниманія, что какъ недостаточная объективная дифференціація связываетъ функцію одного предмета съ телеологически несоотвѣтственной функціей другого, такъ часто бываетъ, что несовершенное субъективное сужденіе не въ состояніи открыть существующую въ скрытомъ видѣ дифференціацію, и такимъ образомъ, когда осуществленіе послѣдней зависитъ отъ сознанія и воли людей, она не осуществляется и тамъ, гдѣ для этого имѣются на лицо всѣ условія. Дифференціація тѣлъ въ нашемъ представленіи не находится въ соотвѣтствіи съ объективной дифференціаціей и ея возможностью, хотя, вообще говоря, первая опредѣляется послѣдней; когда же во многихъ случаяхъ, наоборотъ, первая опредѣляетъ послѣднюю, то при ея недостаточности получается безвыходный кругъ; не-

раздѣльность субъективныхъ представленій обусловливаетъ недифференцированность объективную, а эта, въ свою очередь, вновь порождаетъ недостаточную субъективную дифференціацію. Такъ и въра въ ненарушимую солидарность семейства, вытекавшая изъ недифференцированныхъ представленій, приводила къ преслѣдованію семейства, какъ цѣлаго, за индивидуальный проступокъ его члена, что побуждало семью, при защитѣ отъ внѣшняго давленія, къ болѣе тѣсному сплоченію, которое, въ свою очередь, давало основаніе извѣстнымъ субъективнымъ представленіямъ.

Нужно имѣть еще въ виду, что индивидъ, неся службу въ пользу цѣлаго, получаетъ отъ послѣдняго и форму, и содержаніе своего существованія. Такимъ образомъ, охотно или неохотно, амальгамируетъ онъ свои интересы съ интересами группы, такъ что не только групповые интересы дѣлаются его собственными, но и наоборотъ. И его природа вполне, такъ сказать, сливается съ природою группы, вслѣдствіе того, что на протяженіи многихъ поколѣній его особенности примѣнялись къ общимъ интересамъ, и такимъ образомъ, единство цѣлей привело къ единству духовному и физическому.

Въ силу той особенности нашего духа, что одновременныя явленія въ нашемъ пред-

ставленіи ассоціируются, — чувства, вызываемыя однимъ изъ однороднаго ряда людей или явленій, переносятся на другое, не подающее къ тому никакого повода. Никакому человѣку не удастся сразу освободиться отъ непріязненнаго и предубѣжденнаго чувства по отношенію къ человѣку, имѣющему нѣкоторое сходство съ его смертельнымъ врагомъ. Напротивъ, нѣкоторыя черты человѣка привязываютъ насъ къ нему съ такой силой, которой вовсе не соотвѣтствуютъ его характерныя особенности; но все дѣло въ томъ, что эти черты отличали дорогое намъ существо, и это внѣшнее сходство способствуетъ перенесенію и соотвѣтственныхъ чувствъ. Формальнаго сходства въ одномъ пунктѣ достаточно, чтобы въ нашемъ сознаніи одинаковыя отношенія связывались то съ той, то съ другой личностью. — Дружественныя или враждебныя чувства противъ какой-либо группы зачастую вызываются или усиливаются тѣмъ, что одинъ какой-нибудь членъ ея подалъ къ тому поводъ, и уже психологическая ассоціация между одинаковыми представленіями переноситъ тѣ же чувства и на остальныхъ, которые, какъ это бываетъ въ отношеніи семьи или цѣлой націи, лишь своимъ сходствомъ и нѣкоторыми общими признаками — хотя бы обладаніемъ од-

нимъ именемъ—благоприятствуютъ такой ассоціаціи въ представленіяхъ третьяго лица. Особенно это нужно принять для отдаленнаго прошлаго, для первыхъ періодовъ развитія сознанія, когда ассоціація основывалась главнымъ образомъ на внѣшнемъ сходствѣ. Такъ, рассказываютъ, что дѣтскіе люди не могутъ отличить представленія фотографіи отъ дѣйствительнаго человѣка. Чѣмъ менѣе развиты мыслительныя способности, тѣмъ непосредственнѣе распространяются и на другія отношенія ассоціаціи, основанныя на внѣшнемъ сходствѣ, и въ той мѣрѣ, какъ вообще эта психическая особенность даетъ перевѣсъ живой субъективности надъ спокойной разсудительностью, чувства и образъ дѣйствій, вытекающіе относительно одного лица изъ реальныхъ основаній, распространяются безъ дальнѣйшихъ разсужденій на весь кругъ лицъ, имѣющихъ съ даннымъ лишь нѣкоторые общіе признаки.

Съ другой стороны не требуется и этого сходства внѣшнихъ признаковъ для того, чтобы сдѣлать группу отвѣтственной за проступокъ ея члена, разъ существуютъ функціональныя связи, единство цѣлаго, взаимная зависимость, общія отношенія къ высшему начальнику и т. д. Здѣсь, полагаемъ мы, лежитъ главное основаніе той проблемы, изъ

которой мы исходили. Враждебный актъ противъ чужого племени, идетъ ли дѣло о похищеніи женщинъ, рабовъ и подобныхъ предметовъ, объ удовлетвореніи оскорбленнаго правового чувства и т. п. едва ли предпринимается однимъ членомъ, въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе значительной группой. Уже потому это необходимо, что даже, когда нападеніе направлено на одного члена чужого племени, все оно in corpore спѣшится на его защиту; и это не потому, чтобы подвергшійся нападенію субъектъ былъ особенно полезенъ цѣлому, но потому, что всякій знаетъ, что одно удачное нападеніе влечетъ за собой другія и что непріятель, ограбившій сегодня одного изъ его товарищей, завтра съ удвоенной силой нападеетъ на него самого. Эти аналогіи отъ судьбы сосѣда къ своей собственной являются могущественнѣйшимъ рычагомъ обобществленія, выводя дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка изъ предѣловъ личныхъ интересовъ и выставляя общую сплоченность, какъ единственное условіе удовлетворенія этихъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, понятно, что единеніе съ цѣлью нападенія и оборонительное сплоченіе обуславливаютъ другъ друга: нападеніе успешно только въ массовидной формѣ, такъ какъ и защита ведется соединенными силами, и наоборотъ.

Слѣдствіемъ этого, естественно, должно явиться то обстоятельство, что во враждебныхъ столкновеніяхъ, въ которыхъ каждый индивидъ становится лицомъ къ лицу съ группой, онъ въ каждомъ противникѣ видитъ не опредѣленную личность, а просто составную часть данной группы. Враждебныя столкновенія въ гораздо большей мѣрѣ коллективны, чѣмъ дружественныя, и наоборотъ, коллективныя взаимныя отношенія группъ бываютъ обыкновенно враждебны; это продолжается и до эпохи высшихъ культуръ, такъ какъ и тогда каждое государство абсолютно эгоистично. Гдѣ единеніе происходитъ не на почвѣ враждебныхъ столкновеній, то обыкновенно цѣль его опять таки война, оборонительная либо наступательная, такъ что и здѣсь не только въ отношеніи къ третьему лицу индивидъ получаетъ значеніе лишь составной частью своей группы, но даже члены одной и той же группы смотрятъ другъ на друга съ точки зрѣнія групповыхъ интересовъ; что ихъ связываетъ и сплачиваетъ,—такъ это общее отношеніе къ врагу, и индивидъ имѣетъ значеніе до тѣхъ поръ, пока за нимъ стоитъ группа. Эта, вызванная практикой жизни, солидарность порождаетъ послѣдствія, выходящія далеко за предѣлы времени и мѣста первоначальной своей причины. Замѣчено, что у самыхъ свобо-

долюбивыхъ народовъ, какъ грековъ, римлянъ, германцевъ, происхожденіе изъ знатнаго рода имѣло гораздо большій вѣсъ, нежели реальная сила и значеніе личности. Благородное происхожденіе, предковъ, ведущихъ свое начало отъ боговъ,—вотъ что выше всего цѣнить греческій поэтъ; въ глазахъ римлянина происхожденіе отъ несвободнаго налагало ничѣмъ не смываемое пятно, а у германцевъ различія происхожденія создавали разницу въ правоспособности. Это ничто иное, какъ отголосокъ того времени, когда солидарность семьи была безусловной, когда вся семья была готова раздѣлить нападеніе и оборону каждаго своего члена, который, такимъ образомъ, былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше и могущественнѣе была его семья. Если у Саксовъ вира за убійство благороднаго мужа въ 6 разъ превосходитъ виру обыкновеннаго смертнаго, то въ этомъ нужно видѣть переживаніе того прошлаго, когда, большая и могущественная семья могла мстить и мстила чувствительнѣе, чѣмъ незначительная. Принадлежность къ такой могущественной семьѣ удерживаетъ свое значеніе и тогда, когда дѣйствующая причина т. е. поддержка семьи, уже давно потеряла свое реальное значеніе. Это явленіе могло удержаться при свобододлюбивой тенденціи новыхъ народовъ, тогда какъ у народовъ управляе-

мыхъ тиранической властью и приспособившихъ къ такому образу прарленія свои соціальныя отношенія, знатныя фамильныя группы не могли остаться въ живыхъ. Абсолютная центральная власть должна устранить эти государства въ государствѣ, развить въ индивидѣ соціальную, политическую и религіозную податливость и гарантировать ему защиту права, которую онъ въ политически-свободныхъ группахъ находитъ въ единеніи съ своей семьей. Въ этомъ же отношеніи характернымъ для римскихъ царей является то обстоятельство, что они назначали на высшія должности вольноотпущенниковъ и, вопреки общественному мнѣнію, возвышали такихъ людей, которые со стороны своей фамиліи не представляли ничего выдающагося. Такъ разрѣшается кажущееся психологическое противорѣчіе между свободомысліемъ народовъ и ихъ приведеніемъ въ связь значенія личности съ ея происхожденіемъ, если наше положеніе вообще вѣрно, въ томъ смыслѣ, что значеніе это беретъ начало отъ защиты, которую давала семья и которая возможна въ свободныхъ государствахъ, гдѣ семья можетъ обладать самостоятельной силой. Какъ связь съ отдаленными отпрысками семьи проникла въ нашу культуру, видно изъ того, что очень многіе люди стараются удалить отъ себя от-

даленныхъ родственниковъ низшаго соціальнаго положенія, если не совсѣмъ отрицать ихъ. Эта-то забота, какъ бы не быть имъ скомпрометированнымъ, и усилія игнорировать всякую съ ними связь, показываетъ, какое значеніе придается общей принадлежності къ одной семьѣ еще и въ настоящее время.

Практическое единеніе, которое усматриваетъ въ семьѣ третье лицо, вовсе не взаимно, а представляетъ лишь защиту дѣтей со стороны родителей. Ее можно разсматривать, какъ дальнѣйшее развитіе чувства самосохраненія и объяснить изъ внутренняго существа самого организма: женская особь должна чувствовать яйцо или зародышъ, какъ *part viscerum*, ихъ изверженіе, какъ и сѣмени у мужской особи, связано съ слишкомъ сильнымъ возбужденіемъ, чтобы оставаться незамѣтными для данной особи, которая видитъ въ своемъ плодѣ часть своего собственнаго «я». Тотъ-же интересъ, какой чувствуетъ родитель къ оставшимся нераздѣльными частямъ тѣла, онъ переноситъ и на элементы, отъ него отдѣлившіяся, но оставшіяся ему не менѣе близкими. Оттого самецъ у птицъ остается совершенно равнодушнымъ къ своему потомству, пбо оплодотвореніе и развитіе зародыша въ утробѣ самки остается отъ него скрытымъ, между

тѣмъ, какъ напротивъ, самецъ-рыба весьма часто беретъ на себя роль матери, потому что онъ изліяетъ свои продукты на вымеченную икру, которую самка, разъ отъ нея отдѣлившись, больше не признаетъ. Изъ того, что между родителями и дѣтьми существуетъ органическая связь даже и тогда, когда они въ физическомъ смыслѣ отдѣлены другъ отъ друга, мы можемъ установить какъ бы апріорное фамильное единство.

Итакъ, изъ основаній, обуславливающихъ взглядъ на члена группы, лишь какъ на составную часть послѣдней, а не какъ на индивидуальность, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе внутреннія отношенія, не имѣющія ничего общаго съ отношеніями къ третьимъ лицамъ: органическая привязанность между родителями и дѣтьми, сходство ихъ между собой, приноровленіе интересовъ къ одинаковымъ условіямъ жизни, ихъ сплоченность въ тѣхъ случаяхъ, которые стоятъ въ сторонѣ отъ отношеній къ другимъ племенамъ,—все, это обуславливаетъ извѣстную однородность, съ одной стороны мѣшающую всякому третьему лицу обращаться съ членами данной группы, какъ съ самостоятельной личностью, а съ другой—достаточно спланивающую дѣйствія группы противъ внѣ ея стоящихъ, чтобы отношеніямъ къ третьему лицу

придавать такое же значеніе, какъ и отношеніямъ къ цѣлой группѣ и въ то же время относительно послѣдней проявлять тѣ чувства, которыя были вызваны однимъ лишь ея членомъ.— Между тѣмъ, какъ здѣсь реальное единство составляетъ основаніе, въ силу котораго реакція группы всегда коллективна, мы рядомъ же видимъ, что лишь практическая необходимость обуславливаетъ сплоченность рода и что эта послѣдняя, не имѣя въ основаніи реального единства, сама его вызываетъ. Даже уже въ высшихъ областяхъ, думается намъ, солидарная дѣятельность двухъ индивидовъ и вытекаетъ изъ внутренняго ихъ сходства и въ одинаковой степени его обуславливается и здѣсь органы приспособляются къ функціямъ, вызваннымъ окружающей средой. Внутри индивида, то, что называютъ единствомъ, уравниваемостью личности, ни въ коемъ случаѣ не есть существенное основаніе внѣшняго единства отношеній къ людямъ и своимъ обязанностямъ, а наоборотъ, практическая необходимость вызываетъ часто одинаковыя комбинаціи душевныхъ силъ, обуславливающія единство отношеній къ другимъ и себѣ. Такъ, человекъ, который находится подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ склонностей и страстей, котораго этическія и интеллектуальныя стремленія влекутъ въ совершенно

различныя стороны, приходитъ въ равновѣсіе вслѣдствіе того, что онъ подпадаетъ подъ вліяніе религіозной идеи; при чемъ всѣ стороны его духовной природы стремятся къ тому, въ чемъ проявляется божественная воля, и, такимъ образомъ, становясь въ одинаковое отношеніе къ божественной идеѣ, онѣ приходятъ къ единству, которое до того было имъ вполне чуждо. Переходя къ сложнымъ образованиямъ, мы для примѣра того, какъ солидарное отношеніе къ третьему лицу порождаетъ и усиливаетъ сплоченность, приведемъ секту Herrnhuter. Къ Христу, котораго они считали непосредственнымъ главой ихъ общины, каждый находился въ индивидуальномъ, въ сердечномъ, если такъ можно выразиться, отношеніи, и оно-то порождало тѣснѣйшую, необыкновенную сплоченность членовъ. Этотъ случай тѣмъ болѣе поучителенъ, что отношеніе каждаго сочлена къ высшему принципу ультра-субъективно, оно создаетъ между нимъ и Христомъ связь, неизмѣющую съ другими никакихъ точекъ соприкосновенія, и тѣмъ не менѣе одного того, что всѣ нити сходятся въ одномъ центрѣ, достаточно, чтобъ всѣ члены слились во едино. Въ сущности вообще эта необыкновенная социализирующая сила религіи покоится главнымъ образомъ на солидарности отношенія къ высшему принципу; сле-

цифическое чувство, которое кладутъ въ основаніе религіи, именно, чувство зависимости, въ высшей степени благопріятствуетъ созданію между субъектами, имъ преисполненными, религіи, т. е., по старому неправильному выраженію, общей связи — Мы далѣе въ этомъ смыслѣ утверждаемъ, что первоначальная солидарность патриархальной семьи основывалась не на рожденіи отъ одного отца, но на владычествѣ послѣдняго, ея единство въ чувствахъ и образѣ дѣйствій установилось не à priori, но какъ слѣдствіе солидарнаго отношенія къ третьему лицу. Какъ велико объединяющее вліяніе солидарнаго отношенія къ врагу, видно изъ того, далеко не единственнаго примѣра, что Франція въ значительной степени обязана войнѣ съ англичанами сознаниемъ своего національнаго единства. Короче, то, что сожительство ведетъ къ солидарности, что локальное, чисто-анатомическое единство ведетъ къ фізіологическому, должно быть по преимуществу приписано общему, добровольному или вынужденному, отношенію къ третьему лицу.

Изъ всего вышесказаннаго достаточно ясно, что обида, нанесенная однимъ индивидомъ другому, должна вызвать реакцію послѣдняго противъ всей группы, къ которой принадлежитъ первый, и что въ высшей степени слож-

ная дифференціація, объективная—внутри группы, и субъективная—въ сознаниі потерпѣвшаго, должна предварительно осуществиться, чтобы возмозжно было точно локализовать обиду и соотвѣтственную реакцію. Хотя болѣе культурный человѣкъ и болѣе развитое законодательство въ принципѣ и отвергаютъ необходимость со стороны родственниковъ преступника платиться за преступленіе послѣдняго, однако въ дѣйствительности необходимость эта находитъ свое осуществленіе, непосредственное, когда жена и дѣти осужденнаго оказываются брошенными на произволъ судьбы, и посредственное—въ томъ смыслѣ что общество клеймитъ и жену, и дѣтей, и даже отдаленныхъ его родственниковъ, если не въ равной съ нимъ мѣрѣ, то во всякомъ случаѣ весьма чувствительно.—Стремленіе къ высшей дифференціаціи въ этомъ направленіи не ограничивается одной только группой, а проявляется и въ предѣлахъ личности, какъ таковой. На высшей ступени развитія мы не считаемъ всего человѣка отвѣтственнымъ за безнравственный поступокъ; мы понимаемъ, что воспитаніе, примѣръ, наследственные наклонности могутъ дурно повліять на какую-либо сторону характера или на извѣстный кругъ понятій, между тѣмъ, какъ остальная часть личности остается совершенно безупречной.

Развивающаяся дифференціація реальныхъ проявленій нашей духовной природы объективно содѣйствуетъ этому въ такой же мѣрѣ, какъ субъективно дифференціація обусловливающихъ ихъ силъ. Чѣмъ развитѣе личность, чѣмъ болѣе раздѣльны и самостоятельны различныя ея стремленія, способности и интересы, тѣмъ скорѣй мы можемъ приписать совершенный его проступокъ одной какой-либо испорченной ея наклонности, не дѣлая отвѣтственной за него всю личность. Это особенно ясно видно на примѣрѣ половой безнравственности, которая нисколько не мѣшаетъ человѣку въ остальныхъ отношеніяхъ быть вполне нравственной личностью.

Теперь субъективно: въ той мѣрѣ, въ какой разсуждающій не всѣмъ своимъ существомъ воспринимаетъ ощущеніе, вызванное въ немъ другимъ лицомъ, въ такой же мѣрѣ онъ объективенъ въ отношеніи къ другому и ограничиваетъ свою реакцію по стольку, по скольку данный поступокъ есть лишь частичное проявленіе личности, его совершившей, онъ умѣетъ отличить поступокъ отъ самого человѣка, единичное, случайное отъ цѣлаго. Такъ, если общество обращаетъ вниманіе на вышеупомянутый случай половой безнравственности, то оно полагаетъ согрѣшившему ничтожную частичку наказанія, которымъ въ

другихъ случаяхъ карается самое незначительное отступленіе отъ морали. (Впрочемъ, здѣсь, помимо дифференціаціи, большую роль играетъ варварскій рудиментъ въ отношеніяхъ къ женщинѣ). Связь между субъективной дифференціаціей и болѣе высокимъ развитіемъ обнаруживается въ такихъ явленіяхъ, какъ охватывающая все существо вспыльчивость непосредственныхъ натуръ, полная поглощаемость некультурнаго человѣка мгновеннымъ аффектомъ; обнаруживается она также въ особаго рода ощущеніи солидарности, требующемъ «мести человѣчеству» «мести мужчинамъ, женщинамъ и т. д.».

Изъ этой двойной дифференціаціи получаютъ, напримѣръ, для педагогики весьма важные выводы. Низшимъ культурамъ свойственно съ понятіемъ воспитанія соединять понятіе наказанія, цѣль коего угнетать и искоренять дурныя наклонности. Чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ настоятельнѣе становится стремленіе не надломить силу, лежащую даже въ безнравственной наклонности, а создать такія условія, при которыхъ она можетъ получить полезное примѣненіе, при которыхъ и самая безнравственность создаетъ нѣчто полезное; приблизительно такъ, какъ техническая культура извлекаетъ теперь пользу изъ отбросовъ, казавшихся прежде ни къ

чему негодными. Это возможно только чрезъ посредство дифференціаціи, при чемъ различные моменты воспріятія и реакціи выдѣляются изъ общихъ комплексовъ, въ которыхъ они стояли другъ подлѣ друга и другъ друга же опредѣляли. Только когда каждое отношеніе, каждый моментъ общественнаго или индивидуальнаго существованія дифференцированъ до такой степени, что для него возможно самостоятельное проявленіе, не затрагивающее механически связанныхъ съ нимъ элементовъ, — только тогда представляется возможнымъ изолированно устранять вредные элементы, не задѣвая пограничныхъ здоровыхъ. Такъ даютъ возможность медицинскія познанія удалять въ совершенной изолированности только мелкія заболѣвшія части тѣла, между тѣмъ, какъ прежде приходилось прибѣгать къ ампутаціи цѣлаго члена; напр. при воспаленіи колѣннаго сочлененія въ настоящее время является достаточной резекціа колѣннаго сустава въ то время, какъ, въ недалекомъ прошломъ, ампутировали всю ногу. — Дифференціація въ наказаніи, особенно уголовномъ, весьма ограничена, такъ какъ душа кажется до того однородной, что то ея мѣсто, изъ котораго исходитъ проступокъ, повидимому, воспринимать и горечь наказанія, и потому можно за оскорбленіе чести, за обманъ, за без-

нравственное дѣяніе осуждать на одинаковыя наказанія. Тѣмъ не менѣе бѣольшая снисходительность, обнаруживаемая въ новѣйшія времена въ отношеніи къ преступнику, служитъ признакомъ того, что отдѣльный проступокъ получаетъ свою оцѣнку, лишь какъ частичное проявленіе личности, и что единичное прегрѣшеніе представляется ничѣмъ инымъ, какъ только преходящей порчей души,—это между прочимъ напоминаетъ ту дифференціацію, которая освобождаетъ цѣлое отъ отвѣтственности за поступокъ своего члена. И исправленіе преступника, являющееся одной изъ главныхъ цѣлей новѣйшей культуры, можетъ психологически быть обосновано тѣмъ предположеніемъ, что душа преступника достаточно дифференцирована, чтобы содержать рядомъ съ преступными также и безупречныя склонности; болѣе глубокая психологическая концепція ждетъ исправленія преступника не отъ непосредственнаго устраненія первыхъ, а отъ возможнаго укрѣпленія и подъема послѣднихъ. На высотѣ современной культуры обнаруживается какъ бы возвратъ къ прежней точкѣ зрѣнія. Въ послѣднее время замѣчается склонность дѣлать общество отвѣтственнымъ за преступленіе индивида. Особенному положенію, въ которое оно ставитъ отдѣльную личность, ненормальнымъ въ томъ

или инымъ отношеніи условіями жизни, какія оно ей даетъ, непреодолимымъ явленіямъ и вліяніямъ какимъ подвергается индивидъ,— всему этому, а не личной волѣ теперь съ полнымъ правомъ приписываютъ злодѣяніе, совершенное тѣмъ или другимъ лицомъ. Трансцендентальное познаніе всеобщаго господства естественной причинности, которая исключаетъ преступленіе въ смыслѣ *liberum arbitrium*, приводитъ къ убѣжденію въ безусловномъ и исключительномъ вліаніи социальныхъ условій на людей. Въ какой мѣрѣ старое индивидуалистическое міровоззрѣніе смѣнилось историко-соціологическимъ, усматривающимъ въ индивидѣ лишь комокъ социальныхъ нитей,—въ такой же мѣрѣ индивидуальная вина должна уступить мѣсто винѣ коллективной. Если единичная личность, по своимъ врожденнымъ наклонностямъ, представляетъ продуктъ предшествующихъ генерацій, а по развитію этихъ наклонностей—продуктъ существующихъ условій, если она получаетъ все свое содержаніе только какъ бы въ временное владѣніе отъ общества, то мы не можемъ сдѣлать ее отвѣтственной за дѣйствія, въ отношеніи которыхъ она является лишь орудіемъ для ихъ совершенія, лишь, такъ сказать, точкой прохожденія вышнихъ силъ. Могутъ возразить, что опредѣляющая проступокъ индивида об-

щественная организація должна въ послѣднемъ счетѣ исходить отъ тѣхъ же единичныхъ личностей, которыхъ такимъ образомъ и слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности. Слѣдовательно, индивидъ, какъ таковой, все таки можетъ провиниться, и если можно сложить его вину на общество, то во всякомъ случаѣ не цѣликомъ, такъ какъ общество состоитъ изъ тѣхъ же индивидовъ и не можетъ быть виновно тогда, какъ эти послѣдніе невинны. Всякому несовершенному и несправедливому соціальному строю, который можетъ толкнуть живущихъ подъ нимъ на путь преступный, долженъ былъ быть данъ толчекъ, исходившій отъ индивида; всякая наслѣдственность, распространяющая зародыши порока, не ведетъ же своего происхожденія отъ вѣчности, а имѣетъ свое начало въ первоначальномъ поступкѣ одного изъ предковъ. И если множество нитей связываетъ поступокъ индивида съ прежними генераціями, то, съ другой стороны, отъ него самого исходятъ новыя, опредѣляющія собой грядущія поколѣнія, и отвѣтственность предъ этими и должна быть тѣмъ съ большей силой подчеркнута, чѣмъ глубже проникаешься сознаниемъ, что никакой поступокъ въ предѣлахъ соціальнаго космоса не остается безъ послѣдствій, что вліяніе индивидуальной безнравственности обнаружива-

ется до тысячнаго поколѣнія. Такимъ образомъ, если соціальное положеніе, съ точки зрѣнія прошлаго, и освобождаетъ индивидъ отъ отвѣтственности, то эта послѣдняя тѣмъ тяжелѣе падаетъ на него во вниманіе къ грядущимъ поколѣніямъ.

Не вступая въ споръ, который долженъ раздѣлять участь всѣхъ преній о свободѣ воли, я здѣсь хочу указать лишь на слѣдующее. Послѣдствія какого-либо поступка измѣняютъ свой характеръ, когда они изъ области личныхъ отношеній или ограниченнаго кружка, на который они были направлены, распространяются на болѣе обширный кругъ. Когда, напримѣръ, порицаются стремленія церкви прибрать къ своимъ рукамъ и свѣтскую власть, то (если упрекъ посылается по адресу опредѣленныхъ лицъ средневѣковаго періода), можно возразить, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто традиція еще отъ первыхъ временъ христіанства, которую каждый считалъ ненарушимой тенденціей, само собой понятной догмой, такъ что вина здѣсь падаетъ скорѣй на создавшихъ ее, нежели на единичныхъ эпигоновъ, исполняющихъ завѣтъ предковъ. Но, съ другой стороны, въ отношеніи тѣхъ это вовсе не было виной, такъ какъ полное проникновеніе всей жизни религіозной идеей, нравственно-добровольная отдача всего себя

и своего на служеніе интересамъ христіанства была неизбѣжной необходимостью для первыхъ христіанскихъ общинъ, которыя до тѣхъ поръ оставались безвредными для общекультурныхъ интересовъ, пока рядомъ съ ними были и другія значительно большія группы, посвященныя служенію насущнымъ земнымъ цѣлямъ. Это измѣнилось лишь съ распространеніемъ христіанства. Если бы форма общежитія, умѣстная въ маленькихъ общинахъ, распространилась на всю совокупность государства, то этимъ самымъ была бы оставлена въ пренебреженіи почти вся область жизненныхъ интересовъ, подавленіе коихъ церковной властью должно считаться абсолютно безнравственнымъ. Такимъ образомъ, та же тенденція, которая при незначительной величинѣ соціального круга была полна значенія, при его расширеніи становится преступной, и если въ послѣднемъ случаѣ вина не падаетъ на отдѣльныя личности, при чемъ она выясняется изъ традиціи, то становится понятнымъ, что она не должна быть приписана и тѣмъ первымъ, отъ которыхъ традиція исходитъ, а причину ея должно искать въ количественномъ измѣненіи общественнаго круга. Вопросъ этотъ еще мало выясненъ, насколько простое числовое увеличеніе группы отражается на качественныхъ измѣненіяхъ ея отно-

шеній. Но такъ какъ это соотношеніе несомнѣнно, то вина и оправданіе, которыя опредѣляютъ образъ дѣйствій въ маленькомъ соціальномъ кружкѣ, могутъ, при расширеніи послѣдняго превратиться въ свою діаметральную противоположность; при чемъ позднѣйшая квалифікація поведенія индивида не можетъ повести къ обвиненію послѣдняго, такъ какъ его образъ дѣйствій есть ничто иное, какъ наслѣдіе прошлаго, и измѣненіе его значенія въ настоящемъ зависитъ не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ ихъ совокупности. Въ Горномъ Тибетѣ еще и теперь существуетъ полиандрія въ полной силѣ и, очевидно, какъ увѣряютъ миссіонеры, къ общему благу, потому что почва тамъ не плодородна, и вслѣдствіе этого быстрое увеличеніе населенія было бы крайнимъ бѣдствіемъ. Для предупрежденія его, полиандрія и является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Но помимо этого, мужчины принуждены уходить изъ дому со скотомъ или съ торговыми цѣлями и, стало быть, болѣе или менѣе продолжительное время оставаться внѣ дома, такъ что наличность нѣсколькихъ мужей, изъ коихъ, по крайней мѣрѣ, одинъ всегда остается въ домѣ, служить къ защитѣ жены и семьи. Эти, многократно засвидѣтельствованные, благопріятные для страны нравы тотчасъ измѣняются, какъ только

открытие новых источников жизни дѣлаетъ возможнымъ и необходимымъ увеличеніе населенія. Да и исторія развитія семьи часто показываетъ, что въ одномъ случаѣ нравственное, вслѣдствіе внѣшнихъ перемѣнъ, часто даже только количественныхъ, превращается въ свою противоположность. Если-бы индивидъ совершилъ проступокъ, напр. въ предыдущемъ примѣрѣ, не смотря на произошедшія перемѣны, слѣдовалъ бы полиандрическимъ наклонностямъ и свою отвѣтственность сложилъ бы на тѣ генерации, которыя посредствомъ наследственной передачи, частичныхъ пережитковъ и т. п. факторовъ толкнули его на этотъ проступокъ, то, соглашаясь съ его доводами, виновнымъ не слѣдуетъ считать никого, такъ какъ для его предковъ и самая полиандрія не была преступленіемъ, а нормой жизни. Общество, коего модификаціи создаютъ вину изъ нормальнаго и безразличнаго акта, виновато не въ смыслѣ моральной отвѣтственности, ибо модификація общества вытекаютъ изъ основаній, не имѣющихъ ничего общаго съ моралью; вопросъ о морали оказался случайнымъ ихъ послѣдствіемъ.—Чисто количественное расширение группы представляетъ только самый рѣзкій случай освобожденія индивида отъ отвѣтственности; другія модификаціи группы ведутъ къ такимъ-же

результатамъ для отдѣльныхъ ея членовъ, при чемъ послѣдніе, слагая съ себя отвѣтственность за свою вину, не налагаютъ ее ни на кого другого. Какъ послѣдствіемъ химической реакціи между двумя веществами является третье, не имѣющее никакого сходства съ каждымъ изъ первыхъ въ отдѣльности, такъ точно вина можетъ быть слѣдствіемъ столкновенія извѣстной врожденной склонности съ данными соціальными условіями, при чемъ ни одинъ изъ этихъ этихъ факторовъ не содержитъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Отсюда можно вывести подтверждаемое новѣйшими антропологическими изслѣдованіями заключеніе, что порокъ очень часто представляетъ собой ничто иное, какъ атавизмъ.

Мы знаемъ, что грабежъ и убійство, обманъ и насиліе находили себѣ въ прежнія времена совершенно иное объясненіе, нежели теперь; они были, въ отношеніи къ чужимъ племенамъ, частью премированными актами частной воли, частью обыкновенными подвигами; а внутри племени они являлись необходимыми средствами развитія культуры; при чемъ они, съ одной стороны, способствовали естественному подбору сильнѣйшихъ и наиболее приспособленныхъ къ жизни, съ другой, были орудіями тираніи и порабощенія, отъ которыхъ произошло первое неравенство и

раздѣленіе занятій. Тѣ же самыя проявленія человѣческой воли въ послѣдствіи превращаются въ преступленія; такимъ образомъ ясно, что порокъ есть только наслѣдственный отголосокъ первыхъ періодовъ развитія человѣческаго рода, когда онъ вовсе не былъ порокомъ въ нашемъ смыслѣ слова. Одинъ выдающійся анатомъ сдѣлалъ открытіе, которому мы придаемъ огромное значеніе: можно доказать, что то, что мы считаемъ тѣлеснымъ уродствомъ, есть ничто иное, какъ сходство съ типомъ низшихъ животныхъ, такъ сказать, возвратъ къ этому послѣднему. Также точно можетъ быть, что душевное уродство представляетъ возвратъ къ раннимъ, уже давно пройденнымъ, періодамъ развитія, возвратъ, который въ силу дисгармоничности съ новѣйшими условіями жизни проявляется, какъ порокъ. Въ пользу этого объясненія говоритъ и то, что рядомъ со специфическими пороками очень часто замѣчается общая дикость и непосредственность всего существа — признаки общаго атавизма; и далѣе, весьма многіе пороки находятъ въ дѣтской невоспитанности свои параллели, напр. склонность ко лжи, жестокость, страсть къ всеразрушенію, черствое самолюбіе; въ этомъ же смыслѣ доказано, что недостатки произношенія у взрослыхъ представляютъ собой отраженіе несовершенства дѣт-

ской рѣчи. Такъ какъ, по всей вѣроятности, дѣтство индивида представляетъ собой повтореніе дѣтскаго состоянія его рода, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, то можно аналогично заключить, что нравственные несовершенства перваго отражаютъ въ себѣ соотвѣтственные особенности послѣдняго. И если мы освобождаемъ дитя отъ вины за подобныя недостатки, такъ какъ знаемъ, что они составляютъ продуктъ родовой наследственности, то такимъ же точно образомъ мы должны поступать и въ отношеніи того, кто вслѣдствіе атавистическаго вліянія остановился на нижней ступени развитія, которую каждый человѣкъ, будучи ребенкомъ, проходилъ въ легкой формѣ и которая въ свое время была вполне нормальной и цѣлесообразной. И такъ, моральная вина проступка, котобую виновный приписываетъ своему наследователю—роду, падаетъ преимущественно на измѣнившіяся условія, сообщающія нѣкогда полезному и благому прямо-противоположныя свойства.

Но съ другой стороны нельзя не признать, что прогрессирующее социализированіе, наоборотъ, даетъ возможность дурнымъ и безнравственнымъ наклонностямъ проявлять нравственно-безупречныя послѣдствія. Мы уже выше упомянули, что при посредствѣ развитой

дифференціаціи и сила, находящаяся въ безнравственномъ, можетъ быть направлена въ сторону прогрессирующей культуры. Тогда обществу выпадаетъ на долю заслуга за нравственность индивида въ такой же мѣрѣ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ на него падала вина за его безнравственность. Мнѣ рассказывали о служившей въ одной больницѣ сестрѣ милосердія, которая отличалась ненасытимой жаждой крови и пробивалась ко всѣмъ жесточайшимъ операціямъ; именно благодаря этому своему хладнокровію и безстрастію, она брала на себя такія тяжелыя обязанности, для исполненія коихъ у обыкновеннаго чловѣка не хватило бы спокойствія. Та же природная склонность, которая въ былыя времена создала бы отчаяннаго изверга, болѣе совершенными условіями жизни направляется на путь нравственнаго дѣянія. Какъ численный приростъ группы можетъ превратить заслуживающій всяческаго одобренія поступокъ въ предосудительный, такъ и наоборотъ, можетъ безнравственную склонность сдѣлать соціально-полезной. Ибо увеличеніе группы обусловливаетъ въ равной мѣрѣ и ея дифференціацію: чѣмъ обширнѣе группа, тѣмъ необходимѣе для нея, при скудости источниковъ пропитанія, чтобы въ извѣстныхъ предѣлахъ каждый преслѣдовалъ различныя цѣли или

при той же цѣли выбиралъ другіе пути къ ея осуществленію. Слѣдствіемъ этого должно быть то обстоятельство, что односторонности, эгоистическія стремленія, самыя оригинальныя наклонности находятъ себѣ въ большомъ кругу свои мѣста и специфическую возможность сдѣлаться соціально-полезными.

Мы видѣли, что и вина въ безнравственности, и заслуга упорядоченія должны быть приписаны совмѣстному дѣйствію двухъ факторовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ исключительнаго значенія въ данномъ случаѣ. При простыхъ жизненныхъ отношеніяхъ незначительной группы, отдѣльный членъ будетъ достигать своихъ эгоистическихъ либо альтруистическихъ цѣлей, насколько онъ вообще ихъ можетъ приводить въ исполненіе, относительно простыми средствами. Чѣмъ обширнѣе его соціальный кругъ, тѣмъ больше обходовъ ему нужно совершить въ каждомъ данномъ случаѣ, потому что на одинъ и тотъ же объектъ желаній и стремленій является такая масса притязателей, что прямой, кратчайшій путь къ нему бываетъ послѣднимъ, и главная задача состоитъ въ устраненіи конкурентовъ и побочныхъ препятствій. Слѣдствіемъ всего этого является то обстоятельство, что для достиженія самой эгоистической цѣли мы въ обширномъ соціальномъ кругу

принуждены сдѣлать очень много такого, что не представляетъ непосредственнаго эгоистическаго интереса, привести въ движеніе множество силъ, которыя слѣдуютъ своимъ собственнымъ законамъ и цѣлямъ, когда споспѣшествуютъ нашему конечному стремленію. Чѣмъ шире кругъ отношеній, въ которомъ мы живомъ, тѣмъ менѣе мы работаемъ непосредственно для достиженія самой цѣли, а вся работа уходитъ на устраненіе внѣшнихъ побочныхъ обстоятельствъ, ставшихъ намъ поперекъ дороги. Конечная цѣль можетъ быть въ полномъ смыслѣ слова наша личная, — средства для ея достиженія удаляютъ насъ отъ самихъ себя. — Чѣмъ больше социальная группа, чѣмъ развитѣе хозяйственныя отношенія, тѣмъ чаще я долженъ служить интересамъ другихъ, если я хочу, чтобъ и мои собственные нашли себѣ соотвѣтственную поддержку. Это приноситъ съ собой нравственное очищеніе атмосферы, потому, обыкновенно, остающееся незамѣтнымъ, что конечныя цѣли, его вызывающія, сами по себѣ ультра эгоистичны. Внутренняя, личная нравственность вовсе отъ этого не дѣлается выше, потому что перевѣсъ здѣсь не на сторонѣ дѣла, предпринятаго въ пользу другихъ, а на сторонѣ того намѣренія, изъ котораго исходитъ самое дѣло; тѣмъ не менѣе реальныя послѣдствія должны считаться нравственными

по столько, по сколько они служатъ къ споспѣшествованію интересовъ окружающихъ людей. А такъ какъ этотъ путь къ достиженію личныхъ цѣлей, съ развитіемъ общественныхъ отношеній, становится все сложнѣе и необходимѣе, то, стало быть, расширеніе соціального круга приводитъ насъ къ болѣе нравственному образу дѣйствій, при чемъ мы сами въ этой заслугѣ совершенно неповинны. Тоже и не въ коллективной нравственности заключается причина этого явленія, а въ совмѣстномъ дѣйствіи, съ одной стороны, эгоистическихъ стремленій, а съ другой—такой обширности соціального круга, что стремленія эти могутъ быть осуществлены только помощью цѣлаго ряда обходовъ альтруистическаго характера.

Другой родъ обходовъ въ нѣсколько бѣльшей степени даетъ возможность разсматривать нравственный образъ дѣйствія отдѣльнаго члена группы, какъ результатъ коллективной нравственности. Для достиженія нашихъ цѣлей намъ нужны не только люди, но и объективныя учрежденія и установленія. Положенія права, нравственности, различнаго рода формы спеціальныхъ отношеній, которыя выработало общество въ видахъ своей пользы, т. е. нравственнаго интереса, такъ глубоко проникаютъ въ жизненныя отношенія инди-

вида, что онъ въ каждое мгновеніе долженъ приходиться съ ними въ соприкосновеніе. Даже самыя эгоистическія намѣренія, въ смыслъ непосредственнаго насилія, могутъ быть осуществлены только въ общепринятыхъ социальнихъ формахъ. По мѣрѣ столь частаго употребленія послѣднихъ, онѣ становятся прочнѣе и устойчивѣе, и вслѣдствіе этого каждое эгоистическое стремленіе должно отдать извѣстную дань нравственности именно тѣмъ, что оно облекается въ тѣ формы, въ которыя вылилась общественная мораль. Задача социализаціи состоитъ въ прогрессивномъ увеличеніи этой дани, такъ что путь къ безнравственному, который, конечно, никогда окончательно не исчезнетъ, долженъ съ теченіемъ времени проходить чрезъ все большее и большее, число нравственныхъ точекъ. Обманщикъ, облекающій свой обманъ въ правильныя формы, плутъ, соблюдающій правила общественнаго приличія, сибаритъ, который расточительныя растраты по крайней мѣрѣ, укладываетъ въ экономическія формы, выработанныя группою, какъ самыя цѣлесообразныя, ханжа, устраивающій для личныхъ своихъ цѣлей свою жизнь сообразно религіознымъ нормамъ,—всѣ они, такъ сказать, мимоходомъ несутъ въ пользу нравственности и споспѣшествованія общимъ интересамъ извѣстныя тягости, заслуга ко-

ихъ должна быть приписана конечно, не имъ, а соціальной структурѣ, толкающей индивида въ его безнравственныхъ стремленіяхъ на тѣ пути, на которыхъ онъ дѣйствуетъ въ направленіи общественныхъ установленій и, стало быть, общественаго блага.

Все, сказанное относительно перенесенія отвѣтственности индивида на общество, принадлежитъ къ числу тѣхъ познаній, расширение которыхъ, съ точки зрѣнія соціальной педагогики, представляется крайне нежелательнымъ, такъ какъ оно могло-бы привести къ отпущенію всякаго рода личной вины. Для вящшаго освѣщенія этого положенія мы приведемъ изъ области акціонерной практики примѣръ, имѣющій важное значеніе для вопроса о коллективной отвѣтственности. Гдѣ имѣетъ мѣсто личная отвѣтственность, тамъ собственный интересъ обнаруживаетъ тенденцію предупредить всякое ненормальное явленіе, какъ слишкомъ смѣлую спекуляцію, перепроизводство и т. п. Напротивъ, представителю акціонернаго общества, оперирующему чужими деньгами, этого-то регулятора недостаетъ; онъ можетъ итти на самый дерзкій рискъ, удачный исходъ коего доставитъ ему лишній доходъ; неудача-же не повлечетъ за собой для него никакихъ особенныхъ послѣдствій, кромѣ того, что въ случаѣ краха онъ просто-на-просто выйдеть, между тѣмъ какъ

его довѣрители останутся въ крупномъ проигрышѣ. Какъ въ вышеприведенномъ случаѣ вина, въ экономическомъ—потеря падаетъ на существо, безличность котораго допускаетъ перенесеніе отвѣтственности.—Однако, если, съ одной стороны, познаніе нашей соціальной взаимной зависимости можетъ притупить индивидуальную совѣсть, то, съ другой стороны, оно должно ее въ сильнѣйшей степени обострить ибо оно учитъ, что всякій человѣкъ стоитъ, въ узлѣ безчисленныхъ соціальныхъ нитей, такъ что каждый его поступокъ долженъ обнаружить самыя разнообразныя соціальныя вліянія. Внутри соціальной группы, такъ сказать, ни одно зерно не остается безплоднымъ: въ отношеніи къ современнымъ поколѣніямъ этому способствуютъ непрерывныя взаимодействія между членами группы, а въ отношеніи къ поколѣніямъ грядущимъ—вліяніе всякаго поступка на наслѣдіе, оставляемое соціальнымъ кругомъ его потомству.

ГЛАВА II.

Расширение группы и развитие индивидуальности.

Относительно зависимости между развитием индивидуальности и социальным интересом неоднократно приходится наблюдать, что высота первого идетъ рука объ руку съ расширениемъ круга, въ которомъ второй проявляется. Представимъ себѣ двѣ различныя социальныя группы *M* и *N*, изъ коихъ каждая состоитъ изъ однородныхъ и тѣсно сплоченныхъ между собой членовъ. Обыкновенное развитие послѣднихъ влечетъ за собой возрастающую дифференціацію, и минимальныя сначала различія въ способностяхъ отдѣльныхъ индивидовъ и ихъ дѣятельностяхъ обостряются вслѣдствіе необходимости въ борьбѣ за существованіе прибѣгать къ однимъ и тѣмъ же средствамъ; конкуренція, естественно развиваетъ спеціализацію индивидовъ. Какъ-бы различны ни были исходныя точки этого процесса въ обѣихъ группахъ, тѣмъ не менѣе должны по-

степенно сглаживаться различія послѣднихъ, какъ таковыхъ, между собой. Весьма вѣроятно, что чѣмъ интенсивнѣе станетъ несходство составныхъ частей группы M между собой и членовъ группы N , тѣмъ большее число сходныхъ образованій найдется въ обѣихъ группахъ. Безконечныя отклоненія отъ первоначальной однородности внутри каждой группы необходимо должны породить сближеніе членовъ одной съ членами другой. Уже потому это должно быть такъ, что въ совершенно различныхъ соціальныхъ группахъ формы дифференціаціи тождественны либо подобны: отношенія простой конкуренціи, соединеніе многихъ слабыхъ противъ одного сильнаго и т. п. Вліяніе этого процесса можно, съ чисто формальной стороны, наблюдать въ интернаціональной симпатіи, которую питають другъ къ другу аристократы и которая проявляется независимо отъ другихъ, болѣе реальныхъ отношеній ихъ между собой. Послѣ того, какъ дифференціальный процессъ привелъ къ различію между высокимъ и низкимъ положеніями, уже одна формальная принадлежность къ данному положенію, отличающему членовъ самыхъ различныхъ соціальныхъ группъ, влечетъ за собой внутреннія, а часто и внѣшнія отношенія.

Къ этому присоединяется то обстоятельство, что съ такой дифференціаціей соціальной группы растетъ необходимость и склонность выйти изъ первоначальныхъ пространственныхъ, экономическихъ и духовныхъ границъ и, на ряду съ первоначальной центростремительностью данной группы, (при возрастающей индивидуализаціи и вслѣдствіе этого усиливающагося разъединенія членовъ), проявить (центробѣжную тенденцію, какъ мостъ къ другимъ соціальнымъ кругамъ. Немногихъ примѣровъ будетъ достаточно для подтвержденія этого, и безъ того яснаго, положенія. Въ цехахъ господствовалъ сначала духъ полного равенства, съ одной стороны ограничивавшій производство каждаго члена такимъ качествомъ и количествомъ, какое производили всѣ остальные, а съ другой стороны, старавшійся держать, путемъ регламентацій продажи и обмѣна, всѣхъ членовъ на одинаковой высотѣ благосостоянія и силы. Но невозможно было долго поддерживать такую индифференцированность. Разбогатѣвшій какими-нибудь судьбами мастеръ не желалъ болѣе оставаться въ тѣсныхъ рамкахъ запрещеній (продавать только свои собственные фабрикаты, не имѣть больше одной лавки, не держать больше опредѣленнаго, очень ограниченнаго, числа подмастерьевъ и т. п.), и какъ только

онъ добился нѣкоторой свободы, должны были—при тяжелыхъ условіяхъ борьбы за существованіе—выступить двоякаго рода послѣдствія. Именно однородная на первыхъ порахъ масса членовъ цеха должна была разложиться на богатыхъ и бѣдныхъ, на капиталистовъ и рабочихъ; послѣ того, какъ принципъ равенства былъ такъ сильно нарушенъ, что одинъ заставлялъ другого работать на себя и могъ основывать размѣры своего сбыта на личныхъ способностяхъ и энергіи, на пониманіи современнаго положенія дѣла и коммерческихъ соображеніяхъ, эти указанные личные особенности получили сильнѣйшій толчекъ къ развитію и повели къ болѣе рѣзкой спеціализаціи и индивидуализаціи внутри группы, которая въ концѣ концовъ пришла къ полному своему распаденію. Съ другой стороны, такое положеніе вещей приводило къ расширенію существовавшихъ до тѣхъ поръ предѣловъ сбыта; тѣмъ, что производитель и купецъ, совмѣщавшіеся раньше въ одномъ лицѣ, теперь отдѣлились другъ отъ друга, послѣдній пріобрѣлъ несравненную легкость передвиженія и возможность добиваться такихъ коммерческихъ связей и сношеній, о какихъ до того никто и не мечталъ. Такимъ образомъ развитіе цеховаго круга шло въ двоякомъ направленіи, готовившемъ его разложеніе: въ на-

правленіи индивидуалистической дифференціаціи и затѣмъ связаннаго съ ней дальнѣйшаго расширенія. Освобожденіе крестьянъ, напри- мѣръ, въ Пруссіи, представляетъ сходный въ этомъ отношеніи процессъ. Крѣпостной кре- стьянинъ, какъ онъ существовалъ въ Прус- сіи до 1810 года, находился въ зависимости отъ помѣщика, которому принадлежала вся земля. Впрочемъ, до извѣстной степени землей поль- зовался и крестьянинъ, такъ какъ рядомъ съ отпращеніемъ барщины на помѣщичьемъ полѣ онъ обрабатывалъ отведенную ему землю въ свою пользу. Съ освобожденіемъ отъ крѣ- постной зависимости, крестьянину была отда- на въ полную собственность часть той земли, которою онъ раньше пользовался лишь на правѣ владѣнія, а помѣщикъ былъ поставленъ въ необходимость обратиться къ наемному труду, представителемъ коего является тотъ- же мелкій собственникъ, такъ или иначе ли- шившійся своего надѣла. Между тѣмъ, какъ въ своемъ прежнемъ состояніи крестьянинъ совмѣщалъ въ себѣ особенности и работника за чужой счетъ, и собственника, теперь вы- ступаетъ рѣзкая дифференціація: одна часть крестьянъ обращается исключительно въ на- емныхъ рабочихъ, другая исключительно въ собственниковъ. Само собой понятно, что слѣд- ствіемъ этого должна была явиться легкая

подвижность лица и болѣе отдаленныя сношенія, выходившія за предѣлы тѣснаго соціальнаго круга. Этому способствовало, съ одной стороны, прекращеніе внѣшней связи съ группой и положеніе свободнаго рабочаго, получающаго работу то здѣсь, то тамъ, а съ другой — свободное владѣніе, дѣлающее возможнымъ отчужденіе и, стало быть, коммерческія сношенія. Такимъ образомъ подтверждается высказанное выше положеніе, что дифференціація и индивидуализація ослабляетъ связь съ ближайшимъ соціальнымъ кругомъ, чтобъ вмѣсто нея создать новую, реальную и идеальную, связь съ кругомъ болѣе отдаленнымъ.

Совершенно подобное соотношеніе имѣетъ мѣсто въ мірѣ животныхъ и растений: у нашихъ домашнихъ животныхъ такъ же, какъ и у культивированныхъ растений, наблюдается, что индивиды данной разновидности, рѣзче различаются между собой, нежели члены той же разновидности въ естественномъ состояніи; напротивъ, разновидности какъ цѣлыя, стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ некультивированныя. Такимъ образомъ культивированье порождаетъ, съ одной стороны, интенсивное развитіе индивидуальности внутри одной и той-же разновидности, съ другой — сближеніе съ чужими индивидами, распространеніе сходства объединявшаго первона-

чально тѣсную группу, на болѣе обширный кругъ индивидовъ. Этому же соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что, какъ передаютъ, домашнія животныя нецивилизованныхъ народностей носятъ въ гораздо бѣльшей степени характеръ различныхъ породъ, нежели разновидности, находящіяся у культурныхъ народовъ; и это потому что первыя еще не достигли той ступени развитія, на которой уменьшаются различія между отдѣльными разновидностями, съ увеличеніемъ таковыхъ у индивидовъ. Развитие животныхъ въ данномъ случаѣ идетъ параллельно развитію ихъ хозяевъ. Въ первобытныя времена члены одного и того же племени абсолютно однородны, напротивъ того, племена, какъ цѣлыя вполнѣ чужды другъ другу: чѣмъ тѣснѣе близость между индивидами, тѣмъ рѣзче выступаетъ отчужденность группъ; съ развитіемъ культуры, наоборотъ, растетъ дифференціація между индивидами и соотвѣтственное сближеніе группъ, какъ таковыхъ. Это же соотношеніе находитъ себѣ соотвѣтствіе въ томъ, что необразованная часть культурнаго народа въ своей средѣ однороднѣе и въ бѣльшей степени отличается отъ подобной же массы другого народа, нежели это имѣетъ мѣсто относительно культурныхъ частей сравниваемыхъ народовъ. И въ отношеніи реак-

цій, вызываемыхъ этимъ соотношеніемъ въ мыслящемъ умѣ, должно повториться тоже самое, на основаніи того психологическаго закона, что различныя впечатлѣнія, сошедшисъ вмѣстѣ, параллзуютъ другъ друга, такъ что равнодѣйствующая есть среднее между всѣми образующими; каждое изъ противоположныхъ впечатлѣній нейтрализуется другимъ, и, какъ отъ смѣшенія всѣхъ красокъ спектра получается какая то безцвѣтная, бѣловатая,—такъ изъ разнообразія различныхъ личностей получается для нашего представленія цѣлое, носящее индифферентный, лишенный преобладающей односторонности, характеръ.

Это соотношеніе можно обобщить въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ индивидѣ *ceteris paribus*, замѣчается постоянная пропорціональность между индивидуальнымъ и соціальнымъ, которая мѣняетъ только свою форму: чѣмъ тѣснѣе кругъ, къ которому онъ принадлежитъ, тѣмъ въ меньшей мѣрѣ онъ обладаетъ индивидуальной свободой; за то кругъ, какъ таковой, представляетъ собой нѣчто индивидуальное и рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ. Соціальная организація квакеровъ какъ нельзя лучше это демонстрируетъ. Какъ цѣлое, какъ религіозный принципъ, проникнутый крайнимъ индивидуализмомъ и субъективизмомъ, онъ сплачиваетъ всѣхъ членовъ подъ однообраз-

ной демократической, исключаящей всякое индивидуальное различіе, бытовой формой; но за то ей чуждо какое бы то ни было пониманіе государственнаго единства и его цѣлей, такъ что индивидуализмъ данной соціальной группы, съ одной стороны, исключаетъ всякую индивидуальность своихъ членовъ, а съ другой, дѣлаетъ невозможнымъ сплоченіе въ болѣе обширную группу. Не менѣе яркій примѣръ представляетъ древняя Русь до-царскаго періода. Въ эпоху борьбы съ монголами, на Руси существовало большое число отдѣльныхъ территоріальныхъ единицъ: княжествъ, городовъ, деревенскихъ общинъ, которыя не были объединены въ одно цѣлое государство и такимъ образомъ, какъ самостоятельныя цѣлыя, пользовались значительной политической свободой; но, съ другой стороны, связь индивида съ коммунальной общиной была до того тѣсна, что частной собственности совершенно не было, всѣмъ владѣла община. Всецѣлому поглощенію индивида общиной, которая отказывала ему не только въ частной собственности, но и въ личной свободѣ передвиженія, соотвѣтствовала бѣдность сношеній съ болѣе обширнымъ политическимъ кругомъ. Соціальные интересы окружаютъ насъ такъ сказать, концентрическими кругами: чѣмъ тѣснѣе они насъ облегаютъ, тѣмъ незначительнѣе должны

они быть сами по себѣ.—Не смотря на то, что зависимость отъ болѣе тѣсной группы, какъ выше было показано, менѣе благопріятно развитію индивидуальности, нежели принадлежность къ болѣе обширному соціальному кругу, достойно вниманія, что внутри большого культурнаго общества, именно принадлежность къ маленькой группѣ—семьѣ—благопріятствуетъ индивидуализаціи личности. Отдѣльный индивидъ не можетъ устоять противъ общества; только уступая часть своего собственного «я» двумъ-тремъ себѣ подобнымъ, сплачиваясь съ ними, онъ получаетъ больше устойчивости противъ притязаній цѣлаго и можетъ сохранить свою индивидуальность, не впадая въ крайность полнаго обособленія и отчужденности. Семья, значеніе которой сначала рально-политическое, а затѣмъ становится психологически-идеальнымъ, съ одной стороны способствуетъ предварительной и, такъ сказать, подготовительной дифференціаціи своего члена, а съ другой, даетъ ему покровительство, подъ коимъ послѣдній можетъ спокойно развиваться, пока не достигнетъ самостоятельной усойчивости въ отношеніи болѣе обширнаго круга. Принадлежность къ семьѣ, гдѣ рядомъ проявляются права индивидуальности и соціальныхъ круговъ, представляетъ смѣше-

ніе характерныхъ для болѣе тѣсной и болѣе обширной группы свойствъ.

Если обширная группа, какъ мы выше вскользь замѣтили, даетъ большій просторъ крайнему развитію и уродливостямъ индивидуализма, мизантропическому отчужденію, страннымъ и причудливымъ формамъ жизни, отталкивающему эгоизму, то это является слѣдствіемъ того, что она ставитъ намъ болѣе легкія требованія, менѣе заботится объ индивидѣ и менѣе задерживаетъ развитіе извращенныхъ наклонностей, нежели малая. Заслуга большихъ размѣровъ группы является такимъ образомъ чисто отрицательной, ибо здѣсь дѣло идетъ скорѣе о развитіи внѣ круга, чѣмъ внутри его. Опредѣляя вышеотмѣченныя крайности, какъ ненормальную гипертрофію, причины и слѣдствія коей заключаются въ слабости индивида, мы не можемъ не видѣть, что въ самой односторонности, которую влечетъ за собой принадлежность къ большой группѣ, кроется могучій источникъ силы не только для общества но и для самаго индивида. Это съ особенной ясностью видно изъ того многократно наблюдаемаго явленія, что люди, состарившіеся въ опредѣленномъ соціальной кругу, немедленно по выходѣ изъ него теряютъ силы, помощью которыхъ они до того исправно выполняли всѣ свои функціи. И не

только данное количество силы, лишенной точки приложенія, уничтожается, не имѣя возможности найти себѣ другое примѣненіе, вообще вся личность раздѣляетъ ту же участь, и даже во всемъ томъ, что выходитъ за предѣлы ея спеціальнаго назначенія въ соціальной группѣ; такъ что можетъ показаться, что организъ собственныхъ силъ не имѣетъ, а заключаетъ въ себѣ лишь тѣ, которыя необходимы для выполненія специфическихъ функций, налагаемыхъ на него цѣлымъ, и лишь въ определенной формѣ, внѣ которой онѣ не могутъ и проявляться. Это напоминаетъ прежнее представленіе о жизненной силѣ, которая не сводится къ естественнымъ силамъ, живущимъ въ составныхъ частяхъ организма, къ химическимъ и физическимъ взаимодействіямъ, а представляетъ изъ себя особенную, специфическую органическую силу. Какъ нынѣ оставили не основательныя предположенія о какой то жизненной силѣ и стали въ ней усматривать особенно-скомбинированную сумму извѣстныхъ, находящихся въ естественномъ круговоротѣ, силъ, также точно слѣдуетъ и устойчивую цѣльность и энергію, которую сообщаетъ намъ извѣстное назначеніе, объяснять, какъ особенную соразмѣрность и комбинацію уже готовыхъ, данныхъ силъ личности; форма не проявляетъ никакой спеціаль-

ной силы. Какъ жизнь есть особенная, ни съ чѣмъ не сравнимая комбинація и концентрація природныхъ силъ, такъ и специальное назначеніе вызываетъ въ индивидъ такое развитіе и цѣлесообразное соединеніе индивидуальныхъ силъ, какое въ другихъ случаяхъ невозможно. И такъ какъ только внутри обширной, расчлененной соотвѣтственно широчайшему раздѣленію труда, группъ возможно такое специфическое положеніе индивида, то понятно, въ какой тѣсной связи стоитъ развитіе и укрѣпленіе личности съ жизнью внутри наибольшаго соціального круга.

Слѣдствіемъ дальнѣйшей эволюціи этой связи является соединеніе интенсивнаго развитія и значенія индивида съ космополитическимъ міровоззрѣніемъ; напротивъ, принадлежность къ тѣсной группѣ ослабляетъ и то, и другое. Такъ, эпоха возрожденія въ Италіи выработала, съ одной стороны, совершенную индивидуальность личности, а съ другой—выходящее далеко за предѣлы тѣснаго соціального круга интеллектуальное и этическое міросозерцаніе. Это нашло себѣ непосредственное выраженіе въ признаніи Данта, что при всей его болѣзненной любви къ родной Флоренціи, ему, какъ и всѣмъ людямъ, отечествомъ служить весь свѣтъ, подобно тому какъ для рыбы—все море. То же соотношеніе до-

казывается à posteriori тѣмъ, что выработанныя эпохой возрожденія жизненныя формы были восприняты всѣмъ культурнымъ міромъ, а были онѣ восприняты конечно потому, что давали индивидуальности небывалый дотолѣ просторъ. Какъ символъ этого духовнаго состоянія, я назову упадокъ значенія благородства, замѣчаемый въ ту эпоху. Благородство, сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ пока имѣетъ силу указаніе на соціальный кругъ, который, замкнутый въ себѣ самомъ, тѣмъ рѣзче выдѣляется изъ массы другихъ. Отрицаніе его значенія обнаруживаетъ и возрастающее значеніе личности, къ какой-бы группѣ она ни принадлежала, и вмѣстѣ съ тѣмъ общую нивелировку.

Этимъ соотношеніемъ можетъ быть объяснено подозрѣніе въ безсердечіи и эгоизмѣ, очень часто тяготѣющее надъ великими людьми именно потому, что объективные идеалы, которыми они вдохновляются, по своимъ причинамъ и послѣдствіямъ, выходятъ далеко за предѣлы близкаго имъ соціальнаго круга; возможность возвыситься къ этимъ всеобъемлющимъ идеаламъ дается выдающимся положеніемъ индивидуальности подъ соціальнымъ уровнемъ: чтобы видѣть такъ далеко, нужно умѣть смѣрять чрезъ головы современниковъ.

Знакомыя аналогіи этого соотношенія дають связь республиканства съ тиранніей, общее безусловное равенство съ деспотизмомъ. Всякій режимъ, заимствующій свой характеръ отъ аристократіи или буржуазіи, короче, представляющій нѣсколько соціальныхъ и политическихъ, граничащихъ другъ съ другомъ тѣсныхъ круговъ, накануне своего паденія, тянетъ то въ сторону концентраціи власти въ рукахъ одного лица, то въ сторону социализма съ анархическимъ оттѣнкомъ, который съ нивелировкой всякихъ различій хочетъ установить абсолютное право свободной личности. Такъ политеизмъ древности со своими многообразными группами божествъ привелъ вверхъ къ монотеизму, внизъ—къ атеизму; такъ іезуитизмъ, въ противоположность аристократически-церковному режиму, преслѣдовалъ какъ цѣль, съ одной стороны, уравнительную демагогію, а съ другой—папскій абсолютизмъ. Коррелятомъ деспотизма является нивелировка массъ, и поэтому та церковь, которая увѣнчивается единоличнымъ авторитетомъ, всего болѣе старалась подавить всякую индивидуальность своихъ послѣдователей и имѣла величайшій успѣхъ въ созданіи всемірнаго, основаннаго на абсолютной нивелировкѣ индивидовъ, государства.

Мы видимъ, что въ этихъ примѣрахъ наша корреляція между индивидуалической и коллективистической тенденціями принимаетъ особенную форму: расширение круга стоитъ въ связи съ развитіемъ личности не только въ отношеніи принадлежащихъ къ нему членовъ, но и съ идеей высшей личности, которой придается индивидуальная воля и которая почитается, какъ святыня.

Можно было бы то соотношеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь и которое проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, выразить символически такъ: болѣе тѣсная группа составляетъ среднее пропорціональное между обширной группой и индивидуальностью, такъ что первая, будучи замкнута въ себѣ самой и не нуждаясь ни въ какомъ другомъ споспѣшествующемъ факторѣ, даетъ сравнительно такую же сумму жизнеспособности, какъ и соединеніе двухъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, могучая сила римскаго государственнаго принципа имѣла своимъ коррелятомъ то, что рядомъ съ *jus publicum* существовало *jus privatum*; нормы выработанныя этимъ всепоглощающимъ цѣлымъ для себя, требовали еще и соответственныхъ для индивидовъ, заключавшихся въ немъ. Было только, съ одной стороны, общество въ широчайшемъ смыслѣ этого слова, а съ другой—единичная личность; древнѣй-

шее римское право не знало корпорацій, и этотъ духъ составляетъ ея характерную особенность. Напротивъ, въ нѣмецкомъ правѣ существуютъ однѣ и тѣ же нормы для индивида и для общества, но эти общества далеки отъ всепоглощающей римской *respublica*, это мелкія, вызванныя мѣняющимися многообразными потребностями человѣка, общины, въ которыхъ нѣтъ никакой необходимости дѣлать различіе между общественнымъ правомъ и частнымъ, такъ какъ тамъ индивидъ очень тѣсно связанъ съ цѣлымъ.

Чѣмъ болѣе, вмѣсто человѣка, какъ соціального элемента, на первый планъ выступаетъ человѣкъ, какъ таковой, со всѣми особенностями присущими ему, какъ личности, тѣмъ тѣснѣе связь, увлекающая его чрезъ голову соціальной группы ко всему тому, что является по преимуществу человѣческимъ, и открывающая ему идею общечеловѣческаго единства. Въ пользу късказаннаго сейчасъ положенія стоическая философія даетъ вполнѣ подходящій примѣръ. Между тѣмъ какъ у Аристотеля политически-соціальная связь, въ которой стоитъ индивидъ, является *par excellence* источникомъ этическихъ нормъ,—стоицизмъ, обращается къ индивиду, и приближеніе послѣдняго къ идеалу, нарисованному ученіемъ, является операционнымъ базисомъ для стоиче-

ской практики, а взаимная связь людей есть только средство къ достиженію индивидуальной идеальной цѣли; содержаніе же послѣдней опредѣляется идеей общаго всепроникающаго разума. Въ разумѣ, осуществленіе коего въ жизни составляетъ стоическій идеаль, каждый человѣкъ имѣетъ свою долю; не обращая вниманія на всевозможныя различія національностей, социальныхъ группъ и т. п., разумъ создаетъ связь равенства между всѣмъ человѣческимъ міромъ. И такимъ образомъ стоическій индивидуализмъ разрѣшается въ чистѣйшій космополитизмъ. Разрывъ тѣсной социальной связи, которому въ ту эпоху благоприятствовали и политическія условія, и теоретическія соображенія, перенесъ, сообразно выставленному нами выше принципу, центръ тяжести, съ одной стороны, на индивидъ, а съ другой—на тотъ обширнѣйшій кругъ, къ которому принадлежитъ всякій человѣкъ. Что ученіе о равенствѣ всѣхъ людей совмѣщается съ индивидуализмомъ, это мы видимъ изъ сказаннаго и еще изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Страшное неравенство, въ которомъ жили люди въ нѣкоторыя эпохи социальной исторіи, реакція нивелировала въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи правъ индивидуальности и въ направленіи общаго равенства, такъ какъ и то, и другое само по себѣ

окезывается недостаточнымъ для большихъ массъ. Только при такой двусторонней корреляціи понятно такое явленіе, какъ Руссо. И прогрессивное развитіе всеобщаго школьнаго образованіи обнаруживаетъ ту же тенденцію; оно стремится устранить рѣзкія различія въ интеллектуальномъ уровнѣ людей и, посредствомъ установленія извѣстнаго равенства, дать всякому лицу дотолѣ запрещенную возможность проявить свои способности. Я даже думаю, что представленіе всеобщаго равенства психологически не можетъ иначе образоваться, какъ при помощи яснаго сознанія сущности и достоинства индивидуальности, при помощи соображенія, что каждый человѣкъ представляетъ собой личность съ характерными, въ данной комбинаціи и пропорціи никогда болѣе не встрѣчающимися, особенностями. Такимъ образомъ создается формальное равенство: когда каждый представляетъ собой что-нибудь особенное, онъ въ такой же мѣрѣ равенъ всякому другому. Догма абсолютнаго «я», безсмертной души, присущей всякому человѣку, болѣе всего должна была способствовать выработкѣ представленія общаго равенства, потому что эмпирическія различія, представляемыя содержаніемъ различныхъ человѣческихъ душъ, въ сравненіи съ тѣми вѣчными и абсолютными свойствами, въ которыхъ онѣ

подобны, не принимаются во вниманіе. Соціалистическій характеръ первыхъ христіанъ, быть можетъ, менѣе исходитъ изъ позитивныхъ основаній, чѣмъ изъ негативнаго: первые христіане относились съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что обыкновенно обуславливаетъ различія между людьми, они обращали исключительное вниманіе на абсолютное достоинство души человѣка. Разъ прекращается абсолютная человѣческая личность, индивиды разсматриваются, какъ суммы ихъ особенностей и, естественно представляются различными, какъ эти послѣднія. Если же эти реальные особенности суть лишь второстепенныя сравнительно съ главнѣйшими, т. е. свободой и безсмертіемъ души, которая при этомъ какъ у Руссо, отъ природы совершенна и только подъ вліяніемъ воспитанія и общества подвергается порчѣ,—то равенство всѣхъ людей является естественнымъ, само собой понятнымъ слѣдствіемъ. Впрочемъ, какъ видно, эта метафизическая оцѣнка личность ведетъ къ пренебреженію ея эмпирическимъ и собственно имѣющимъ самое существенное значеніе содержаніемъ. Такъ какъ дальнѣйшая социализація стоитъ въ естественной, внутренне-необходимой связи съ прогрессивной индивидуализаціей, то указанный недостатокъ, если онъ реализуется въ практикѣ жизни,

является безусловно гибельнымъ. Революціонныя движенія, какъ анабаптистовъ либо 1789 года, пришли къ своей логической и этической несостоятельности именно вслѣдствіе того, что пытались поднять неразвитое общество на высшую ступень соціальнаго развитія, не обращая въ то же время никакого вниманія на права индивидуальности. Особенно яркій примѣръ въ данномъ случаѣ даетъ французская революція, невыразимо ясно показавшая, что метафизическая оцѣнка личности влечетъ за собой полное пренебреженіе ея реальнымъ содержаніемъ и что вслѣдствіе этого страдаетъ соціализація, основанная на такой оцѣнкѣ. Одного вернемся къ отношенію между индивидуализмомъ и космополитизмомъ. Первый обнаруживается весьма часто въ видѣ эгоизма, особенно, когда истощилось чувство патриотической общности, которое связываетъ личность съ болѣе тѣснымъ кругомъ, нежели космополитизмъ, и представляющимъ болѣе сильный противовѣсъ эгоизму. Уже циники указывали на корреляцію между космополитизмомъ и эгоизмомъ, причемъ они ввели промежуточный элементъ, патриотизмъ, необходимый каждому человѣку для смягченія послѣдняго.— Примѣняя соотношеніе между развитіемъ индивидуальности и расширеніемъ соціальной группы къ области этическихъ отношеній, мы

выводимъ слѣдующее. До тѣхъ поръ, пока въ соціальной группѣ существуетъ такой способъ производства, при которомъ производитель знаетъ своихъ потребителей, является неизбѣжной психологическая ассоціація между работой и лицами, для коихъ она предназначена. Съ теченіемъ времени и съ развитіемъ экономическихъ отношеній, эта ассоціація начинаетъ отклоняться въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ сторону интереса къ продукту, къ его совершенству, безо всякаго отношенія къ тому, какимъ случайнымъ субъективнымъ потребностямъ онъ будетъ удовлетворять, во-вторыхъ, въ сторону чистаго эгоизма, обращающаго преимущественное вниманіе на цѣну, а не на тѣхъ, кто ее платитъ. Расширеніе круга, для коего производится продуктъ, оказываетъ благопріятное вліяніе и на то, и на другое. Какъ въ теоріи только то считается объективной истиной, что обще для цѣлаго рода и изъ чего можетъ быть выведенъ и опредѣленъ родъ, какъ таковой, не смотря на случайныя переходящія отклоненія, такъ и идеалы и интересы только тогда имѣютъ для насъ объективное значеніе, когда они обнимаютъ наибольшій кругъ субъектовъ; все субъективное въ нихъ и одностороннее удаляется вслѣдствіе того, что они примѣняются къ возможно большому числу лицъ, въ кото-

ромъ индивидъ, какъ таковой, исчезаетъ и которое обнаруживаетъ предъ сознаниемъ самоё сущность предмета. Не будетъ, я думаю, слишкомъ смѣло, если мы будемъ разсматривать безличный, идеальный интересъ, какъ равнодѣйствующую maximum'a слившихся воедино интересовъ, вслѣдствіе чего онъ отличается замаскированнымъ, повидимому, возвышающимся надъ всѣми индивидами, характеромъ. Легко замѣтить, что тѣ дѣятельности, которыя отличаются глубокимъ проникновениемъ въ сущность поставленной задачи, которыя запечатлѣны всецѣлой преданностью занятію, какъ дѣятельность научная или художественная, великія художественныя и практическія проблемы,—по своимъ результатамъ обращаются къ обширнѣйшему кругу людей. Когда, на примѣръ, говорятъ, что наукой слѣдуетъ заниматься не ради ея пользы или специальныхъ какихъ-либо цѣлей, но для нея же самой, то это можетъ быть только неточное выраженіе, ибо дѣйствіе, коего слѣдствіе не можетъ быть названо полезнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, не то что идеально, а по просту бессмысленно. Это выраженіе можно понять только въ смыслѣ психологическаго совмѣщенія и взаимнаго парализованія нѣсколькихъ специально-научныхъ наклонностей, въ сравненіи съ коими изуче-

ніе одной какой-либо спеціальной отрасли считается единственно полезной и цѣлесообразной. Мы видимъ, какимъ образомъ связь съ обширнѣйшимъ соціальнымъ кругомъ выводитъ за предѣлы индивидуальнаго эгоизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ сознаніе и чувство соціальной цѣлесообразности, которое по преимуществу присуще дѣятельности внутри тѣсной группы и ослабленіе которыхъ ведетъ въ области хозяйственныхъ отношеній къ исключительному эгоизму; чѣмъ меньше производитель знаетъ своихъ потребителей, тѣмъ болѣе его интересъ сосредоточивается на высотѣ цѣны, какой онъ можетъ добиться. Съ расширеніемъ соціальной группы и съ усиленіемъ равнодушія производителя къ интересамъ окружающихъ, благодаря которому онъ только и можетъ противостоятъ новымъ тяжелымъ условіямъ конкуренціи, отпадаетъ много моментовъ, имѣющихъ ограничительное вліяніе на хозяйственный эгоизмъ.

Что подразумѣваютъ подъ обязанностями относительно самого себя въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, понимается съ другой стороны, какъ достоинство долгъ, челоуѣка *par excellent*. Самосохраненіе, самообладаніе, истинное сознаніе собственнаго достоинства, самоусовершенствованіе,—все это обязанности, которыя, по крайней мѣрѣ, въ этой абстракт-

ной мормѣ, отгѣсняють на задній планъ спеціальныя наши отношенія къ тѣсной соціальной группѣ, возлагающей на насъ свои характерныя функціи. Не какъ члены того или другого соціальнаго круга, мы должны исполнять эти обязанности по отношенію къ себѣ самимъ, а какъ люди *par excellence*; но нѣтъ сомнѣнія, что все человѣчество, налагающее на насъ эти самыя обязанности, представляетъ только болѣе обширный соціальный кругъ, нежели тотъ, который требуетъ отъ насъ дѣйствій непосредственныхъ и направленныхъ противъ третьихъ лицъ. Именно потому, что мы привыкли считать обязанностью только обязанность относительно третьяго лица, то въ случаѣ трудности опредѣлить это послѣднее, мы разсматриваемъ извѣстныя обязанности, какъ таковыя въ отношеніи самихъ себя. И имъ историческій опытъ сообщилъ нравственное достоинство, причемъ вслѣдствіе обширности и неувимости круга, множества интересовъ и цѣлей, которыя представляетъ человѣчество, какъ соціальный кругъ, онъ удалилъ съ поля индивидуальнаго сознанія всѣ телеологическія отношенія къ цѣлому и, вмѣсто послѣдняго, выставить, какъ объектъ обязанности, самый индивидъ.

То же самое, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, которое на мѣсто цѣли ставитъ причину нрав-

ственного представляется въ такомъ видѣ. По Канту мы различаемъ нравственную гетерономію, т. е. мы отличаемъ нравственное дѣяніе на почвѣ внѣшняго принужденія отъ нравственной автономіи, ведущей къ нравственному поступку подъ вліяніемъ нравственного постулата. Но такъ какъ всякая обязанность первоначально возлагается третьимъ лицомъ, то она и по происхожденію есть тоже внѣшнее принужденіе, которое чрезъ продолжительный, проходящій чрезъ всю філогенетическую исторію, процессъ, превратилось въ чувство нравственного постулата. Уже въ индивидуальной жизни можно тысячекратно наблюдать, что достаточно частаго повторенія внѣшняго возбужденія, чтобъ создать привычку и вполнѣ самостоятельное, независимое ни отъ какой внѣшней репрессіи, стремленіе къ данному поступку. То же самое получается при посредствѣ наслѣдственности: чѣмъ чаще и чѣмъ разнообразнѣе внутри рода условія, изъ коихъ вытекаетъ принужденіе къ социально-полезнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ скорѣе они будутъ считаться внутренне-необходимыми и будутъ выводиться изъ автономно проявляющагося побужденія индивида,—такъ что и здѣсь обширнѣйшій кругъ импульсовъ принимается за ультра-индивидуальный. Одинъ взглядъ на содержаніе нравственной автономіи

подтверждаетъ сейчасъ высказанное положеніе. Болѣе тѣсныя, спеціальныя обязанности обыкновенно не апеллируютъ къ этой автономіи; напротивъ чѣмъ шире кругъ объектовъ нашихъ обязанностей, тѣмъ скорѣе послѣднія приписываются исключительно личнымъ побужденіямъ. Обязанности, выводимыя изъ «простою нравственнаго чувства», отличаются отъ приписываемыхъ государствомъ, церковью, ходячей моралью, тѣмъ, что первыя, въ противоположность послѣднимъ, носятъ чисто обще-человѣческій характеръ. Автономная нравственность содержитъ въ себѣ все то, что хорошо для человѣка, какъ такового, т. е. для максимальнаго общества—человѣчества. Можно, кажется, утвердительно сказать, что—употребляя опять кантовскія выраженія—между статутарнымъ и автономнымъ побужденіями существуетъ постепенный переходъ, параллельный тому, какой мы наблюдали между меньшимъ и бѣльшимъ социальнымъ кругомъ. Нужно имѣть въ виду, что это процессъ непрерывный, что не только крайности индивидуализма и космополитизма соприкасаются психологически и этически, но что на всемъ пути, пройденномъ социальной группой, обѣ тенденціи находятся въ бѣльшемъ или меньшемъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. И это вѣрно не только для единичныхъ индивидовъ,

но и для коллективныхъ образованій. Исторія семьи даетъ этому не мало доказательствъ. Когда матриархатъ былъ смѣненъ отеческой властью, то это произошло не вслѣдствіе происхожденія отъ отца, объединяющаго семью, а напротивъ, вслѣдствіе господства, которое онъ получилъ надъ нѣкоторымъ числомъ лицъ, между коими были и единоравные, и чужеродные: приставшіе, купленные, присоединившіеся путемъ брака и т. д. Изъ этой первоначальной патриархальной фамиліи выдифференцировались уже впоследствии болѣе молодыя кровныя семьи, въ которыхъ родители и дѣти составляли самостоятельную общину. Эти, естественно, были далеко меньше и болѣе индивидуальнаго характера, чѣмъ обширныя патриархальныя семьи; но именно вслѣдствіе этого онѣ и могла дойти до соединенія въ одно политическое цѣлое. То старшая могла во всякомъ случаѣ довольствоваться своимъ положеніемъ, какъ относительно средствъ къ существованію, такъ и относительно военныхъ дѣйствій; но лишь только она распалась на болѣе мелкія ячейки—семьи, то само собой понятно, стало возможнымъ и даже необходимымъ сплоченіе въ одну обширную группу. Платонъ продолжалъ лишь въ томъ же направленіи этотъ процессъ, когда совершенно игнорировалъ семью, чтобы такимъ образомъ

довести политическое цѣлое до высшей степени сплоченности и силы.

Для животнаго міра сдѣланы такого же рода наблюденія, именно, доказано, что склонность къ образованію семьи обратно-пропорціональна стремленію къ сплоченію въ болѣе обширныя группы. Моногамная и даже полигамная жизнь оказываетъ изолирующее вліяніе: забота о потомствѣ до того поглощаетъ родителей, что дальнѣйшая соціализація въ значительной степени ослабляется. Поэтому организованныя группы птицъ рѣдки, между тѣмъ какъ, напримѣръ, дикія собаки, у которыхъ господствуетъ полное смѣшеніе половъ и взаимная отчужденность послѣ коитуса, по большей части живутъ тѣсно сплоченными стаями. И у млекопитающихъ, у коихъ одинаково сильны и семейные, и групповыя инстинкты, мы замѣчаемъ, что при господствѣ первыхъ, напримѣръ, во время парованія и течки, послѣдніе ослабѣваютъ. Далѣе, соединеніе родителей и дѣтей въ одну семью тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ меньше число послѣднихъ. Я приведу рѣшающій примѣръ. Въ классѣ рыбъ, тѣ изъ нихъ, которыя совершенно оставляютъ на произвольное свое потомство, кладутъ милліоны яицъ, между тѣмъ какъ высиживающія и строящіяся, у которыхъ замѣчаются нѣкоторыя семейныя инстинкты,

кладуть ихъ весьма ограниченное количество. Въ этомъ смыслѣ утверждали, что соціальныя особенности у животныхъ развились не изъ брачныхъ или родительскихъ, а изъ братскихъ отношеній, ибо послѣднія давали индивиду гораздо больше свободы, нежели первыя, и вслѣдствіе этого облегчали соединеніе отдѣльныхъ особей въ большой кругъ, который прежде всего представлялся въ видѣ группы братьевъ и сестеръ; такъ что и относительно животнаго міра усматривали въ принадлежности къ семьѣ наибольшее препятствіе къ составленію обширной группы.

Примѣромъ того, что распаденіе тѣсной маленькой группы находится въ связи съ прогрессомъ социализаціи и усиленіемъ индивида, въ области развитія семейственнымъ формъ можетъ служить прекращеніе патріархальной группировки въ древнемъ Римѣ. Когда гражданскія права и обязанности въ военное и мирное время доставались сыновьямъ такъ же, какъ и отцамъ, когда первые могли пріобрѣтать личное значеніе и вліяніе, военную добычу и т. д., то этимъ была пробита въ *patria potestas* брешь, которая въ дальнѣйшемъ должна была разрушать патріархальныя отношенія въ пользу общегосударственныхъ цѣлей, въ пользу великаго цѣлаго преимущественно предъ правомъ каждой отдѣльной фа-

мили, а также и въ пользу личности, какъ таковой, которая въ принадлежности къ цѣлому находила силу, неизмѣримо ограниченную патриархальными установленіями. Что касается субъективной стороны, то психологически не трудно понять, въ какой степени жизнь и взаимодействія въ большомъ социальномъ кругу благоприятствуетъ развитію личнаго самосознанія, преимущественно предъ незначительнымъ кругомъ. Личность, какъ таковая, обнаруживается въ движеніи и постоянной смѣнѣ чувствъ, мыслей, волевыхъ актовъ; чѣмъ монотоннѣе и спокойнѣе течетъ жизнь, чѣмъ менѣе крайнія точки области чувства отклоняется отъ ея середины, тѣмъ слабѣе выступаетъ чувство индивидуальности; чѣмъ значительнѣе эти отклоненія, тѣмъ опредѣленнѣе чувствуетъ себя человѣкъ, какъ личность. Какъ постоянство обнаруживается при сравненіи съ измѣнчивостью, какъ измѣненія аксессуаровъ рѣзче выставляютъ неизмѣнность субстанціи,—такъ личное «я» съ особенной ясностью фиксируетъ свое постоянство и сущность при всей измѣнчивости психическихъ взаимодействій его съ окружающей средой. Пока жизнь вызываетъ мало психическихъ движеній, особенно чувствованій, личное «я» сливается съ ними и остается въ нихъ совершенно скрытымъ; оно возвышается лишь

тогда, когда нашему сознанию становится яснымъ, что есть общаго и постояннаго въ разнообразномъ множествѣ душевныхъ движеній и проявленій, которыми мы реагируемъ на окружающую дѣйствительность; такъ точно высокое понятіе о какомъ-нибудь явленіи мы получаемъ не на основаніи одной или нѣсколькихъ его копій, но изъ знакомства съ возможно большимъ числомъ подобныхъ же явленій. Разнообразіе и богатство психической жизни, выставляющее индивидуальное «я», какъ неподвижный полюсъ въ движеніи психическихъ проявленій личности, будетъ гораздо полнѣе въ обширной группѣ, нежели въ тѣсномъ социальномъ кругу. Противъ этого могутъ возразить, что индивидуализація и дифференціація первой окружаетъ личность гораздо болѣе односторонне-постоянной атмосферой, чѣмъ менѣе развитое раздѣленіе труда. Допуская, что это есть слабая сторона дифференціаціи, мы не должны забывать, что она имѣетъ значеніе только для развитія индивидуальнаго мышленія и воли. Возбужденіе же различныхъ чувствованій, отъ которыхъ по преимуществу зависитъ субъективное самосознаніе, имѣетъ мѣсто именно тамъ, гдѣ весьма дифференцированный индивидъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими такими же и гдѣ сравненія, столкновенія и безчисленныя

взаимныя вліянія вызываютъ массу реакцій, остающихся въ недифференцированной средѣ скрытыми.

Необходима дифференціація частей для того, чтобы при данныхъ предѣлахъ и ограниченныхъ жизненныхъ условіяхъ могла расти группа, — необходимость, обнаруживающаяся даже и въ тѣхъ областяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ экономической необходимостью. Между тѣмъ какъ первоначально въ первыхъ христіанскихъ общинахъ вся жизнь была проникнута единой религіозной идеей, при ихъ раеширеніи не могли не проявиться нѣкоторыя отрицательныя послѣдствія, какъ пониженіе уровня религіозности, профанація высшей идеи. Свѣтское, съ которымъ религіозное находилось въ полномъ смѣшеніи, теперь получило количественный перевѣсъ въ такой мѣрѣ, что религіозный элементъ не въ силахъ былъ сообщить ему свой характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось монашеское состояніе, исключившее изъ своей жизни все свѣтское, чтобы наполнить ее исключительно религіознымъ содержаніемъ. Единство религіи и жизни распалось на свои составныя части: религію и жизнь, дифференціація первой христіанской общины, необходимая для существованія послѣдней, при условіи расширенія ея границъ. Когда Данте проповѣдывалъ рѣзкій

дуализмъ свѣтскаго и духовнаго режимовъ, полную взаимную независимость государственныхъ и религіозныхъ нормъ, то онъ соединялъ это непосредственно съ идеей мірового государства, полной сплоченности всего человѣчества въ одно органически цѣлое.

Гдѣ образуется обширное цѣлое, тамъ обнаруживается такая масса противоположныхъ тенденцій, склонностей, интересовъ, что единство цѣлаго, какъ такового, и его существованіе были бы невысказуемы, если бы дифференціація не распредѣляла существенно различное между различными индивидами, группами и установленіями. Недифференцированное сосуществованіе порождаетъ враждебное соисканіе одного и того же объекта желаній, стремленій и потребностей, между тѣмъ какъ при полной спеціализаціи внутри круга совмѣстная жизнь и дѣятельность только и становятся возможными.

ГЛАВА III.

Соціальный уровень.

Вообще замѣчено, что рѣдкое, индивидуальное, отличающееся отъ общаго шаблона, получаетъ оцѣнку, которая связывается съ его формой и обыкновенно оказывается независимой отъ его специфическаго содержанія. Уже языкъ отмѣчаетъ «рѣдкое», какъ особенно хорошее, между тѣмъ какъ посредственное, т. е. общее цѣлому, болѣе или менѣе обширному кругу, неиндивидуальное, означаетъ нѣчто малоцѣнное. Для объясненія этого рода представленій, укажемъ на то, что все хорошее, все, что вызываетъ чувство удовольственности, рѣдко, такъ какъ самое это чувство необыкновенно быстро притупляется и въ силу частоты его проявленія вскорѣ замѣняется безразличной привычкой, образующей шаблонъ, надъ уровнемъ котораго, вновь должно подняться выдающееся раздраженіе, чтобы вызвать болѣе интенсивное чувство. Если такимъ образомъ подъ хорошимъ понимать источникъ

извѣстныхъ пріятныхъ раздраженій, то вовсе не нужно никакого особеннаго пессимизма, чтобы ему приписать рѣдкость какъ необходимый предикатъ. Если это такъ, то психологически весьма понятно и противоположеніе: что и все рѣдкое — хорошо. Какъ ни ошибоченъ съ логической стороны выводъ, что если всѣ $a=b$, то и всѣ b должны быть равны a , тѣмъ не менѣе мы въ ощущеніи и мышленіи дѣлаемъ неоднократно этотъ неправильный выводъ: понравился намъ, положимъ, извѣстный стиль въ области искусства или конкретныхъ предметовъ; еще не успѣли мы хорошенько его разобрать и оцѣнить, какъ онъ сдѣлался для насъ критеріемъ всякой красоты. Положеніе: стиль M —хорошъ, для практики превращается въ положеніе: все хорошее должно обнаружить стиль M ; программа извѣстной партіи кажется намъ правильной—и уже для насъ только то правильно, что заключается въ ней и т. д. Подобный оборотъ положенія, что все хорошее рѣдко, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ необыкновенную оцѣнку рѣдкаго.

Но здѣсь мы имѣемъ еще привходящій практической моментъ. Сходство съ другими, какъ фактъ и какъ тенденція, не менѣе важно, чѣмъ различіе, и оба они составляютъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ великіе прин-

ципы всякаго развитія, такъ что исторія чело-
вѣческой культуры можетъ быть представ-
лена, какъ исторія ихъ конфликтовъ и при-
мирений. Однако для практическихъ отноше-
ній индивида различіе относительно другихъ
имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели
сходство. Дифференціація въ отношеніи дру-
гихъ людей есть то, что большей частью вы-
зываетъ и опредѣляетъ нашу дѣятельность.
Мы всегда принуждены уяснить себѣ все раз-
нообразіе окружающей среды, когда мы при-
ходимъ съ ней въ соприкосновеніе и стара-
емся занять въ ней надлежащее мѣсто. Суще-
ность практическаго интереса состоитъ въ
томъ, что доставляетъ намъ отъ окружающихъ
выгоду или потерю, а не въ томъ, на какихъ
пунктахъ мы съ ними сходимся. Дарвинъ раз-
сказываетъ, что при своихъ многочисленныхъ
опытахъ по разведенію животныхъ онъ не
нашелъ никого, кто бы вѣрилъ въ единство
происхожденія видовъ; интересъ къ тѣмъ от-
клоненіямъ, которыя давали выводы до того
наполняли сознаніе, что не оставалось ника-
кого мѣста для сходства въ существенныхъ
чертахъ съ другими видами. Въ общемъ
можно сказать, что при объективно - оди-
наковомъ значеніи сходства съ обществен-
нымъ кругомъ и индивидуализаціи относи-
тельно его, послѣдняя ясно фиксируется въ

сознаніи, между тѣмъ какъ первая существуетъ какъ бы безсознательно. До какой степени сознаніе различія затемняетъ представленіе сходства, лучше всего показываетъ конфессіоналистическая борьба между лютеранами и протестантами въ XVII вѣкѣ. Какъ только совершился великій расколъ противъ католицизма, цѣлое по ничтожнымъ поводамъ распалось на партіи такимъ образомъ, что скорѣе возможно было сближеніе съ папистами, чѣмъ съ адептами другой конфессіи. Такъ можетъ быть изъ за дифференціаціи забыто главное стремленіе, изъ-за частичныхъ разногласій—всякія связи! Что этотъ интересъ къ дифференціаціи, который такимъ образомъ составляетъ основаніе сознанія собственного достоинства и практическаго образа дѣйствій, психологически опредѣляетъ оцѣнку этихъ послѣднихъ,—понятно само собой, также какъ и то, что этотъ интересъ достаточно могучъ, чтобы создать дифференціацію даже и тамъ, гдѣ для нея нѣтъ существеннаго повода. Такъ наблюдается, что различныя общества—начиная отъ законодательныхъ собраній и до увеселительныхъ soirées—имѣющія однородныя цѣли и взгляды на вещи, по истеченіи нѣкотораго времени раздѣляются на партіи, относящіяся другъ къ другу, какъ объединяющее ихъ цѣлое относится ко всякому другому, от-

личающемуся другой тенденціей. Выходить, какъ будто индивидъ чувствуетъ свое значеніе только въ противопоставленіи себя другому, такъ что это противопоставленіе создается искусственно тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не существуетъ.

Первое выставленное основаніе для оцѣнки дифференціаціи было индивидуально-психологическое, второе—индивидуально-соціологическое; можно вывести еще третье—эволюціонно-историческаго характера. Если органическій міръ представляетъ постепенное развитіе отъ низшихъ формъ къ высшимъ, то низшія, примитивныя особенности являются во всякомъ случаѣ самыми древними; а если онѣ древнѣйшія, то онѣ и самыя распространенныя, такъ какъ наслѣдственные черты усваиваются тѣмъ большимъ кругомъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ онѣ дольше существуютъ и чѣмъ онѣ положительнѣе. Наслѣдственная передача какой-нибудь черты въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ такимъ образомъ представляетъ основаніе, проводящее въ реальную и синтетическую связь примитивность этой черты съ ея распространеніемъ. Если поэтому оказывается, что индивидуальное и рѣдкое качество есть самое лучшее, то это представляется выводомъ изъ выставленной сейчасъ точки зрѣнія, иногда ошибочной, но часто правильной. Несом-

нѣнно, что дифференціація можетъ итти въ сторону уродливаго и дурного; но глубокій анализъ часто показываетъ, что когда дѣло идетъ объ этически или эстетически дурномъ, обнаруживающемъ при томъ высокую степень дифференціаціи, эта послѣдняя касается не конечной цѣли, которая вполнѣ оправдываетъ отрицательную оцѣнку, а имѣетъ мѣсто лишь относительно средствъ и способовъ ея выраженія и достиженія.

Итакъ, старыя и примитивныя понятія въ эволюціонистическомъ отношеніи имѣютъ, преимущественно предъ молодыми и индивидуальными, — больше шансовъ быть унаслѣдованными отсюда не трудно прійти къ тому заключенію, что большимъ массамъ, какъ таковымъ, присущи лишь низшія, примитивныя проявленія человѣческой культуры.

Изъ этого же положенія становится яснымъ и понятнымъ поразительное несоотвѣтствіе между теоретическими убѣжденіями и этическимъ поведеніемъ большинства людей, въ смыслѣ отсталости послѣдняго отъ первыхъ. Именно, справедливо замѣчено, что вліяніе знанія на развитіе характера имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда оно исходитъ изъ общей суммы познаній всей группы: ибо къ тому времени, въ теченіе котораго человѣкъ достигаетъ индивидуальнаго, выдающагося

надъ уровнемъ среды, образованія,—къ тому времени его характеръ и нравственное направленіе давно установилось. Въ періодъ развитія этихъ послѣднихъ онъ находится подъ исключительнымъ вліяніемъ объектированного въ соціальной группѣ духа, общераспространенныхъ въ ней познаній и понятій. Если уровень познаній соціальной группы низокъ, то мы изъ его вліянія на этическое формированіе дѣлаемъ заключеніе, что послѣднее совершенно не соотвѣтствуетъ теоретическому образованію, какое мы констатируемъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ субъектѣ. Мы можемъ быть увѣрены, что самоотверженный образъ дѣйствій имѣетъ неизмѣримо высшую нравственную цѣнность, нежели эгоистическій—и поступать эгоистично. Мы проникнуты сознаніемъ, что духовныя наслажденія чище и прочнѣе чувственныхъ—и однако, какъ слѣпые и бѣшеные, гонимся за послѣдними; мы тысячу разъ повторяемъ себѣ, что одобреніе толпы ничто въ сравненіи съ оцѣнкой двухъ-трехъ знатоковъ въ данной области, и сколько есть такихъ, которые не только говорятъ, но и убѣждены въ этомъ,—и тѣмъ не менѣе невольнo отдають предпочтеніе первому. Это можетъ происходить только вслѣдствіе того, что высшія познанія мы приобретаемъ тогда, когда наше нравственное содержаніе

вполнѣ закончено, и что въ то время, какъ оно создается, насъ окружаютъ лишь общія, т. е. низшія теоретическія познанія и понятія.

Если и каждая въ отдѣльности личность изъ массы обладаетъ высшими познаніями, то эти послѣднія все таки болѣе или менѣе индивидуальны, т. е. при одинаковой высотѣ и дифференцированности представляютъ свои различія по роду и направленію. Общій же духовный уровень, отъ коего индивиды должны были отдѣлиться, чтобы подняться до своей интеллектуальной высоты, складывается изъ примитивныхъ наклонностей и свойствъ, являющихся, въ силу наслѣдственной передачи, общими всѣмъ членамъ группы. Съ этой точки зрѣнія понятенъ стихъ Шиллера: «всякій въ отдѣльности посредственно уменъ и понятливъ, а въ общей массѣ получается порождающая тупость». Отсюда становится понятнымъ также и то обстоятельство, что совмѣстная ѣда и питье, какъ самыя старыя функціи человѣческой природы, служатъ самымъ лучшимъ объединяющимъ средствомъ для совершенно разнородныхъ лицъ и группъ. Поведеніе массъ, какъ таковыхъ, можетъ быть характеризовано именно съ этой точки зрѣнія. Кардиналь Ретцъ въ своихъ мемуарахъ, описывающихъ дѣятельность парижскаго пар-

ламенты во времена фронды, передаетъ, что многочисленныя корпораціи, состоявшія изъ высокопоставленныхъ и образованныхъ людей, тѣмъ не менѣе при общихъ совѣтахъ и обсужденияхъ дѣйствовали, какъ масса, т. е. управлялись тѣми же непосредственными чувствованіями и представленіями, что и обща масса народа;—только эти послѣднія общи всѣмъ, между тѣмъ какъ высшія, дифференцированныя у разныхъ людей различны. Когда масса дѣйствуетъ единодушно, то это возможно только лишь на почвѣ самыхъ простыхъ представленій; мало вѣроятно, чтобы каждый членъ большой однородной массы носилъ въ своемъ сознаніи сложный комплексъ мыслей и имъ руководился въ своихъ поступкахъ. Такъ какъ всякая простая идея должна быть радикальной, преслѣдующей, только свои и игнорирующей всякія другія требованія, то отсюда и понятна удивительная сила радикальныхъ партій въ тѣ времена, когда народныя массы приходятъ въ движеніе; понятна съ другой стороны, и слабость срединныхъ партій, раздѣляющихъ требованія всѣхъ враждующихъ сторонъ.

Если членъ какой-нибудь группы стоитъ на очень низкой ступени развитія, то область, составляющая общее между нимъ и ею, относительно велика. Это общее, взятое абсолютно,

должно быть тѣмъ ниже и примитивнѣе, чѣмъ больше такихъ не развитыхъ членовъ, такъ какъ высшій общій уровень, естественно, возможенъ только тамъ, гдѣ составные элементы обнаруживаютъ соотвѣтственно высокую ступень развитія. Относительная отсталость развитія, проявляемая членами той или другой группы, сравнительно съ присушимъ всей группы общимъ уровнемъ, указываетъ на абсолютную низость послѣдняго и на оборотъ. Невѣренъ и поверхностенъ былъ - бы выводъ, что при высокой дифференціаціи индивидовъ относительно другъ друга, вообще должно все болѣе и болѣе уменьшаться и ограничивается лишь самыми необходимыми свойствами и функціями. Наше предыдущее разсужденіе основано на той мысли, что чѣмъ болѣе расширена группа, темъ менѣе можетъ быть у ея членовъ общаго и что расширение возможно лишь при посредствѣ развитой дифференціи. такъ что послѣдняя обратно пропорціональна величинѣ общаго духовнаго достоинства группы. Мы можемъ, чтобы устранить это видимое противорѣчіе съ выше проведеннымъ положеніемъ, схематически такъ себѣ представить дѣло, что первоначальное состояніе представляло очень низкій соціальный уровень при незначительной-же индивидуальной дифференціаціи. Дальнѣйшее развитіе усилило и то, и другое, но такъ что приумноженіе общаго дос-

тоянiя шло не въ равной пропорціи съ дифференціаціей, въ а сравнительно меньшей. Слѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что разница между ними прогрессивно увеличивается, что соціальный общій уровень, сравнительно съ выдѣляющимися надъ нимъ индивидуальностями становится ниже и блѣднѣе, хотя абсолютно онъ замѣтно растетъ. Три явленія: имѣющая большую важность и значеніе высота соціального уровня группы, не менѣе важная абсолютная высота индивидуализацій, бѣдность первой относительно второй, такимъ образомъ, какъ нельзя лучше уживаются вмѣстѣ. Напримѣръ, пролетарію нынѣ доступны нѣкоторые жизненные комфортъ и культурныя блага, о которыхъ онъ и мечтать не могъ въ прежнія времена, и все таки пропасть между его образомъ жизни и образомъ жизни высшихъ классовъ необыкновенно увеличилась. Въ періоды высшей культуры дѣти гораздо воспримчивѣе и развитѣе, чѣмъ въ примитивныя эпохи, и тѣмъ не менѣе путь, который имъ нужно пройти до высшаго развитія гораздо длиннѣе, нежели въ раннія эпохи человѣческой исторіи. Въ предѣлахъ индивида эмоціальные и интеллектуальные функціи въ юности стоятъ близко другъ къ другу; съ общимъ ростомъ первыя становятся богаче и сильнѣе, но, если не у всѣхъ, то по крайней

мѣрѣ, у многихъ субъектовъ не въ равной пропорціи съ послѣдними, такъ что значительныя абсолютныя высоты и тѣхъ, и другихъ уживаются съ относительной бѣдностью первыхъ сравнительно съ вторыми. Также точно и въ нашемъ примѣрѣ: различіе между образованными и необразованными въ тѣ времена является самымъ значительнымъ, когда уже и послѣдніе обладаютъ большей степенью образованія, чѣмъ при большемъ равенствѣ духовнаго содержанія составляющихъ социальную группу индивидовъ. Итакъ, относительная высота индивидуальной дифференціаціи обусловливается известной абсолютной высотой общаго духовнаго уровня группы и наоборотъ, невысокому социальному уровню соотвѣтствуетъ недостатокъ индивидуальной дифференціаціи.

Это—очень важное соотношеніе, такъ какъ оно даетъ намъ понять, какъ мало нужно было для того, чтобы въ примитивной ордѣ добиться положенія предводителя или господина. Это характерно и для живущихъ стадами животныхъ, у которыхъ вожакъ вовсе не обладаетъ выдающимися особенностями, коими оправдывалось бы его положеніе; также и у дѣтей въ школѣ можно часто наблюдать, что мальчикъ, выбранный въ предводители своими сверстниками, не отличается особенными, ни физическими, ни духовными, каче-

ствами. Весьма незначительно выдающаяся особенность, сравнительно съ посредственностью, ведетъ къ преимуществу предъ очень многими тамъ, гдѣ вообще отклоненія отъ общаго уровня минимальны. Выдѣлиться изъ значительно дифференцированной среды тѣмъ труднѣе, что если кто въ извѣстномъ отношеніи и превосходитъ посредственность, то рядомъ же находятся лица, выдающіяся въ другихъ какихъ-либо отношеніяхъ. Поэтому весьма характерными являются сообщенія, дѣлаемые о неграхъ и вообще дикихъ племенахъ, живущихъ еще въ естественномъ состояніи; у нихъ самый ловкій человѣкъ въ своей особѣ совмѣщаетъ искусство и кузнеца, и плотника, и столяра, и ткача, умнѣйшій изъ нихъ вмѣстѣ и врачъ, и жрецъ, и чародѣй и т. д. Соединеніе дѣйствительныхъ специфическихъ способностей по всѣмъ этимъ функціямъ едва ли мыслима; дѣло все въ томъ, что одна какая-нибудь способность, при низкомъ общемъ уровнѣ соціальной группы, создаетъ выдающееся положеніе вообще и во всѣхъ отношеніяхъ. При сляніи индивидовъ съ общимъ, а потому и низкимъ соціальнымъ уровнемъ, достаточно нѣкоторой ничтожной степени дифференціаціи, чтобы закрѣпить за собой первое мѣсто въ группѣ. Можно было-бы даже считать за одинъ изъ факторовъ соці-

альной эволюціи то обстоятельство, что на тѣхъ ступеняхъ, гдѣ господство и подчиненіе главнымъ образомъ кладутъ основаніе культурѣ, недостатокъ дифференціаціи облегчаетъ выдѣленіе болѣе или менѣе могущественныхъ личностей.—Подобное же соотношеніе даютъ индивидуальныя представленія. Чѣмъ менѣе дифференцирована и развита сумма представлений, тѣмъ скорѣе получить преобладаніе какое-нибудь одно изъ нихъ, нѣсколько выдающееся, и вполне овладѣть человѣкомъ, хотя оно по своему значенію не представляетъ ничего захватывающаго. Порывистость и непоколебимая страстность дикихъ и безразсудныхъ людей представляетъ весьма часто наблюдаемое явленіе въ этомъ смыслѣ. Повсюду мы замѣчаемъ, что дифференцированное и индивидуальное получаетъ оцѣнку несоотвѣтствующую его истинному значенію; чѣмъ примитивнѣе и ниже группа, тѣмъ замѣтнѣе всякая мало-мальская дифференцированность, такъ какъ низкій уровень влечетъ за собой равенство индивидовъ, и всякая выдѣляющаяся особенность создаетъ выдающееся положеніе.

Для того, чтобы въ дифференцированной уже массѣ могла быть достигнута нивелировка, ведущая къ единодушію въ образѣ дѣйствій, не низшій поднимается къ высшему,

не оставшійся на низшей ступени развитія къ дифференцированному, а наоборотъ, высшій долженъ спуститься, къ пройденной имъ уже ступени; то общо всѣмъ, что можетъ быть достояніемъ самаго неразвитаго. Когда надъ классами изъ коихъ одинъ былъ правящій, а другой управляемый, устанавливается власть, то она обыкновенно опирается на послѣдній, ибо чтобы въ равной мѣрѣ подняться надъ всѣми слоями, ихъ нужно нивелировать, а нивелировка возможна лишь въ томъ направленіи, что высшіе оттѣсняются на низшую ступень, а не наоборотъ. Именно вслѣдствіе этого узурпаторъ находитъ въ низшихъ слояхъ готовую поддержку. Въ связи съ этимъ же находится и то обстоятельство, что если кто хочетъ вліять на массы, онъ долженъ этого добиваться не помощью теоретическихъ убѣжденій, но главнымъ образомъ дѣйствуя но чувство. Такъ какъ чувство сравнительно съ мышленіемъ, является безъ сомнѣнія, низшей филогенетической функціей; такъ какъ удовольствіе и страданіе, какъ побудительныя чувства личнаго и родового самосохраненія, во всякомъ случаѣ, развились за-долго до того, какъ люди стали оперировать съ понятіями, мнѣніями и логическими выводами—масса скорѣе сольется на почвѣ примитивныхъ чувствъ, чѣмъ абстрактныхъ построеній.

Это же подтверждается явленіемъ, наблюдаемымъ съ особенной ясностью въ сплоченной толпѣ. Одинъ и тотъ же импульсъ пройдетъ незамѣченнымъ, если онъ направленъ противъ меня одного, и можетъ вызвать сильную реакцію, когда я буду находиться въ большой группѣ, состоящей изъ одинаково заинтересованныхъ индивидовъ. Неоднократно мы смѣемся въ театрѣ или обществѣ острогѣ, по поводу которой мы бы наединѣ только пожалы плечами; импульсъ, которому каждый въ отдѣльности поддается лишь съ трудомъ, вызываетъ въ немъ энтузіазмъ одобренія или порицанія, лишь только онъ находится въ большой массѣ. Поглощеніе индивида толпой при выраженіи чувствъ вовсе не показываетъ, что онъ отдается ей вполне пассивно и побуждается къ своему поступку исключительно вліяніемъ другихъ, иначе настроенныхъ; ему это и можетъ показаться съ его субъективной точки зрѣнія, но въ сущности такая масса состоитъ только изъ одинаково заинтересованныхъ и настроенныхъ индивидовъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто чистое взаимодѣйствіе: каждый вноситъ свою частицу въ общую реакцію, которая на него самого дѣйствуетъ такъ, что какъ бы совершенно ступшевываетъ его собственное участіе. Если и нельзя установить закона, точно опредѣляющаго вліяніе раздра-

женія на однородную массу, то все таки нѣтъ сомнѣнія, что первое усиливается съ увеличеніемъ послѣдней. Отсюда страшное дѣйствіе на толпу совершенно ничтожныхъ впечатлѣній, вулканическое волненіе, вызываемое незначительными импульсами любви и ненависти. Тоже замѣчается въ животномъ мірѣ: у живущихъ стадами животныхъ наблюдается, что малѣйшее движеніе, малѣйшій скачекъ одного наводитъ панической страхъ на все стадо.

Всѣ эти явленія указываютъ на ту психологическую ступень, на которой душевная жизнь опредѣляется еще преимущественно ассоціацией. Высшее духовное развитіе порываетъ ассоціативныя связи, которыя механически до того связываютъ элементы душевной жизни человѣка, что возбужденіе въ одномъ пунктѣ весьма чувствительно затрагиваютъ и приводятъ въ движеніе самыя отдаленныя области послѣдней, не имѣющія къ возбужденному чувству никакого существеннаго отношенія. Возрастающая дифференціация освобождаетъ отдѣльные элементы сознанія изъ механически скомпанованныхъ комплексовъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ исключительно расплывчатой неясности и неопредѣленности примитивныхъ представленій, и способствуетъ установленію лишь логическихъ

связей между различными интеллектуальными проявлениями. Пока у человека господствуют грубые, недифференцированные представления, неизбежно оказывается перевѣсъ на сторонѣ чувства, преимущественно предъ сознательной работой. Ибо много или мало истинности содержитъ мнѣніе, что чувства суть только неясныя мысли, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что расплывчатость и неясность представлений вызываетъ относительно живое возбужденіе чувствованій. Чѣмъ ниже интеллектуальный уровень, чѣмъ неопредѣленнѣе границы отдѣльныхъ представлений, тѣмъ возбудимѣе область чувства и тѣмъ волевые акты менѣе являются продуктами опредѣленныхъ, логически расчлененныхъ посылокъ и выводовъ, будучи результатами общаго возбужденія духа, вызваннаго какимъ-либо извнѣ даннымъ толчкомъ. Въ этомъ именно кроется психологическое основаніе того явленія, что можно добиться того или иного настроенія и практическаго рѣшенія толпы только путемъ аппеляціи къ чувству послѣдней, а не логическими убѣжденіями. Этой же психической особенностью объясняется неспособность толпы къ оппозиціи: чѣмъ примитивнѣе и не дифференцированнѣе состояніе сознанія, тѣмъ менѣе противодѣйствія находятъ въ данный моментъ проявившійся импульсъ. Но какъ быстро фор-

мулируется известное настроеніе и рѣшеніе массы, такъ быстро оно смѣняется другими, не оставляючи мѣста для первыхъ и безраздѣльно, какъ раньше тѣ, завладѣвающими умами толпы.

Дальнѣйшія психологическія основанія того, что я называлъ коллективной нервозностью, проникають въ отдаленную область «симпатіи». Надо замѣтить, что вслѣдствіе тѣсной сплоченности съ окружающими, чело-вѣкъ обнаруживаетъ массу повидимому необъяснимыхъ чувствованій симпатическаго и антипатическаго характера, что безчисленныя ассоціаціи, стремленія, раздраженія тѣсно связаны съ тѣми разнороднѣйшими впечатлѣніями, какія мы воспринимаемъ въ народной массѣ, аудиторіяхъ и т. д.; и если ни одно изъ этихъ впечатлѣніе не достигаетъ сознанія, то тѣмъ не менѣе они въ общей массѣ оказываютъ несомнѣнное и весьма значительное вліяніе и вызываютъ какую то внутреннюю нервозность, сообщающую тому или другому нашему сознательному акту такую интенсивность, которой онъ не имѣлъ бы при отсутствіи этого субъективно-возбужденнаго состоянія; отсюда намъ становится понятнымъ повышеніе нервной жизни, проявляющееся въ зависимости отъ обобществленія, становится понятнымъ также и то, что повышеніе это тѣмъ значи-

тельнѣе, чѣмъ разнороднѣе вліянія, исходяція отъ окружающаго общества, т. е. чѣмъ обширнѣе и дифференцированнѣе нашъ соціальный кругъ. Другая форма симпатіи имѣетъ здѣсь еще большее значеніе. Мы очень часто бессознательно воспроизводимъ движенія, которыя наблюдаемъ вокругъ себя. Какъ мы нерѣдко, слушая музыкальную пьесу, подпѣваемъ ее полу или совсѣмъ бессознательно, при взглядѣ на живое движеніе продѣлываемъ его своимъ тѣломъ, иногда самымъ причудливымъ образомъ, такъ точно мы сначала совершенно физически воспроизводимъ всѣ ужимки, перемѣны въ чертахъ лица и т. д., въ какихъ обнаруживаются тѣ или иные душевныя движенія находящихся подлѣ насъ людей. Но затѣмъ вслѣдствіе выработавшейся ассоціаціи между чувствомъ и его внѣшнимъ выраженіемъ, ассоціаціи дѣйствительной и въ обратномъ направленіи, тѣ внѣшне воспроизведенныя движенія вызываютъ хотя бы малую толику соотвѣтствующаго имъ чувствованія. Высшее драматическое искусство покоится на этой психологической особености. Между тѣмъ какъ актеръ сначала воспроизводитъ внѣшніе приемы и жесты даннаго лица, онъ затѣмъ постепенно проникаетъ по мосту, соединяю-

щему эти послѣдніе съ внутреннимъ его со-
держаніемъ, въ самую его психику и тогда
лишь своей игрой создаетъ образъ, соотвѣт-
ствующій дѣйствительности. Далѣе, уже давно
извѣстно, что чисто механическое подражаніе
жестамъ разсерженнаго человѣка вызываетъ
въ душѣ нѣкоторое подобіе гнѣвнаго аффекта.
Такимъ образомъ возбуждающее наше внима-
ніе движеніе, черезъ посредство промежуточ-
ныхъ точекъ внѣшняго проявленія аффекта
и симпатически рефлкторнаго подражанія это-
му проявленію, приближаетъ насъ къ самому
своему источнику. Приближеніе это имѣетъ
несомнѣнно тѣмъ больше шансовъ, чѣмъ чаще
проявляется вокругъ насъ одинъ и тотъ же
аффектъ. И если это имѣетъ мѣсто уже тогда,
когда мы, будучи совершенно безпристрастны,
входимъ въ толпу, то въ тѣхъ случаяхъ, ко-
гда собственное мнѣніе совпадаетъ съ общимъ,
оно приводитъ къ величайшему усиленію по-
слѣдняго, къ взаимному самопоглощенію и къ
безусловному перевѣсу надъ сознательно ло-
гическими и индивидуальными моментами того
чувства, которое для насъ обще со всей окру-
жающей массой; взаимодействіе между инди-
видами способствуетъ неизмѣримому усиленію
чувствованій cadaго изъ нихъ въ отдѣль-
ности.

Заѣсь мы, повидимому, впадаемъ въ противорѣчіе съ прежнимъ нашимъ выводомъ, что уровень толпы постоянно относительно не высокъ, и что индивидъ входящій въ нее долженъ снизойти, спуститься къ этому общему уровню, но если данная индивидуальность стоитъ относительно выше соціального уровня, то и этотъ послѣдній долженъ находиться на извѣстной абсолютной высотѣ, которая и способна измѣняться подъ вліяніемъ возрастающей интенсивности чувствъ и энергій.

Только высоко развитая личность должна такъ сказать снизойти до соціального уровня толпы; да и въ отношеніи къ такой личности нужно сказать, что по скольку ея способности находятся въ состояніи потенціальномъ, ей приходится, какъ всякой другой, не снизойти, а подняться къ общему уровню соціальной группы.

Подражаніе, устанавливающее одинаковый уровень для всей массы, будучи одной изъ низшихъ функцій нашей духовной природы, въ соціальномъ отношеніи имѣетъ колоссальное значеніе. Мы укажемъ здѣсь лишь на то, что подражаніе представляетъ собой одно изъ важнѣйшихъ средствъ для взаимнаго пониманія людей; оно даетъ намъ, при посредствѣ вышеупомянутой ассоціаціи между внѣшнимъ выраженіемъ и соответственными душевными

движеніями, ключъ къ истинному пониманію этихъ послѣднихъ, такъ какъ тѣ же чувства и у насъ вызываютъ подобныя же движенія и жесты. О важности взаимнаго пониманія, какъ средства къ духовному общенію людей, распространяться нечего. Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ большинствѣ моментовъ нашей обыденной дѣятельности мы пользуемся приѣмами и формами, усвоенными подражаніемъ, что ускальзываетъ отъ нашего вниманія, такъ какъ таковое привлекается вообще не общимъ примелькавшимся фономъ, а лишь чисто личнымъ оригинальнымъ проявленіемъ индивидуальности. Также несомнѣнно и то, что только низшая степень духовнаго развитія обуславливаетъ необходимость оставаться въ предѣлахъ одного лишь подражанія, ибо подражаніе вызывается только самыми частыми обыденными дѣйствіями, а такія бываютъ постоянно тривіальнаго характера. И если духовная жизнь массы сводится именно къ такого рода духовной дѣятельности, то стремленіе къ дифференціаціи создало форму совмѣщающую всѣ преимущества подражанія и соціальнаго обезличенія съ прелестью полной переменъ дифференціаціи, именно, моду. Въ подражаніи модѣ единичная личность является *par excellence* существомъ соціальнымъ. мода освобождаетъ его отъ трудностей выбора и

отвѣтственности предъ другими; съ удобствомъ приѣмовъ и формъ соединяется общее ихъ признаніе; представляя въ отношеніи своего содержанія постоянную смѣну однѣхъ формъ другими, мода, съ другой стороны, удовлетворяетъ потребности въ разнообразіи и устанавливаетъ дифференціацію во времени; различіе сегодняшней моды отъ вчерашней и позавчерашней, сосредоточеніе сознанія на одномъ пунктѣ, который отъ предшествующаго отличается въ такой же мѣрѣ, какъ и отъ послѣдующаго, отклоненія и переходы, напоминающіе отношенія, споры и компромиссы между индивидуальностями—все это весьма многимъ замѣняетъ въ модѣ прелесть индивидуально-дифференцированнаго, оригинальнаго поведенія и маскируетъ для нихъ низость того уровня, къ которому они тяготеютъ.

При этомъ взглядѣ на массу, по сколько она является однородной, обращаетъ на себя вниманіе явленіе, обусловливающее самыя удивительныя соціологическія идеи. Дѣйствія общества, какъ такового, обладаютъ сравнительно съ дѣятельностью индивида, непоколебимой точностью и цѣлесообразностью. Единичная личность со всѣхъ сторонъ осаждается самыми противоположными чувствованіями, стремленіями, мыслями, ей представляется возможность въ каждый данный моментъ вос-

пользоваться тѣми или другими приѣмами дѣятельности, изъ которыхъ она дѣлаетъ выборъ, не основываясь на ихъ объективной правильности, а руководствуясь чисто субъективными соображеніями. Соціальная же группа напротивъ отлично знаетъ кого въ данную минуту считать врагомъ, а кого другомъ. — Между волей и дѣйствіемъ, стремленіемъ и его осуществленіемъ, цѣлью и средствами, у группы наблюдается гораздо меньше несоответствія, чѣмъ между тѣми же моментами у индивида. Это старались объяснить такимъ образомъ, что движенія массы, въ противоположность движенію индивида, опредѣляются законами природы, что массы должны слѣдовать въ направленіи своихъ интересовъ и также мало могутъ отклониться отъ этого направленія, какъ матеріальная масса отъ направленія силы протяженія. Не трудно видѣть, что это объясненіе далеко не состоятельно. Мы согласны, что поведеніе массы, сравнительно съ дѣятельностью отдѣльнаго лица, въ нѣкоторомъ смыслѣ законосообразно, но удивительно какимъ образомъ законосообразности всегда совпадаетъ съ цѣлесообразностью. Природа знаетъ одинъ только видъ цѣлесообразности, именно, она вызываетъ къ жизни безчисленное множество продуктовъ, изъ которыхъ одни наиболѣе приспособляются къ окру-

жающей средѣ и оказываются такимъ образомъ цѣлесообразными. Но нѣтъ ни одной такой области, въ которой проявленія природныхъ силъ сами по себѣ отвѣчали бы извѣстнымъ телеологическимъ требованіямъ. Старое положеніе, что природа выбираетъ кратчайшій путь къ осуществленію своихъ цѣлей, лишено всякаго смысла, такъ какъ за отсутствіемъ цѣлей не возможно говорить о менѣе или болѣе короткихъ относительно ихъ путяхъ осуществленія; поэтому и перенесеніе этого принципа въ область отношеній между социальными цѣлями и средствами ихъ осуществленія является несостоятельнымъ. Разбираемое воззрѣніе врядъ ли рѣшится утверждать что колебанія выбора и ошибки со стороны индивида представляютъ исключеніе изъ универсальной естественной причинности. Но если бы это, паче чаянія, случилось, и если бы только поведеніе массы, въ противоположность индивиду, было выставляемо, какъ натурально-законное, то все таки остаются открытыми два вопроса, именно, мыслимъ ли выборъ и колебанія въ предѣлахъ чисто естественной причинности, и далѣе, въ силу какой такой предустановленной гармоніи, какъ разъ въ социальныхъ стремленіяхъ результатъ долженъ постоянно совпадать съ намѣреніемъ.

Всѣ эти затрудненія легко разрѣшаются изъ того соображенія, что цѣли общественнаго духа далеко примитивнѣе и проще, нежели индивидуальныя. Пунктъ соглашенія значительнаго числа лицъ долженъ въ общемъ, какъ выше было доказано, отвѣчать уровню самаго неразвитаго, самаго низшаго субъекта. Отсюда для нвсѣ становится понятной увѣренность въ желаніяхъ и удача въ достиженіи цѣлей. Въ какой мѣрѣ индивидъ въ самыхъ примитивныхъ своихъ стремленіяхъ дѣйствуетъ безъ колебаній и безъ ошибокъ, въ такой же точно это можно сказать относительно соціальной группы. Обеспеченіе существованія, приобрѣтеніе новаго владѣнія, охрана приобрѣтеннаго, пріятное желаніе удержать и распространить сферу собственнаго владычества—это существеннѣйшія стремленія, для цѣлесообразнаго удовлетворенія коихъ индивидъ очень охотно сливается съ себѣ подобными. Если отдѣльная личность въ этихъ принципиальныхъ стремленіяхъ не выбираетъ и не колеблется, то и стремленіе соціальное, соединяющее воедино всѣ индивидуальныя, не знаетъ никакого выбора или колебаній. Какъ индивидъ въ своихъ эгоистическихъ планахъ дѣйствуетъ съ яснымъ отчетомъ и вполнѣ цѣлесообразно, такъ масса дѣлаетъ тоже самое вездѣ и всегда: послѣдняя не знаетъ дуализма

между эгоистическими и альтруистическими стремленіями, свойственнаго по преимуществу человѣку, какъ личности. Что также и достиженіе цѣлей у массы гораздо безошибочнѣе и удачнѣе, нежели у индивида, слѣдуетъ прежде всего изъ того обстоятельства, что внутри группы имѣютъ мѣсто столкновенія и конфликты ея составныхъ элементовъ, между тѣмъ цѣлое, какъ таковое, совершенно свободно отъ нихъ; изъ этого слѣдуетъ, что примитивныя соціальныя цѣли, кромѣ простоты содержанія, имѣютъ еще то преимущество, что лежатъ гораздо ближе, чѣмъ цѣли индивидуальныя, т. е. другими словами, группа для достиженія своихъ цѣлей не нуждался въ обходахъ и окольныхъ путяхъ, къ которымъ индивидъ принужденъ по необходимости прибѣгать очень часто. Причина этого кроется не въ какомъ то мистическомъ характерѣ особенной природы соціальнаго тѣла, а лишь въ томъ, что въ силу высшей дифференціаціи и возрастающей конкуренціи, въ силу необходимости заботиться объ устраненіи конкурентовъ, каковая забота не ведетъ непосредственно къ цѣли, а все-таки отнимаетъ массу силъ,—въ телеологическую цѣпь индивидуальныхъ дѣйствій приходится вставлять все большее и большее число промежуточныхъ звеньевъ; между тѣмъ какъ для соціальнаго круга, пре-

слѣдующаго опредѣленныя и притомъ простѣйшія стремленія и цѣли, число звеньевъ телеологической цѣпи всегда является наименьшимъ и неизмѣннымъ.

Въ большихъ группахъ, въ которыхъ не случайные и мгновенные импульсы опредѣляютъ ходъ развитія, а общія и стойкія, постепенно выросшія институціи, послѣднія должны обладать извѣстной широтой, должны носить по преимуществу объективный характеръ, чтобы быть въ состояніи предоставить всей массѣ разнороднѣйшихъ дѣятельностей одинаковый просторъ, обезпеченіе и содѣйствіе. Онѣ должны быть безошибочны не потому только, что каждая ошибка, при неизмѣримомъ количествѣ затронутыхъ связей и отшеній, сопряжена съ самыми тяжелыми послѣдствіями, но и потому, что онѣ являются равнодѣйствующими противоположныхъ стремленій, столкновеній интересовъ и взаимно ограничивающихся тенденцій, проявляющихся въ группѣ. Для отдѣльной личности истина въ теоретическомъ отношеніи и правильность въ практикѣ устанавливается такимъ образомъ, что вполне одностороннее вначалѣ и субъективное положеніе или правило распространяется на цѣлый рядъ данныхъ опыта; истинность какого-нибудь общаго начала заключается въ томъ, что послѣднее обнимаетъ возможно боль-

шее число случаевъ, наблюдавшихся въ дѣйствительности; объективность получается вслѣдствіе скрещиваній и взаимныхъ ограниченій отдѣльныхъ представленій, изъ коихъ каждое само по себѣ является вполне субъективнымъ. Какъ въ области реальныхъ явленій, такъ и въ теоріи познанія, крайность и ложная субъективность устраняются не внезапнымъ появленіемъ чего-то чисто объективнаго, а лишь путемъ совмѣщенія наибольшаго числа субъективныхъ представленій, односторонность которыхъ взаимно исправляется и парализуется, выставляя объективность, какъ равно дѣйствующую многихъ субъективностей. Весьма понятно, что общественный духъ сразу становится на тотъ путь, который проводитъ единичную личность къ истинной правильности лишь послѣ многократныхъ исканій и колебаній. Именно потому, что самые разнообразные интересы въ равной степени принимаются во вниманіе общественными установленіями и нормами, эти послѣднія должны стоять въ нейтральномъ, индифферентномъ пунктѣ относительно всевозможныхъ, проявляющихся въ соціальной группѣ, противоположныхъ тенденцій. Они должны носить по преимуществу характеръ объективности, такъ какъ уже каждая индивидуальная субъективность стремится къ тому, чтобы не дать никакой другой ока-

зять сравнительно большее вліяніе на общественныя установленія. Но ихъ объективная вѣрность покупается цѣной извѣстной формальности и бѣдности конкретнаго матеріала, если дѣло идетъ объ обширныхъ кругахъ соціальной жизни. Чѣмъ объ обширнѣе соціальный кругъ, тѣмъ больше интересовъ скрещивается и сталкивается въ немъ, тѣмъ формальнѣе и, такъ сказать, безцвѣтнѣе должны быть его установленія, получающія свое специальное конкретное содержаніе, лишь будучи примѣненными на практикѣ болѣе узкими общественными кругами или индивидами. Такимъ образомъ, общественныя нормы и установленія, рядомъ съ вышеуказанными преимуществами, обнаруживаютъ извѣстную бѣдность своего содержанія.

Непогрѣшимость общества сравнительно съ индивидомъ порождаетъ еще одно отношеніе между ними: представленія и поведеніе перваго составляютъ мѣрило, къ которому для втораго сводится всякая правильность и ошибочность. Мы не имѣемъ никакого другого критерія для истины кромѣ возможности убѣдить въ ней всякій выдающійся по развитію умъ. Формы, въ которыхъ эта возможность осуществляется, достигли такой устойчивости и самостоятельности, что въ качествѣ логическихъ и теоретико-познавательныхъ законовъ

онѣ и въ томъ случаѣ вызываютъ субъективное убѣжденіе въ истинности, когда общество держится еще въ данномъ вопросѣ другого мнѣнія; но всегда здѣсь должна имѣть мѣсто вѣра въ то, что и послѣднее въ концѣ концовъ проникнется тѣмъ-же убѣжденіемъ. Положеніе относительно коего можно съ увѣренностью сказать, что общество его никогда не признаетъ, тѣмъ самымъ лишено истинности и въ глазахъ индивида. Тоже должно сказать и о правильности поведенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы вопреки всему свѣту, убѣждены въ правильности нашего поведенія, въ основаніи нашего убѣжденія должна лежать вѣра въ то, что болѣе развитое общество, которое гораздо глубже понимаетъ свои интересы и пользы, найдетъ нашъ образъ дѣйствій заслуживающимъ одобренія. Въ этой хотя бы даже безсознательной аппеляціи къ какому то идеальному обществу, до уровня коего современное не успѣло подняться, мы почерпаемъ силу и побѣдоносную твердость теоретическихъ и практическихъ убѣжденій, являющихся въ данный моментъ еще вполне индивидуальными. Индивидъ антиципируетъ тотъ уровень идеальнаго общества, на которомъ нынѣ дифференцированное, индивидуальное, сдѣлается общимъ достояніемъ. Основаніе этихъ соотношеній ле-

жить въ той безусловной зависимости индивида отъ общества, въ силу которой онъ внѣ этого послѣдняго не могъ бы достигнуть ни одной изъ своихъ цѣлей, не могъ бы существовать.

Темная сторона такой безусловной зависимости индивида отъ соціального круга заключается не только въ томъ, что соціальный уровень, чтобы быть доступнымъ всѣмъ членамъ долженъ, какъ мы выше показали, заставить стоящихъ надъ нимъ понизиться въ гораздо большей степени, нежели самъ возвышаетъ тѣхъ, которые стоятъ ниже его, но и въ томъ, что освобожденіе индивида отъ отвѣтственности и инициативы задерживаетъ развитіе самостоятельныхъ его силъ и способностей. Въ царствѣ птицъ существуетъ множество примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе. Объ австралійскихъ Lorikets, о Tukanс, объ американскихъ голубяхъ рассказываютъ, что живя въ большихъ стаяхъ, они дѣлаются въ высшей степени глупыми, недалекновидными, и напротивъ, проявляютъ много остроумія и хитрости, когда живутъ въ одиночку. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ зависимости отъ пониженія индивидуальныхъ способностей понижается и самый уровень соціального круга.

Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, социальный уровень имѣетъ тѣмъ больше шансовъ къ своему повышенію, чѣмъ больше число членовъ, составляющихъ социальное тѣло, такъ какъ борьба за существованіе и за первенствующее положеніе и ограниченность выбора обусловливаетъ высшее развитіе индивидуальных силъ и способностей. Къ этому надо еще прибавить, что въ обширномъ социальномъ кругу обыкновенно встрѣчается большее или меньшее число выдающихся натуръ, которые дѣлаютъ борьбу непосильной для слабѣйшихъ, подавляютъ этихъ послѣднихъ и тѣмъ самымъ повышаютъ общій уровень даннаго социальнаго круга. Во всей природѣ проявляется преимущество большаго числа. Объ овцахъ въ извѣстной части Йоркшира одинъ изслѣдователь говоритъ, что въ виду ихъ принадлежности бѣднымъ людямъ, могущимъ содержать лишь небольшое ихъ количество, онѣ не могутъ достигъ высшихъ породъ. Съ другой стороны крупные садоводы, разводя плоды въ большемъ количествѣ, чѣмъ простые любители достигаютъ сравнительно съ послѣдними и большихъ результатовъ во возвращеніи новыхъ и дорогихъ разновидностей. Это соотношеніе по нашему мнѣнію бросаетъ очень много свѣта на развитіе всего органическаго міра. Отдѣлившаяся отъ обширнаго вида раз-

новидность, которая состоитъ изъ немногихъ экземпляровъ, можетъ достигнуть при данныхъ условіяхъ жизни извѣстной устойчивости, но съ измѣненіемъ окружающей среды, требующимъ отличнаго, сравнительно съ прежнимъ, приспособленія, видъ, оставшійся на своей прежней ступени развитія, благодаря своей многочисленности, имѣетъ больше шансовъ хотя нѣкоторой своей частью приспособиться къ новымъ условіямъ, нежели выдѣлившаяся разновидность, бывшая раньше. можетъ быть, и болѣе приспособленной. Отсюда намъ становится понятнымъ, какимъ образомъ поднявшіеся изъ общаго уровня аристократы создаютъ для себя на нѣкоторое время высшій уровень, но затѣмъ, съ перемѣной условій жизни, совершенно теряютъ жизнеспособность, между тѣмъ какъ выдѣлившая ихъ масса, основываясь на преимущество большого числа, выживаетъ.

Говоря о социальномъ уровнѣ и его отношеніяхъ къ индивидуальности, нужно имѣть въ виду его двоякое значеніе, что мы не всегда могли дѣлать въ предыдущихъ разсужденіяхъ. Общность духовнаго достоянія извѣстнаго числа членовъ можетъ быть понята и какъ мѣра индивидуальнаго участія, которая въ равной степени обща всѣмъ членамъ даннаго круга, и какъ сумма всѣхъ индивидуальных частей, которая принадлежитъ

всѣмъ и каждому въ отдѣльности. Между этими двумя уровнями существуютъ различнѣйшія соотношенія. Съ развитіемъ соціального круга, коллективная общность духовнаго богатства растетъ на счетъ общности въ смыслѣ равенства индивидуальнаго участія въ немъ всѣхъ членовъ въ отдѣльности. Граница такого развитія одного уровня на счетъ другого не можетъ находиться на разстояніи безконечности, такъ какъ индивиды должны сохранять до извѣстной степени равное участіе въ общемъ состояніи, чтобы послѣднее, не смотря на дифференціацію членовъ, тѣмъ не менѣе оставалось общимъ. Съ развитіемъ коллективной общности духовнаго богатства, равенство отдѣльныхъ членовъ (если такъ можно выразиться), или однородность индивидовъ субстанціальная, становится чисто динамической, т. е. она проявляется въ функціональной зависимости отдѣльныхъ составныхъ частей, соотвѣтствующихъ дифференцированной индивидуальности членовъ даннаго круга. Такъ, напримѣръ, сложная правовая система развивается въ такой группѣ, гдѣ высокая дифференціація отдѣльныхъ членовъ по положенію, призванію и состоятельности вызываетъ безчисленныя комбинаціи и рождаетъ массу вопросовъ, не находящихъ удовлетворенія въ примитивной организаціи права; тѣмъ не менѣе

всѣмъ членамъ группы должна быть обща известная однородность, ибо въ противномъ случаѣ случаѣ система права не удовлетворяла бы ихъ и не отвѣчала бы моральному чувству всѣхъ и каждаго. Примѣромъ того, что развитіе коллективной общности напротивъ, влечетъ за собой усиленіе равенства между индивидами, можетъ служить удивительное сближеніе натуръ, характеровъ, даже чертъ лица, какое обнаруживаютъ старыя супружескія четы. Нужды, интересы и заботы образовали для нихъ общую атмосферу и привели ихъ къ общему духовному уровню, который долженъ быть разсматриваемъ, какъ коллективное достояніе обоихъ, ибо выдѣленіе равныхъ долей того и другого, какъ несуществующихъ въ дѣйствительности, немислимо. Созданная такимъ образомъ общая атмосфера вліяетъ весьма существенно на индивидуальную природу членовъ четы, до того вліяетъ, что порождаетъ тожество мысли, чувствъ, желаній и даже ихъ внѣшнихъ выраженій. Другая комбинація между соціальнымъ уровнемъ въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ и дифференціаціей обнаруживается въ области экономическихъ отношеній. Тожество занятій создаетъ общій соціальный уровень по столько, по сколько та или другая отрасль труда, то или другое занятіе, имѣетъ, какъ цѣлое, извест-

ные интересы. къ отстанванію коихъ должны сплочаться всѣ участвующіе или причастные къ ней. Значительная высота соціального уровня, въ смыслѣ общаго равенства, создаетъ соотвѣтствующій уровень соціального сознанія различныхъ классовъ, состояній и т. д. примѣромъ чего служитъ цехъ. Раздѣленіе труда и соціальная дифференціація имѣютъ значеніе, какъ факторы обобществленія людей, созданія отдѣльныхъ соціальныхъ круговъ съ одной стороны и сближенія между собой этихъ послѣднихъ—съ другой, ибо специализировавшийся индивидъ, въ видахъ наилучшаго достиженія цѣлей, связанныхъ съ его экономическимъ положеніемъ, долженъ быть гораздо болѣе связанъ съ собратьями по роду труда, нежели не дифференцированный ремесленникъ, соединяющій въ себѣ развѣтвленія данной отрасли занятій, и далѣе, высшая дифференціація идетъ рука объ руку съ одностороннимъ развитіемъ тѣхъ или другихъ потребностей, каковое развитіе представляетъ опять таки благопріятное основаніе для дальнѣйшаго объединенія общества.

Если дифференціація индивидовъ обуславливаетъ возвышеніе общаго соціального уровня, то и наоборотъ, высокій соціальный уровень вызываетъ высшую дифференціацію индивидовъ. Чѣмъ разнообразнѣе духовное со-

держаніе даннаго круга, тѣмъ скорѣе болѣе слабыя индивидуальныя способности, нуждающіяся въ постоянномъ возбужденіи и примѣрахъ, найдутъ свое приложеніе въ жизни. Безчисленныя дарованія остаются скрытыми и пропадаютъ для человѣчества, когда нѣтъ такой соціальной атмосферы, разнообразное содержаніе которой вызываетъ наружу все то, чѣмъ каждый богатъ, даже если послѣдній не на столько силенъ, чтобы проявиться вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго внѣшняго импульса. Неравнобѣрность въ соотношеніи между вышеуказанными соціальными уровнями имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда они оба достигаютъ найвысшихъ точекъ своего развитія и когда вмѣстѣ съ тѣмъ и другія цѣли и интересы индивида и общества, оказывая вліяніе на нихъ, проявляютъ его не въ одинаковой мѣрѣ для того и другого. Абсолютный максимумъ одного можетъ совпадать съ такимъ-же максимумомъ другого. Чтобы вызвать возможное индивидуальное равенство внутри группы существуетъ одно самое вѣрное средство, именно: коллективное ея достоиніе должно быть возможно обширнѣе; когда каждый индивидъ отдастъ вполнѣ равную часть своего духовнаго и матерьяльнаго достоинства въ пользу общества, когда коллективное достоиніе послѣдняго, вслѣдствіе этого, доста-

точно велико, чтобы дать первому максимум жизненнаго содержанія, то въ такомъ случаѣ представляется высшая гарантія того, что каждый имѣеть тоже, что и всѣ остальные. И наоборотъ, когда между индивидами господствуетъ максимальное равенство, социальное достояніе, въ отношеніи къ индивидуальному сдѣлается максимальнымъ, такъ какъ принципъ экономіи силъ клонится къ тому, что возможно больше силъ и способностей отдается въ пользу общества, въ замѣнъ чего отъ него получается возможно лучшая опора въ жизни. Соціализмъ имѣеть въ виду поэтому равномерное увеличеніе обоихъ уровней; равенство индивидовъ возможно лишь при отсутствіи конкуренціи, а это можетъ быть достигнуто централизаціей всего хозяйства въ рукахъ государства.

Психически мнѣ представляется сомнительнымъ, чтобы равномерность указанныхъ уровней стояла въ безусловномъ противорѣчій со стремленіемъ къ дифференціаціи. Во всей природѣ замѣчается тенденція живыхъ существъ стять выше своего настоящаго положенія; и человѣкъ стремится въ каждый слѣдующій моментъ больше и лучше насладиться, чѣмъ это возможно въ настоящій моментъ, а дифференціація является средствомъ къ этому, либо слѣдствіемъ этого. Никто не удовлетворяется

положеніемъ, которое онъ занимаетъ среди окружающихъ и желаетъ добиться лучшаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, но такъ какъ силы не равны у различныхъ индивидовъ, то одному и удается возвыситься надъ большимъ или меньшимъ числомъ другихъ. Уравненіе съ выше стоящими—это первое стремленіе всѣхъ и cadaго, будь то въ школѣ, торговомъ быту, чиновной іерархіи. Известно, что ненависть пролетаріевъ направлены не противъ высшихъ классовъ общества, а противъ буржуа, такъ какъ именно этотъ классъ занимаетъ ту ступеньку соціальной лѣстницы, которую они надѣются занять прежде всего. Всякій стремится раньше всего стать вровень съ высшими, но лишь только онъ достигъ новаго положенія—предметъ давешнихъ мечтаній—какъ послѣднее, становится исходной точкой новаго стремленія, и такъ до безконечности. Во Франціи, гдѣ идеи равенства, начиная съ великой революціи, получили самое широкое развитіе, усиленное слѣдовавшей затѣмъ, іюльской революціей, которая возродила старыя традиціи, во Франціи проявилось, рядомъ съ наглою плеонексіей индивидовъ, общее исканіе ордена, повальное стремленіе выдѣлиться изъ толпы полученіемъ ленточки въ петличку. Но самое разительное доказательство справедливости нашего соображенія

по поводу психологическаго обнованія идеи равенства кроется въ слѣдующемъ обращеніи французской торговки углями къ знатной дамѣ: «Да, милостивая государыня, теперь будетъ всюду полное равенство, я буду ходить въ шелку, а вы будете продавать уголья». Мы не настаиваемъ на исторической вѣрности приведенаго случая, для насъ важна его внутренняя психологическая правда.

Для социализма равенство людей представляется, какъ аксіома, какъ идеаль, который самъ за себя говоритъ, какъ этическое *casus sui*, какъ состояніе, смыслъ коего понятенъ самъ собой. Но если оно, напротивъ того, лишь переходная ступень, лишь непосредственная цѣль плеонексін массъ, то оно теряетъ свой категорическій и идеальный характеръ, который ему приписали люди принимающіе ближайшую цѣль, пока она еще не достигнута, какъ цѣль конечную. Установленіе логическаго права на равенство, какъ коренящагося въ тождествѣ человѣческой природы во всѣхъ ея представителяхъ и отсюда слѣдствіе, что всѣ права, обязанности и имущества должны быть равны у всѣхъ людей, вполне поверхностны, потому что во 1-хъ идеалы въ дѣйствительности осуществляются не путемъ логики, а при необходимомъ условіи наличности воли, которая никогда не рождается изъ

логически-теоретическаго мышленія; во 2-хъ, нѣтъ такого логическаго закона, по которому субстанціальное равенство непременно влекло бы за собой равенство функціональное. Наконецъ равенство людей можетъ быть принято лишь въ условномъ смыслѣ; будетъ вполне произвольно, если мы, въ виду сходства людей съ извѣстныхъ сторонъ, станемъ пренебрегать многочисленными различіями между ними и общее понятіе «человѣкъ» прилагать къ разнообразнѣйшимъ комбинаціямъ проявленій человѣческой природы, каковыя представляютъ дѣйствительные люди. Все это представленіе объ естественныхъ правахъ на общее равенство являетъ поразительный примѣръ склонности человѣческаго духа, усматривать въ результатахъ историческихъ процессовъ, отличающихся значительной продолжительностью, логическую необходимость. Если же мы будемъ доискиваться психической тенденціи, которой соотвѣтствуетъ это требованіе всеобщаго равенства со стороны низшихъ слоевъ общества, то мы ее найдемъ, въ составляющемъ основаніе всякаго неравенства стремленіи къ увеличенію личнаго счастья. И такъ какъ это стремленіе простирается до безконечности, то нѣтъ никакой гарантіи, что съ возможнымъ возвышеніемъ соціального уровня въ смыслѣ индивидуальнаго равенства, этотъ

послѣдній не сдѣлается исходной точкой новой дифференціаціи. Поэтому социализмъ долженъ въ равной степени имѣть въ виду возможно большій социальный уровень въ смыслѣ коллективнаго культурнаго достоянія, ибо въ такомъ случаѣ отдѣльные индивиды все больше и больше лишаются возможности сильно выдѣлиться изъ своей среды.

Но остается еще вопросъ, не проявятъ ли незначительныя различія природныхъ способностей и имущественной состоятельности, какихъ не можетъ устранить даже самая высшая социализація, тѣ же психологическіе, а затѣмъ и фактическіе результаты, какіе теперь порождаетъ лишь очень интенсивныя и чувствительныя различія въ социальномъ положеніи различныхъ классовъ: такъ какъ не абсолютная сила впечатлѣнія опредѣляетъ нашу реакцію, а лишь различіе сравнительно съ другими впечатлѣніями, то и высоко развитая воспріимчивость тончайшихъ различій можетъ при самой ограниченной дифференціаціи проявить весьма чувствительные результаты. Этотъ процессъ имѣетъ мѣсто повсюду. Глазъ, упражняющійся въ различеніи цвѣтовъ, достигаетъ способности подмѣчать такіе оттѣнки, какіе раньше могъ различать только при самомъ богатомъ освѣщеніи. Мель-

чайшія различія въ положеніи и обстановкѣ жизни, обнаруживающіеся въ равномъ социальномъ кругу, будутъ вызывать съ одной стороны, зависть и соревнованіе, съ другой — высокомеріе, словомъ всѣ послѣдствія дифференціаціи въ той же мѣрѣ, какъ социальныя различія между обособленными слоями современнаго общества. Еще больше, весьма часто замѣчается, что чувство какого-либо отличія отъ другихъ лицъ у насъ тѣмъ острѣе, чѣмъ больше мы сходны съ ними въ остальномъ. Поэтому тѣ послѣдствія дифференціаціи, которыя социализмъ считаетъ вредными и подлежащими устраниенію, этимъ еще имъ не уничтожены; и культурное значеніе дифференціаціи, не смотря на отрицательное отношеніе къ ней социализма, остается въ полной своей силѣ.

ГЛАВА IV.

Скрещиваніе соціальныхъ круговъ.

Разница между развитымъ и примитивнымъ мышленіемъ сводится къ различію мотивовъ, опредѣляющихъ ассоціацію представленій. Случайное сосуществованіе представленій во времени и пространствѣ побуждаетъ, ихъ психологически связывать. Комплексъ свойствъ образующихъ извѣстный предметъ, представляется однороднымъ цѣлымъ, и каждое свойство въ отдѣльности стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣми тѣми, въ соединеніи съ которыми мы его наблюдали. Наблюдаемый комплексъ лишь тогда получаетъ истинное значеніе временной комбинаціи раздѣльныхъ свойствъ, когда эти послѣднія проявляются и во многихъ другихъ соединеніяхъ. Равное классифицируется съ равнымъ, освобождаясь отъ случайныхъ связей съ существенно различнымъ. Такимъ образомъ, основаніе ассоціаціямъ, съ развитіемъ сознанія, дается не случайнымъ существованіемъ, а существеннымъ сходствомъ,

или различіемъ представленій, и равное выдѣляется во едино изъ самыхъ разнороднѣйшихъ конкретныхъ соединеній.

Развитію мышленія аналогично развитіе взаимныхъ отношеній индивидовъ въ обществѣ. Сначала индивидъ находится въ тѣсной связи съ людьми, съ которыми его поставила рядомъ лишь случайность рожденія отъ тѣхъ или иныхъ родителей. Семья представляетъ союзъ разнообразнѣйшихъ индивидуальностей и очень долгое время выступаетъ, какъ компактное цѣлое. Однако, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ общественныхъ отношеній, индивидъ становится въ связь съ лицами, лежащими внѣ первоначальнаго круга ассоціаціи, но имѣющими съ первымъ нѣчто общее, въ смыслѣ сходства наклонностей, вкусовъ, дѣятельности и т. д. Ассоціація, основанная на внѣшнемъ сосуществованіи, смѣняется ассоціаціей, опредѣляемой существеннымъ содержаніемъ ассоціруемыхъ элементовъ. Какъ высшее понятіе комбинируетъ то, что есть общаго въ большемъ или меньшемъ числѣ различныхъ комплексовъ представленій, такъ и высшіе практическіе интересы соединяютъ во едино людей, принадлежащихъ къ чуждымъ и не имѣющимъ ничего общаго группамъ.

Количество различныхъ круговъ, въ которыхъ участвуетъ индивидъ, является мѣриломъ

культурнаго развитія даннаго общества. Если современный человѣкъ принадлежитъ къ семьѣ родителей и имѣетъ свою собственную, входитъ въ семейство жены, состоитъ въ извѣстныхъ соціальныхъ кругахъ, связанныхъ съ его занятіемъ, сознаетъ себя гражданиномъ даннаго государства и членомъ своего соціального класса, если онъ участвуетъ кромѣ этого въ двухъ-трехъ ученыхъ или другого рода общественныхъ,—то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ большимъ разнообразіемъ группъ, изъ коихъ, правда, только нѣкоторыя вполнѣ координированы, а остальные представляютъ тѣ первоначальныя соединенія, изъ которыхъ индивидъ, слѣдуя своимъ индивидуальнымъ наклонностямъ и способностямъ, освобождается и создаетъ связи отвѣчающія опредѣленнымъ назначеніямъ.

Отсюда являються многія послѣдствія. Группы, къ которымъ принадлежитъ индивидъ, представляютъ какъ бы систему координатъ въ томъ смыслѣ, что каждая, рождающаяся вновь, ближе опредѣляетъ его природу. Принадлежность къ какой-либо одной изъ нихъ даетъ только относительное понятіе объ индивидуальности, между тѣмъ какъ, чѣмъ больше группъ отражаются въ послѣдней, тѣмъ меньше вѣроятія, что данная комбинація группъ встрѣчается еще и въ другой личности и тѣмъ

опредѣленіе выступаетъ передъ нами данная личность. Какъ конкретный предметъ теряетъ для нашего сознанія свою индивидуальность, когда мы, по одному только признаку, подводимъ его подъ общее понятіе, и наоборотъ—индивидуальность предмета выигрываетъ въ той мѣрѣ, въ какой мы фиксируемъ и другія понятія, заключающія остальные его признаки, такъ что, употребляя выраженія Платона, вещь участвуетъ въ столькихъ идеяхъ, сколько отличительныхъ чертъ она имѣетъ, и такимъ образомъ, получаетъ ближайшее свое опредѣленіе,—точно въ такомъ отношеніи находится личность къ тѣмъ кругамъ, къ которымъ она принадлежитъ. Ту же аналогію мы находимъ въ области психологически-теоретической. То, что мы въ своемъ міросозерцаніи называемъ объективнымъ, что мы, какъ нѣчто матеріальное, противопоставляемъ субъективности нашего впечатлѣнія—есть ничто иное, какъ тоже субъективное, но только весьма часто повторявшееся,—вѣдь по мнѣнію Юма, причинность заключается въ частомъ проявленіи повторяющихся послѣдствій и, субстанціальный объектъ, по отношенію къ намъ, является лишь синтезомъ нашихъ собственныхъ чувственныхъ воспріятій. Изъ этихъ то, ставшихъ объективными, элементовъ образуется то, что мы называемъ субъективностью *par excellence*,

личность, индивидуально комбинирующая въ себѣ элементы культуры: послѣ того, какъ синтезы субъективнаго вызвали объективнос, синтезы послѣдняго порождаютъ высшую субъективность—подобно тому, какъ личность вполне теряется въ социальныхъ кругахъ, чтобы затѣмъ, посредствомъ индивидуальнаго скрещиванія этихъ послѣднихъ возстановить свое «я». Въ началѣ она является только точкой сплетенія безчисленныхъ социальныхъ нитей, проявленіемъ наслѣдственности различнѣйшихъ социальныхъ круговъ, и индивидуальности достигаетъ лишь при посредствѣ той оригинальности, въ которой, въ данномъ случаѣ, выступаютъ комбинаціи унаслѣдованныхъ чертъ и особенностей. Если же личность, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, стремленій и интересовъ вновь входитъ въ тѣ или иные социальные образованія, то это не болѣе, какъ обнаруженіе и отдача въ аналогичной, но сознательной и высшей формѣ того, что она получила.

Физиономія личности является тѣмъ болѣе опредѣленной, чѣмъ въ большемъ количествѣ социальныхъ неконцентрическихъ круговъ она принимаетъ участіе. Такіе, концентрически распредѣленные, социальные круги, какъ нація, социальное положеніе, занятіе, яснаго опредѣленія личности не могутъ дать, такъ какъ

участіе въ самомъ тѣсномъ изъ нихъ само по себѣ обусловливаетъ участіе въ остальныхъ. Другое дѣло, когда лицо, кромѣ круга своего спеціальнаго занятія, участвуетъ въ какомъ-нибудь ученomъ обществѣ, въ ревизионной комисіи какой-нибудь акціонерной компаніи, состоитъ въ почетной должности по городскому управленію. Чѣмъ меньше участіе въ одной группѣ связано съ участіемъ въ другой, тѣмъ яснѣе выступить передъ нами личность, стоящая, такъ сказать, въ перекресткѣ обѣихъ группъ. Я здѣсь хочу указать на то, какъ можетъ индивидуализація безмѣрно возрастать въ томъ смыслѣ, что одна и та же личность можетъ въ различныхъ соціальныхъ кругахъ, къ которымъ она принадлежитъ одновременно, занимать относительно различныя положенія. Такъ какъ относительныя высоты положеній, занимаемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ тѣхъ или иныхъ группахъ, вполне независимы другъ отъ друга, то вслѣдствіе того могутъ имѣть мѣсто самыя причудливыя комбинаціи; на примѣръ, въ странахъ съ всеобщей воинской повинностью, высокоразвитый и въ саціальномъ отношеніи высокостоящій человекъ обязанъ подчиняться простому унтеръ-офицеру; еще болѣе разительный примѣръ представляетъ общество парижскихъ нищихъ, имѣющее своего избраннаго «коро-

ля», который, насколько я знаю, оставаясь такимъ же нищимъ, какъ и всѣ, пользуется выдающимся почетомъ и уваженіемъ— быть можетъ самое удивительное соединеніе низости положенія въ одномъ социальномъ кругу, и высоты—въ другомъ. Здѣсь же можно упомянуть о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія вытекаютъ изъ конкуренціи въ предѣлахъ одной и той же группы. Каждый купецъ, съ одной стороны, связанъ со всѣми остальными въ социальный кругъ, имѣющій извѣстное число общихъ интересовъ: хозяйственно-политическое законодательство, социальное положеніе купеческаго сословія, его представительство, его сплоченность въ отношеніи къ остальной публикѣ для поддержанія извѣстной высоты цѣнъ и т. д.; съ другой стороны каждый купецъ является постояннымъ конкурентомъ большаго или меньшаго числа другихъ. Это внутреннее противорѣчіе, выступающее съ особенною яркостью въ области купеческихъ отношеній, характерно и для всякаго рода общества вплоть до собранія какой-нибудь *soirée*. Если мы будемъ имѣть въ виду всю важность для личности того, въ какой мѣрѣ она находитъ въ социальныхъ группахъ единодушіе либо противодѣйствіе, то для насъ вполне обнаружится возможность безчисленныхъ комбинацій, вытекающихъ изъ принадлежности индивида

къ различнымъ группамъ, въ которыхъ отноше-
ніе между общностью и конкуренціей силь-
но варьируетъ. Итакъ какъ каждому че-
ловѣку въ извѣстной степени обща потреб-
ность коллективности, то относительное пре-
обладаніе коллективизма или изолирован-
ности даетъ основаніе для комбинаціи соци-
альныхъ круговъ, въ которые вступаетъ та
или другая личность. Тамъ, гдѣ внутри груп-
пы господствуетъ сильная конкуренція, чле-
ны охотно входятъ въ составъ социальныхъ
круговъ, по возможности лишенныхъ конку-
ренціи. Такъ, мы въ купеческомъ сословіи
замѣчаемъ склонность къ мирнымъ сообще-
ствамъ, между тѣмъ, какъ исключаящее вся-
кую конкуренцію классовое самосознаніе ари-
стократовъ имѣетъ своимъ коррелятомъ пре-
обладающую склонность къ такимъ обществамъ,
сущность которыхъ почти вся заключается въ
конкуренціи, какъ, напримѣръ, созданныя ин-
тересами спорта.

Развитіе общественнаго духа выражается
въ образованіи достаточнаго количества соци-
альныхъ круговъ для споспѣшествованія всѣмъ
сторонамъ существованія разносторонне-разви-
той личности. Въ такомъ случаѣ мы одинаково
приближаемся и къ идеалу коллективизма, и къ
индивидуалистическому; ибо, съ одной сторо-
ны, индивидъ находитъ для каждой изъ сво-

ихъ наклонностей и стремлений, общество, которое ему облегчаетъ удовлетвореніе таковой, давая ему выработанныя внѣшнія формы для его дѣятельности и представляя вообще всѣ преимущества, связанные съ принадлежностью къ группѣ; съ другой стороны сохраняется специфическій обликъ индивидуальности при посредствѣ комбинаціи круговъ, которая въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть различнѣй.

Интенсивность связи между членами социальнаго круга, соразмѣряется съ тѣмъ выработалось ли общее чувство «чести» такого круга и выработалось ли настолько, что оскорбленіе чести одного члена одинаково чувствуется всякимъ другимъ. Установленіемъ такого специфическаго понятія чести (честь фамильная, офицерская, купеческая и т. д.) эти социальные круги обезпечиваютъ себѣ цѣлесообразное отношеніе своихъ членовъ другъ къ другу и къ окружающимъ. Одинъ изъ величайшихъ социальнo-этическихъ успѣховъ современной культуры заключается въ томъ, что тѣснѣйшая сплоченность прежнихъ временъ, когда социальная группа (напримѣръ въ лицѣ центральной власти) до мелочей регулировала поведеніе индивида, ограничиваетъ свои регламентаціи все болѣе и болѣе, до самыхъ насущныхъ интересовъ группы; соотвѣтственно

этому получаетъ постепенное развитіе индивидуальная свобода, приобрѣтая все новыя и новыя области своего проявленія. Правда послѣдними, съ развитіемъ культуры, овладѣвають новыя групповыя образованія, но такимъ образомъ, что индивидъ, сообразно съ своими интересами самъ рѣшаетъ, къ какому изъ нихъ онъ долженъ примкнуть. Именно вслѣдствіе этой свободы выбора, вмѣсто внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ, является вполне достаточнымъ чувство чести, для того, чтобы заставить индивидъ приноровляться къ тѣмъ нормамъ, какія лучше всего обезпечиваютъ благосостояніе группы.

Къ этому присоединяется еще то, что недифференцированная социальная власть надъ людьми, какъ бы строга и обширна она ни была, оставляетъ извѣстныя стороны существованія индивида свободными отъ своего вмѣшательства, и что вытекающей отсюда индивидуальной произволъ тѣмъ неограниченнѣе, чѣмъ сильнѣе принужденіе со стороны власти во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Такъ греческій и, еще больше, римскій гражданинъ долженъ былъ въ вопросахъ такъ или иначе касавшихся политики, безусловно подчиняться нормамъ и цѣлямъ государства, но за то въ своемъ домѣ онъ властвовалъ, какъ неограниченный владыка. Та тѣснѣйшая социальная

сплоченность, которую мы наблюдаемъ у живущихъ маленькими группами первобытныхъ народовъ, предоставляетъ индивиду полнѣшую свободу въ отношеніи къ стоящимъ внѣ племени, лицамъ. Нецѣлесообразное раздѣленіе между коллективистическимъ принужденіемъ и индивидуалистическимъ произволомъ смѣняется болѣе умѣреннымъ и разумнымъ тамъ, гдѣ существенное содержаніе тенденцій индивида опредѣляетъ выборъ ассоціативныхъ связей, такъ какъ тогда такія связи подыскиваются и для тѣхъ индивидуальныхъ проявленій, которыя раньше были свободны отъ всякаго контроля. Ибо въ той же мѣрѣ, въ какой личность, какъ цѣлое, освобождается отъ регламентацій, она ищетъ для отдѣльныхъ сторонъ своего существованія соціального общенія и добровольно ограничиваетъ свой индивидуалистическій произволь, вознаграждая ея нѣкогда за полное подчиненіе коллективной власти. Такъ, мы въ странахъ, съ полной политической свободой, наблюдаемъ высокую степень развитія обществъ, *verein'овъ*, въ религіозныхъ общинахъ, не отличающихся сильной іерархической церковной властью, сильно развитое сектантское движеніе и т. д. Словомъ, свобода и связь распредѣляются равномерно, когда социализація вмѣсто того, чтобъ силой сплачивать различныя составныя части

личности, обеспечиваетъ возможность соединять во едино однородное изъ разнородныхъ социальныхъ круговъ.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ путей, которымъ идетъ прогрессивное развитіе общества: дифференціация и раздѣленіе труда отличается сначала, такъ сказать, количественнымъ характеромъ и распредѣляетъ роды дѣятельности такимъ образомъ, что различнымъ индивидамъ и группамъ приходится различнаго рода дѣятельности, но каждая изъ послѣднихъ заключаетъ нѣкоторую сумму качественно различныхъ элементовъ. Впослѣдствіи же эти различные элементы выдѣляются изъ всѣхъ родовъ и соединяются въ одну однородную отрасль приложенія человѣческихъ силъ. Развитіе государственнаго управленія идетъ часто такимъ путемъ, что сначала вполне недифференцированный центральный органъ отдѣляетъ отъ себя управленіе извѣстной частью территоріи и передаетъ его тому или другому лицу, либо учрежденію, при чемъ эти части въ такой же мѣрѣ недифференцированы, какъ и все управленіе государства. Напримѣръ государственнымъ совѣтомъ Франціи посылается управитель въ провинцію съ тѣмъ, чтобы онъ отправлялъ тѣ функціи, какія тотъ самъ осуществляетъ въ отношеніи всей страны; здѣсь мы имѣемъ количественное раздѣленіе труда, ко-

торое совершенно отлично отъ раздѣленія по функціямъ, какое имѣетъ мѣсто при образованіи изъ центральнаго совѣта отдѣльныхъ министерствъ, управляющихъ всѣмъ государствомъ, но только въ одномъ опредѣленномъ отношеніи. Если спеціализація врачеванія создала въ древнемъ Египтѣ своихъ врачей для лѣченія руки и особыхъ — для лѣченія ноги, то это была дифференціація, такъ сказать, локальнаго характера, между тѣмъ, какъ современная медицина опредѣляетъ ту или другую спеціальность однородностью патологическихъ условій, въ какихъ бы органахъ они не проявлялись, такъ что и здѣсь локальная дифференціація смѣняется функціональной и т. д.

Общее соціальное самосознаніе, возвышающееся надъ индивидуальностью отдѣльныхъ лицъ, обусловливается принадлежностью къ классу рабочихъ. Безъ отношенія къ тому, чтобы не производило данное лицо, будь то пушка или дѣтская игрушка, положеніе настоящаго рабочаго сплачиваетъ его со всѣми ему подобными въ одно цѣлое, объединенное общимъ интересомъ. Одинаковое отношеніе къ капиталу есть тотъ пунктъ, въ коемъ сходится все однородное изъ различнѣйшихъ отраслей труда, чтобы создать общую связь между всѣми представителями послѣдняго. Не-

измѣримое значеніе психологической дифференціаціи понятія «рабочій» изъ частныхъ понятій ткачъ, машиностроитель, рудокопъ и т. д. было понятно англійской реакціи въ началѣ текущаго столѣтіе. Corresponding Societies Act'омъ она запретила всякія письменныя связи союзовъ рабочихъ между собой, а также и всякія сообщества членовъ, принадлежащихъ къ различнымъ отраслямъ производства. Она ясно сознавала, что съ появленіемъ общаго интереса всего рабочаго класса, вмѣсто спеціальнаго, касающагося отдѣльной отрасли производства, съ объединеніемъ, многихъ отраслей на основаніи общей тенденціи, создается эгида новаго могущественнаго соціальнаго круга.

Если дифференціація съ одной стороны влечетъ за собой возникновеніе высшихъ соціальныхъ круговъ, которые до того существовали лишь въ скрытомъ состояніи, то съ другой стороны ея дѣйствіе проявляется въ разъединеніи болѣе координированныхъ. Вліяніе цеха, нап., распространялось на всѣ личности въ томъ смыслѣ, что интересъ ремесла регулировалъ все ея поведеніе. Принятый въ обученіе къ мастеру подмастерье, тѣмъ самымъ становился членомъ его семьи и т. д. Узость сознанія ведетъ къ тому, что многосложная дѣятельность, разнообразная масса от-

носящихся къ ней представленій, подчиняетъ себѣ всѣ остальные представленія человѣка, при чехъ существенная связь между тѣми и другими совершенно необязательна. Вслѣдствіе необходимости, при сложной и нераздѣльной дѣятельности, относительно быстро мѣнять представленія, затрачивается такая масса психической энергіи, что конструкція остальной области представленій необходимо должна отъ этого страдать, и потому послѣднія тѣмъ легче приходятъ въ ассоціативную или просто механическую связь съ первыми. Здѣсь обнаруживается одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій раздѣленія труда; оно основывается на томъ психологическомъ соотношеніи, что въ данное время, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ больше затрачивается мыслительной энергіи, тѣмъ чаще сознаніе должно переходить отъ одного представленія къ другому. Поэтому не дифференцированная дѣятельность, оныя таки при прочихъ равныхъ условіяхъ, скорѣе чѣмъ какая-нибудь специальная, достигнетъ положенія центральной, поглощающей и подчиняющей всѣ остальные проявленія духовной природы человѣка, въ особенности въ тѣ періоды, когда окружающая жизнь вообще не отличается богатствомъ содержанія и запросовъ новѣйшаго времени. Въ той мѣрѣ, въ какой односторонняя, и потому болѣе механи-

ческая работа оставляетъ въ сознаниі мѣсто для разнообразныхъ запросовъ окружающей среды, эти послѣдніе приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія и самостоятельности. На это координирующее разъединеніе интересовъ, остававшихся дотолѣ слитыми, раздѣленіе труда оказываетъ благопріятное вліяніе еще и съ другой стороны. Ассоціаціи между центральными и периферическими кругами интересовъ и представленій, образовавшихся въ силу психологическихъ и историческихъ причинъ, будутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока опытъ намъ не покажетъ такихъ личностей, у которыхъ при данномъ центрѣ имѣется совершенно отличная периферія, или при данной периферіи не соотвѣтствующій центръ. Если принадлежность къ извѣстной сложной отрасли производства обусловливаетъ полное подчиненіе этой послѣдней всѣхъ остальныхъ жизненныхъ интересовъ индивида, то это подчиненіе и зависимость, съ развитіемъ дифференціаціи сложныхъ отраслей дѣятельности, должна уменьшаться, потому что, не смотря на различіе послѣднихъ обнаружатся неисчислимыя точки прикосновенія общихъ интересовъ ихъ представителей. Точно также мы достигаемъ большей свободы въ высшихъ проявленіяхъ нашей духовной жизни, мы замѣчаемъ, что у другихъ нравственно необ-

ходимое дѣйствіе и чувство вытекаетъ изъ иныхъ основаній, чѣмъ у насъ самихъ. Нѣкоторые, напр., исполняютъ нравственные требованія религіи потому, что старая психическая привычка связала ихъ моральные импульсы съ религіозными; но дѣйствительность обнаруживаетъ одинаковую степень нравственности у людей, исповѣдывающихъ совершенно другую религію, и вотъ получается основаніе для освобожденія отъ централизаціи моральной жизни и достиженіе ею полной самостоятельности. Такимъ образомъ растущая дифференціація занятій должна была показать индивиду, что у лицъ, занимающихся различными отраслями труда, жизненные интересы могутъ имѣть очень много общаго и, стало быть, являются вполне независимыми отъ рода занятій. Къ тому же результату ведетъ идущая рука объ руку съ развитіемъ культуры прогрессивная дифференціація остальныхъ интересовъ жизни. Различіе родовъ занятій при сходствѣ второстепенныхъ интересовъ, такъ же, какъ и различіе послѣднихъ при тождествѣ первыхъ, въ равной мѣрѣ должны вести къ психологическому и реальному освобожденію однихъ отъ другихъ.

Г Л А В А V

Дифференціація и принципъ экономіи силъ.

Всякое прогрессивное органическое развитіе характеризуется стремленіемъ къ сбереженію силъ. Высшее существо отличается отъ менѣ развитого тѣмъ, что наряду съ общими тому и другому функціями, оно способно проявить и свои спеціальныя. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если оно обладаетъ болѣе богатыми и разнообразными источниками энергіи; при чемъ большая сумма результатовъ получается вслѣдствіе того, что низшія функціи выполняются съ меньшей сравнительно тратой силъ, избытокъ коихъ направляется цѣликомъ на функціи высшаго порядка: сбереженіе силъ, есть необходимое условіе ихъ разнообразнаго и богатаго проявленія. Каждое существо тѣмъ развитѣе, чѣмъ меньшее количество силъ оно тратитъ для достиженія той или другой цѣли. Культура стремится не только къ овладѣнію возможно большимъ количествомъ силъ неорганической природы для

своихъ цѣлей, но и направляется въ сторону наиболѣе экономическаго достиженія послѣднихъ.

Есть, какъ я полагаю, троякаго рода препятствія цѣлесообразной дѣятельности, къ устраненію которыхъ сводится сбереженіе силъ: столкновеніе, обходъ и чрезмѣрная координація средствъ. Обходъ представляетъ во времени то же, что чрезмѣрная координація въ пространствѣ; если я для достиженія цѣли, вмѣсто непосредственной силы, прилагаю побочную, имѣющую лишь отдаленное отношеніе къ поставленной цѣли и достигающую ея, можетъ быть, лишь при помощи третьей силы, то этотъ обходъ во времени находитъ свое полное соотвѣтствіе въ томъ, что я для достиженія цѣли, на ряду съ главнымъ средствомъ, употребляю цѣлый рядъ другихъ, имѣющихъ лишь относительное значеніе въ данномъ случаѣ.

Выгода дифференціаціи проявляется по всѣмъ тремъ, здѣсь означеннымъ направленіямъ. Возьмемъ сначала примѣръ изъ области несоціальной. Въ развитіи языка дифференціація привела къ тому, что изъ немногихъ звуковъ прежнихъ нарѣчій образованы цѣлыя десятки новыхъ буквъ. Древнія буквы представляютъ рѣзкіе скачки отъ однихъ звуковъ къ другимъ, между тѣмъ какъ новыя уста-

навливаютъ посредственные переходы и оттънки между ними, какъ бы расщепляя отдѣльные звуки и приводя ихъ части въ разнообразнѣйшія соединенія. Такой ходъ развитія объясняется тѣмъ облегченіемъ работы, которое онъ приноситъ органамъ рѣчи: болѣе легкіе переходы по посредствующимъ градаціямъ и оттънкамъ звуковъ является экономіей силъ сравнительно съ рѣзкими скачками между далеко отстоящими звуками, требующими каждый разъ другой иннерваціи. Весьма возможно, что сліяніе рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга понятій, какъ оно обнаружилось въ развитіи знанія и въ монистическомъ міросозерцаніи, представляетъ ту же экономію мышленія, такъ какъ пониманіе мірозданія требуетъ тѣмъ большей траты умственной энергіи, чѣмъ разнороднѣе составныя части послѣдняго и чѣмъ рѣзче переходы отъ однихъ частей къ другимъ. Какъ сложное, поглощающее много силъ, законодательство необходимо тамъ, гдѣ классы данной группы отдѣлены другъ отъ друга своими особенными правами и формами юридическихъ отношеній; какъ пониманіе послѣднихъ облегчается, когда смягчаются рѣзкія правовыя различія и уступаютъ мѣсто лишь только тѣмъ, которыя и въ однородномъ законодательствѣ должны быть удержаны въ виду разницы матеріальнаго и

общественнаго положенія классовъ: также точно всякая психическая работа облегчается въ той мѣрѣ, въ какой смягчаются и сглаживаются различія рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга понятій. Дифференціацію въ данномъ случаѣ можно усматривать въ томъ, что связь, объединяющая большее или меньшее число индивидовъ въ отдѣльную группу, разрушается и вмѣсто нея, путемъ ослабленія обособленности различій, создается общая связь цѣлаго. Такимъ образомъ дифференціація, представляющая, повидимому, принципъ индивидуализаціи, является часто въ дѣйствительности по преимуществу объединяющимъ.

Дифференціація вновь обнаруживаетъ свое близкое отношеніе къ монизму; лишь только прекращается рѣзкое обособленіе въ отдѣльныя группы и понятія, чтобы дать мѣсто вмѣстѣ съ индивидуализаціей, посредствующимъ переходамъ и постепенности, получается множество частичныхъ, ничтожныхъ различій, характеризующее цѣлое, какъ таковое. Итакъ, всякій монизмъ устанавливается, какъ экономизирующій, въ смыслѣ сбереженія мыслительныхъ силъ, принципъ. И съ полнымъ правомъ; однако съ безусловнымъ ли и столь непосредственнымъ, какъ это представляется на первый взглядъ, я сомнѣваюсь. Если монистическое міросозерцаніе ближе соотвѣтствуетъ

дѣйствительности, чѣмъ ученіе о полигенизмѣ, то оно для этого должно было затратить гораздо больше умственнаго напряженія, нежели послѣднее, довольствующееся представленіемъ множественности въ планѣ міроздавія; конечно требуется высшее мышленіе, для того чтобы всѣ физическія явленія вывести изъ одного источника силы, чѣмъ для различныхъ явленій предполагать различные же источники: для теплоты — тепловую силу, для жизни — жизненную силу, и можетъ быть, еще для опиума спеціальнаго *vis dormitiva*; гораздо труднѣе представлять себѣ душевную организацію, какъ однородное цѣлое, чѣмъ считается съ особенными сферами и одни явленія душевныя выводить изъ разсудка, другія — изъ разума. Но какъ локомотивъ затрачивая гораздо больше силы нежели почтовая кибитка, тѣмъ не менѣе, сравнительно съ достигнутыми результатами, является въ общемъ гораздо экономнѣе, также точно и монизмъ, употребляя больше энергіи въ частностяхъ, чѣмъ плюралистическое ученіе, въ отношеніи результата проявляетъ несравненную экономію умственныхъ силъ. Такъ большое и сложное государство требуетъ обширной, основной на широчайшемъ раздѣленіи труда, чиновной іерархіи, и не смотря на крупныя затраты, выигрываетъ на ней гораздо больше, чѣмъ

еслибъ оно распалось на отдѣльныя провинціи, требующія для себя каждая въ отдѣльности, особой организаціи учрежденій.

Труднѣе найти экономію силъ въ той дифференціаціи, которая является слѣдствіемъ развитія однороднаго соціальнаго тѣла, напри- мѣръ въ вышеупомянутомъ случаѣ, гдѣ первоначально—однородное цѣлое вырабатываетъ внутри себя другъ другу враждебныя партіи. Ее можно разсматривать, какъ раздѣленіе труда, ибо тенденціи, изъ коихъ вытекаетъ дѣленіе на партіи, суть по преимуществу стремленія человѣческой природы, присущія каждому субъекту въ большей или меньшей степени, и можно себѣ представить дѣло такимъ образомъ, что разнородныя стремленія, находившія раньше въ головѣ индивида относительное равновѣсіе, теперь распредѣлились между различными личностями, причемъ равновѣсіе возможно лишь въ общей совокупности цѣлаго. Всякая партія, выражающая ту или другую тенденцію, парализуетъ въ своемъ членѣ всякія другія стремленія, отъ которыхъ послѣдній, какъ бы ни было не совсѣмъ свободенъ. Если мы прослѣдимъ психологическіе моменты, обусловливающіе вступленіе индивида въ ту или другую партію, то увидимъ, что опредѣляющее значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ не какая-либо природная склон-

ность, а случайность обстоятельствъ и вліяній, которымъ подверженъ индивидъ и которыя развили въ немъ одни стремленія въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Изъ этого обстоятельства, изъ прекращенія внутренней борьбы, отнимающей до вступленія въ партію нашу мысль и волю, выясняется та сила, которую пріобрѣтаетъ партія надъ индивидомъ и которая доводитъ до того, что высоконравственные и разумные люди присоединяются къ безразсудной политикѣ, признаваемой со стороны партіи необходимой. Въ указанной односторонности заключается сила партіи, какъ это особенно видно изъ того, что партійное чувство сохраняетъ свое вліяніе и тогда, когда партія сама потеряла свое практическое значеніе, и не обусловливаемая никакими реальными основаніями принадлежность къ ней вызываетъ въ адептѣ антагонизмъ противъ всѣхъ другихъ. Самый разительный примѣръ въ данномъ случаѣ представляютъ цирковыя партіи Рима и Византіи. Не омотря на то, что не было никакого существеннаго различія между бѣлыми и красными (случалось даже, что тѣ и другіе получали въ пользованіе лошадей и погонщиковъ отъ однихъ и тѣхъ же собственниковъ-предпринимателей) достаточно было случайнаго поступленія въ любую, чтобъ сдѣлаться врагомъ противной. Безчисленные се-

мейные раздоры прошлыхъ временъ, когда они тянулись на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній, носили тотъ же характеръ; предметъ раздора давно исчезъ, однако одинъ фактъ принадлежности къ той или другой фамиліи создавалъ враждебное партійное положеніе относительно другой. Между тѣмъ, какъ выросшія въ Италіи въ XIV и XV вѣкѣ тираніи довели значеніе политическихъ партій до нуля, борьба между Гвельфами и Гибелинами тѣмъ не менѣе продолжалась: враждебность партій имѣла до того самостоятельное значеніе, что въ послѣдствіи она перестала нуждаться въ какихъ бы то ни было реальныхъ основаніяхъ. Короче, дифференціація, лежащая въ основаніи партійности, развиваетъ силы, величина коихъ обнаруживается именно въ той безразсудности, съ которой партія, потерявъ изъ виду всякое содержаніе, сосредоточивается исключительно на одной формѣ. Всякое социальное соединеніе является слѣдствіемъ слабости индивида и его неспособности сопротивляться, и слѣпая, безразсудная преданность партіи весьма часто имѣетъ мѣсто именно во времена упадка и несостоятельности народовъ и группъ, когда личность потеряла свою индивидуальную силу. Всегда въ такихъ случаяхъ обнаруживаются силы, которыя при другихъ обстоятельствахъ оставались бы въ

рудиментарномъ состояніи. И если много силъ вслѣдствіе партійности пропадаетъ ни за что, то это не больше ни меньше, какъ злоупотребленіе, отъ котораго не гарантирована никакая человѣческая тенденція. Вообще говоря, развитіе партій создаетъ центральныя образованія, сберегающія для принадлежащаго къ нимъ индивида энергію внутренней борьбы противоположныхъ стремленій и направляющія его силы въ сторону наибольшей продуктивности въ томъ смыслѣ, что какъ бы сводятъ ихъ въ одинъ каналъ, гдѣ онѣ проявляютъ свою дѣятельность безъ всякихъ психологическихъ препятствій; и такъ какъ борьба ведется между партіями, содержащими каждая въ отдѣльности множество соединенныхъ во-едино человѣческихъ силъ, то результатъ ея долженъ обнаруживаться чище, быстрѣе и полнѣе, нежели въ случаяхъ борьбы индивидуальной.

Особенное соотношеніе между затратой силъ и дифференціаціей имѣетъ мѣсто при томъ раздѣленіи труда, который можно назвать количественнымъ. Раздѣленіе труда въ обычномъ смыслѣ слова означаетъ, что одно лицо дѣлаетъ нѣчто иное, чѣмъ другое, такимъ образомъ касается чисто качественныхъ различій; не менѣе важное значеніе имѣетъ раздѣленіе труда, направленное на количественныя различія, т. е. когда одинъ рабо-

таетъ больше другого. Это количественное раздѣленіе труда имѣетъ культурное значеніе въ томъ смыслѣ, что оно обуславливаетъ раздѣленіе качественное, при чемъ большее или меньшее количество работы, совершаемой одинаковыми, на первыхъ порахъ, людьми, отражается весьма чувствительно на развитіи личности, какъ таковой: рабство и капиталистическое хозяйство въ достаточной степени демонстрируетъ культурное значеніе количественнаго раздѣленія труда. Переходъ послѣдняго въ качественное обнаруживается прежде всего въ раздѣленіи между физическимъ трудомъ и умственнымъ. Простое освобожденіе отъ перваго ведетъ къ большей интенсивности послѣдняго, такъ какъ онъ гораздо самостоятельное и не требуетъ никакихъ внѣшнихъ принужденій и толчковъ. Отсюда становится понятнымъ, какимъ образомъ экономія силъ чрезъ дифференціацію становится средствомъ ихъ несравненной продуктивности: можно установить различіе между физическимъ и умственнымъ трудомъ въ томъ смыслѣ, что послѣдній съ меньшей затратой производитъ большій результатъ.

Это противоположеніе конечно не абсолютно. Невозможно указать физической работы, которая была бы свободна отъ участія разума и воли, а съ другой стороны нѣтъ и

умственной дѣятельности, которая обходилась бы безъ участія физической работы. Установленное превосходство умственнаго труда въ отношеніи экономіи силъ является лишь относительнымъ. Можно провести аналогію между этимъ соотношеніемъ и различіемъ между высшей и низшей душевной дѣятельностью. Психическій процессъ, не выходящій за предѣлы непосредственнаго ощущенія, требуетъ меньшей затраты энергіи нежели абстрактный и раціональный; но соотвѣтственно этому, и практическіе его результаты несравненно бѣднѣе. Мышленіе по логическимъ законамъ—по преимуществу экономно въ той мѣрѣ, въ какой оно, на мѣсто затратъ на частности, ставитъ общую формулу: законъ, соединяющій въ общей формулѣ единичныя представленія, обнаруживаетъ высшую экономію мышленія. Кто знаетъ этотъ законъ, находится въ такомъ же отношеніи къ человѣку, знающему лишь отдѣльныя представленія, какъ владѣлецъ машины къ ручному работнику. Но если высшее мышленіе характеризуется синтетическимъ характеромъ, то оно прежде всего заключаетъ въ себѣ дифференціацію. Ибо всякое явленіе, представляющее частный случай опредѣленнаго общаго закона, есть вмѣстѣ съ тѣмъ точка прохожденія другихъ разнороднѣйшихъ силъ и законовъ, и раньше всего не-

обходима была точная психологическая дифференціація послѣднихъ, чтобы можно было констатировать, вышеуказанное отношеніе явленія къ общему закону; только путемъ дифференціаціи всѣхъ тѣхъ факторовъ, въ случайной совокупности которыхъ оказалось частное приложеніе общаго закона, возможно опредѣленіе послѣдняго. Очевидно, что умственная дѣятельность находится въ такомъ же отношеніи къ физической, какъ въ предѣлахъ первой высшая относится къ низшей, такъ какъ согласно вышеуказанному разница между умственной и физической работой указываетъ лишь на относительно большую или меньшую степень участія въ ней обоихъ элементовъ. Мышленіе въ отношеніи механическихъ дѣятельностей играетъ ту же роль, что и деньги для экономическихъ цѣнностей; оно ихъ концентрируетъ, связываетъ, облегчаетъ, и деньги явились лишь слѣдствіемъ дифференціального процесса: мѣновая цѣнность, это свойство или функція, которую вещи пріобрѣтаютъ на ряду съ другими своими свойствами, должно быть абстрагировано отъ нихъ и усвоено сознаниемъ, какъ самостоятельное понятіе, прежде чѣмъ стало возможнымъ воплощеніе этого, присущаго различнѣйшаго рода предметамъ, свойства въ одномъ какомъ нибудь символѣ. Экономія силъ, достигнутая путемъ диффе-

ренціаці и послѣдующаго синтеза, проявляется въ этомъ восхожденіи къ высшимъ понятіямъ и нормамъ. Въ чемъ заключается экономія, проистекающая отъ консолидаціи индивидуальныхъ функцій въ опредѣленныхъ центрахъ, понятно само собой; но нужно помнить, что въ основаніи подобной централизаціи постоянно лежитъ дифференціація, что централизація имѣетъ дѣло не со сложными явленіями, а съ выдифференцированными отдѣльными ихъ сторонами. Исторія человѣческаго мышленія, какъ и исторія соціальнаго развитія, представляетъ изъ себя подобные переходы, помощью которыхъ разнородные, безпринципно сплоченные комплексы явленій разлагались опредѣленнымъ образомъ и изъ полученныхъ результатовъ составлялись высшія понятія и образованія. Однако равновѣсіе между анализомъ и синтезомъ далеко не можетъ быть названо устойчивымъ: полученныя высшія понятія въ свою очередь могутъ быть подвергнуты разложенію и такимъ образомъ составить матеріаль для дальнѣйшихъ обобщеній или прежніе комплексы могутъ быть дифференцированы съ новыхъ точекъ зрѣнія, и полученные такимъ путемъ выводы замѣнятъ собой прежніе, устарѣвшіе.

Всѣ эти превращенія вытекаютъ изъ общей тенденціи къ экономіи силъ, и прежде

всего, въ смыслѣ устраненія столкновений. Я это выводилъ уже съ другой точки зрѣнія для соотношенія между церковными интересами, съ одной стороны, и съ интересами государства—съ другой. Безчисленное множество силъ пропадаетъ тамъ, гдѣ раздѣленіе труда еще не указало каждому своего мѣста, а притязанія на одинъ и тотъ же нераздѣленный объектъ порождаетъ враждебное соисканіе; ибо если даже послѣднее и приноситъ большую пользу предмету спора, то съ другой стороны оно создаетъ необходимость затрачивать громадныя усилія для подавленія конкурентовъ, прежде чѣмъ будетъ достигнута конечная цѣль.

Побѣда въ этомъ состязаніи основана не на приложеніи силы непосредственно къ дѣлу, но на устраненіи внѣшнихъ, въ большей или меньшей степени субъективныхъ моментовъ; силы эти вполнѣ потеряны и потеря эта двойная, такъ какъ одна сторона употребляетъ усилія для того, чтобы парализовать усилія другой. Если идеаль культуры сводится къ тому, чтобы силы человѣческія, вмѣсто траты на устраненіе людей—конкурентовъ, были направлены на объектъ, т. е. на природу, то раздѣленіе труда является *par excellence* споспѣшествующимъ моментомъ. Если греческіе

соціалъ—политики считали торговую дѣятельность опасной для государства и выставляли, какъ единственно соотвѣтствующее интересамъ государства, сельское хозяйство, потому что оно не черпаетъ своихъ выгодъ отъ людей и ихъ ограбленія, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что не недостатокъ раздѣленія труда привелъ ихъ къ такому мнѣнію. Ибо одобрительное отношеніе къ земледѣлію обнаруживаетъ ихъ пониманіе, что трата силъ непосредственно на объектъ устраняетъ конкуренцію, которая, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ разрушенію государства; при недостаточномъ раздѣленіи труда въ то время единственной областью хозяйственной дѣятельности, въ которой конкуренція не находила широкаго поля для своего проявленія, было хлѣбопашество. Только возрастающая дифференціація можетъ устранить столкновения, происходящія отъ общности цѣли и направляющія силы субъекта не на достиженіе послѣдней, а на подавленіе конкурентовъ.

Изслѣдованіе индивидуальной психики обнаруживаетъ тоже явленіе съ другой стороны. Если совокупность волевыхъ и мыслительныхъ актовъ индивида, какъ цѣлое, выдифференцирована изъ общей групповой психики, сама же по себѣ остается однородной, то въ такомъ случаѣ устраняются безчисленные измѣненія

иннервацій, неизбѣжныя при большемъ разнообразіи импульсовъ и реакцій. Въ области психической жизни можно подмѣтить аналогію физической инертности: стремленіе слѣдовать и въ дальнѣйшемъ господствующей въ данную минуту мысли, оставаться подъ вліяніемъ волевого импульса, пребывать въ продѣлахъ даннаго круга интересовъ. Гдѣ требуется измѣненіе, поворотъ отъ этихъ точекъ неподвижности, тамъ инерція должна быть пересилена какимъ нибудь выдающимся импульсомъ; новая иннервація должна быть сильнѣе, чѣмъ того требуетъ ея цѣль, такъ какъ она ослабляется противодѣйствующею силой инерціи. Причина этой психо-физической инертности можетъ быть объяснена невозможностью опредѣлить, сколько именно силы необходимо употребить для той или другой внутренней или внѣшней цѣли; и такъ какъ недостаточность сравнительно съ необходимымъ количествомъ силы замѣчается нами очень скоро, то естественно, мы дѣлаемъ ошибку въ сторону преувеличенія, и такимъ образомъ всегда получается избытокъ непотребленной силы, съ которой новый волевой импульсъ уже долженъ считаться и въ свою очередь затратить необходимую энергію плюсъ избыточное ея количество.

Необходимо здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ явленіяхъ индивидуальной жизни, которыя до извѣстной степени подходятъ подъ понятіе столкновенія и конкуренціи. Чѣмъ разностороннѣе дѣятельность человѣка, чѣмъ незначительнѣе однородность и ограниченность нашего существа, тѣмъ различнѣе и многочисленнѣе тѣ направленія, по которымъ дѣйствуютъ наши силы; при чемъ каждое изъ нихъ требуетъ для себя возможно большаго количества силъ, нанося этимъ ущербъ всѣмъ другимъ направленіемъ, слѣдствіемъ чего, конечно, является то обстоятельство, что масса энергіи теряется безрезультатно на взаимное ослабленіе и устраненіе различныхъ сторонъ нашей дѣятельности. Путемъ двоякаго рода дифференціаціи возможно для индивида сбереженіе его энергій: либо онъ долженъ дифференцироваться, какъ цѣлое, т. е. ограничить до возможной односторонности свои стремленія и сосредоточить ихъ около одной основы, такъ чтобы онѣ гармонировали другъ съ другомъ и устраняли всякую возможность конкуренціи; либо онъ можетъ такимъ образомъ дифференцировать свои стремленія, чтобъ создать совершенно обособленныя области, вполнѣ самостоятельныя цѣли, къ которымъ велибы различныя, независимыя другъ отъ друга, пути, и при достиженіи которыхъ не было-

бы мѣста для взаимныхъ столкновеній и конкуренціи.

Темныя стороны чрезмѣрной индивидуализаціи и раздѣленія труда слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь говорить о нихъ подробно. Только на одной я хочу остановиться, именно я хочу указать на то, что при специализаціи сила индивида вначалѣ, вслѣдствіе односторонняго ея развитія, возрастаетъ въ сильной степени, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, замѣтно приходитъ въ упадокъ. Недостатокъ упражненія для остальныхъ, неработающихъ мускуловъ и представленій приводятъ къ ихъ ослабленію и атрофіи, которыя отражаются на общей работоспособности всего организма, и такъ какъ самый специализировавшійся органъ черпаетъ свое питаніе въ томъ же организмѣ, то понятно, что и онъ не можетъ избѣгнуть вліянія общаго ослабленія послѣдняго. Итакъ одностороннее развитіе при тѣсной связи и цѣлостности всего организма, который ослабляется пренебреженіемъ къ дѣятельности всѣхъ органовъ, кромѣ специализированныхъ, приноситъ съ собой ослабленіе и послѣднихъ.

Далѣе, и раздѣленіе труда, состоящее въ перенесеніи индивидуальныхъ функцій на центральные органы и въ общемъ приводящее къ экономіи силъ, въ послѣдствіи, во имя

той же экономіи, обращается опять къ индивидамъ и мелкимъ группамъ. Вотъ, что при этомъ происходитъ. Когда, напримѣръ, государство перенимаетъ отъ индивида все больше и больше функций, эти послѣднія становятся въ немъ въ такія тѣсныя взаимныя связи и отношенія, что движеніе однихъ не остается безъ вліянія на состояніе всѣхъ остальныхъ. Вслѣдствіе этого каждая въ отдѣльности функція связана необходимостью сообразоваться со всѣми остальными и такимъ образомъ затрачиваетъ гораздо больше силы, чѣмъ того требуетъ достиженіе данной цѣли. Разъ отрѣшенные индивидуальныя функціи сплотились въ сложную организацію, послѣдняя уже подчиняется своимъ спеціальнымъ условіямъ существованія разсчитаннымъ на совокупность интересовъ, и для исполненія отдѣльной функціи приводитъ въ дѣйствіе болѣе сложный аппаратъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто при изолированномъ стремленіи къ достиженію цѣли; я назову только нѣкоторыя затрудненія, съ которыми связано перенесеніе индивидуальной функціи на государство: необходимость всякую малѣйшую трату приводитъ въ связь съ балансомъ громаднхъ государственныхъ суммъ, многоразличный контроль, который вообще необходимъ, въ отдѣльныхъ же случаяхъ только тормозитъ дѣло, интересы политичес-

кихъ партій и свободная критика, принуждающіе, въ однихъ случаяхъ, къ бесполезнымъ опытамъ и удерживающіе, въ другихъ, отъ полезныхъ нововведеній, особенныя условія, въ которыя поставлены лица, выполняющіе государственныя функціи, пенсія, особое соціальное положеніе и т. д.,—однимъ словомъ принципъ экономіи силъ, съ одной стороны въ такой-же мѣрѣ ограничиваетъ перенесеніе функцій въ какой, съ другой стороны, его обусловливаетъ и вызываетъ къ жизни.

Склоняющаяся то въ сторону дифференціаціи, то въ сторону ея противоположности, иѣлесообразность развитія обнаруживается ярче всего въ сферѣ религіозной и военной. Развитіе христіанской церкви привело очень рано къ различенію между праведниками и обыкновенными людьми—грѣшными, между духовной аристократіей и *misera contribuens plebs*. Выдѣленіе класса священнослужителей католической церкви, служившаго посредственнымъ звеномъ между вѣрующими и небомъ, есть лишь результатъ того раздѣленія труда, которое создало и почту, какъ особый соціальный органъ для сношенія гражданъ съ отдѣленными мѣстностями. Этой дифференціаціи положила предѣлъ реформація; она соединила непосредственно человѣка съ богомъ, для каковой миссіи католицизмъ создалъ спе-

ціальную центральную організацію. Блага релігії стали вновь доступні кожному, и земныя отношенія, домъ и земля, семья и гражданскій долгъ, получили релігіозное освященіе, которое прежняя дифференціація концентровала въ особомъ органѣ. Полное устраненіе послѣдней обнаруживаютъ тѣ общины, въ которыхъ нѣтъ особаго класса священниковъ, а каждый, поскольку онъ чувствуетъ потребность, выполняетъ ихъ функціи.

Насколько прежнее состояніе соотвѣтствуетъ принципу экономіи силъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Три существенные признака католицизма: безбрачіе, монашеская жизнь и догматическая іерархія, увѣнчавшаяся инквизиціей, были въ высшей степени дѣятельными факторами монополизаціи всей духовной жизни въ предѣлахъ опредѣленнаго состоянія, которое выжимало изъ самыхъ отдаленныхъ круговъ всѣ элементы прогресса. Это былъ единственный путь къ сохраненію въ эпоху средневѣкового варварства, духовныхъ силъ народа, которыя внѣ этого спеціального состоянія пропадали - бы безрезультатно; существованіе же послѣдняго приводило къ отрицательному подбору. Ибо для болѣе глубокихъ натуръ единственное призваніе было въ монашеской жизни, и такъ какъ необходимымъ условіемъ послѣдней яв-

ляется безбрачіе, то ею создавалось весьма серьезное препятствіе для наслѣдственной передачи духовныхъ способностей; вслѣдствіе этого грубыя натуры получали полный просторъ для проявленія наслѣдственной передачи своихъ характерныхъ свойствъ. Въ этомъ пунктѣ и заключается отрицательная сторона монашескаго идеала. Если монашество заключаетъ въ себѣ высоконравственную заслугу, то оно естественно выбираетъ для себя только тѣхъ, относительно которыхъ мыслимо вліяніе идеальныхъ моментовъ, т. е. лучшихъ, въ этическомъ отношеніи высшихъ, выдающихся людей, удаленіе коихъ изъ міра влечетъ за собой перевѣсъ худшаго наслѣдственнаго матеріала. Мы здѣсь имѣемъ примѣръ того случая, когда концентрація силъ въ адномъ какомънибудь органѣ способствуетъ сначала его укрѣпленію, но затѣмъ, вслѣдствіе тѣсной связи съ цѣлымъ организмомъ, ведетъ къ его ослабленію. Сперва дифференціація между органами для духовныхъ и свѣтскихъ интересовъ, сохраняла и укрѣпляла первые; но представители этихъ духовныхъ интересовъ отвернулись отъ массы, лишили ее лучшихъ духовныхъ силъ, что повело сначала къ дегенераціи послѣдней, а затѣмъ и самого духовенства, которое свои силы могло черпать исключительно изъ той-же массы. Къ

этому присоединился и догматизмъ, ограничивавшій прогрессивное развитіе духовной жнзни, непосредственно — воздѣйствиємъ на умы, и посредственно — преслѣдованіемъ всякой ереси, которое можно сравнить съ подборомъ, весьма старательно устранявшемъ самыхъ свободыслящихъ и смѣлыхъ людей, чтобы такъ или иначе сдѣлать ихъ безвредными. И при всемъ томъ, здѣсь оказала свое дѣйствіе удивительная экономія силъ. Духовная сила народовъ въ ихъ высшихъ представителяхъ была слишкомъ истощена, а въ низшихъ слишкомъ варварски груба, чтобы при свободѣ развитія всѣхъ духовныхъ стремленій могли создаваться какіе либо положительные результаты въ смыслѣ духовной культуры; было, напротивъ, желательно, чтобы развитіе было задержано или ограничено и силы сконцентрированы. Такимъ образомъ, средніе вѣка являются хранилищемъ духовныхъ силъ цивилизованныхъ народовъ, ихъ чрезмѣрная религіозность исполняла роль садовника, отрывающаго преждевременные побѣги до тѣхъ поръ, пока въ достаточной мѣрѣ сконцентрированные соки будутъ въ состояніи воплотиться вполне жизнеспособную вѣтку. — Сколько силъ сберегла реформація устраненіемъ господствовавшаго до тѣхъ поръ раздѣленія труда, понятно само собой. Уже религіозное

чувство не требовало посредствующихъ услугъ священника и торжественной церемоніи, не было никакой надобности ѣздить въ опредѣленные мѣста на поклоненіе, ибо изъ каждой коморки велъ кратчайшій путь къ Богу; молитвѣ уже не надо было проходить извѣстныя инстанціи, чтобы найти удовлетвореніе, и индивидуальная совѣсть непосредственно стала оцѣнивать значеніе того или другого поступка, не прибѣгая къ помощи священника и сберегая этимъ излишнюю трату силъ, словомъ, религіозность во внутреннихъ и вѣшнихъ своихъ проявленіяхъ приняла болѣе упрощенную форму, и путемъ ея распространенія на всю народную массу была достигнута значительная экономія силъ, поглощавшихся до того посредственными инстанціями между мірянами и небомъ.

Еще примѣръ, хотя и болѣе отдаленный. Первоначально всякій членъ племени—воинъ. Наличное имущество, съ одной стороны, и желаніе приобрести новое, съ другой, обуславливаютъ защиту перваго и стремленіе ко второму, для чего и пускается въ ходъ оружіе. Когда эта, самой природой вещей вызванная, дѣятельность переходитъ въ центральный органъ, то это обнаруживаетъ уже высокую дифференціацию и экономію силъ. Ибо чѣмъ разносто-

стороннѣе становится человѣческая дѣятельность, тѣмъ большей помѣхой служитъ необходимость въ каждую данную минуту братья за оружіе и тѣмъ экономнѣе становится спеціализація извѣстной группы, которая всецѣло беретъ на себя отправление военной функціи, такъ что остальная масса населенія можетъ мирно развивать всѣ стороны своего существованія. Раздѣленіе труда дошло до своей кульминаціонной точки, когда выдѣлилась спеціальная военная группа (Söldner) предлагавшая всѣмъ и всякому свои услуги, безразлично, какіе бы интересы ей не приходилось защищать. Первое ограниченіе раздѣленія труда въ данномъ случаѣ состояло въ томъ, что воинственныя группы потеряли свой касмополитическій характеръ и, по крайней мѣрѣ, стали соотвѣтствовать опредѣленному племени, за которое онѣ сражались, такъ что воинъ могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и патриотомъ. Это послѣднее условіе служило для война сильнѣйшимъ импульсомъ къ проявленію храбрости и усердія, каковыя наемникъ (Söldner) долженъ былъ вызывать искусственно, а это было сопряжено со значительными тратами энергіи. Экономія силъ въ данномъ случаѣ должна оказаться на сторонѣ первыхъ, такъ какъ дѣйствія, вызванныя склонностью и влеченіемъ, требуетъ сравнительно меньшей затраты энергіи,

нежели вынужденныя внѣшними обстоятельствомъ. Высшая степень сбереженія силъ достигается современными народными ополченіями, которыя явились слѣдствіемъ процесса, противоположнаго спеціализаціи военнаго сословія. Введеніе всеобщей воинской повинности, оставившее благо отечество въ зависимость отъ всѣхъ составляющихъ его гражданъ, необходимость защищать его въ личныхъ интересахъ до такой степени развиваетъ внутреннее чувство патриотизма, что безъ всякаго вознагражденія, безъ принужденія и искусственно создаваемого интереса можно достигнуть такого же эффекта или даже большаго, нежели при спеціализаціи военнаго сословія.

Тотъ же способъ развитія, характеризующійся формальнымъ тождествомъ исходнаго и конечнаго моментовъ, обнаруживается относительно способности замѣщенія дифференцированныхъ органовъ одного другимъ. Въ органической жизни подобныя замѣщенія не рѣдки; извѣстно, что чѣмъ примитивнѣе и индифференцированнѣе организмъ, тѣмъ легче его части взаимно викарируютъ. Если, напримеръ, вывернуть наизнанку прѣсноводнаго полипа, такъ, чтобы на мѣсто наружной кожи очутились стѣнки пищеварительнаго канала и наоборотъ, то наблюдается соотвѣтственное измѣненіе отправленій, и прежняя кожа съ

равнымъ успѣхомъ выполняетъ функціи пищеварительнаго канала. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе его органы специализируютъ свои функціи и тѣмъ менѣе возможна замѣна одного другимъ. Въ кульминаціонномъ пунктѣ развитія, въ мозгу замѣщеніе частей опять становится возможнымъ. Афазическія явленія при поврежденіяхъ мозга, замѣтно поддаются леченію, при чемъ, очевидно, другіе мозговые участки принимаютъ на себя функцію поврежденныхъ. Количественный विकариатъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда при ослабленіи одного какого либо чувства, остальные, обыкновенно, выигрываютъ въ силѣ и быстротѣ и до нѣкоторой степени способствуютъ достиженію той цѣли, которая съ ослабленіемъ даннаго чувства стала, повидимому, недостижимой. Этому вполне соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что въ примитивномъ обществѣ индифференціація дѣлаетъ возможнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ функціанальное замѣщеніе членовъ. И если съ дальнѣйшемъ развитіемъ эта способность विकариата замѣняется специализаціей, то на высшихъ ступеняхъ культуры, выдающіеся интеллигентные люди обнаруживаютъ способность выполнять всевозможныя общественныя обязанности. Здѣсь дифференціація перенеслась отъ цѣлаго, отъ котораго она требуетъ

спеціалізації его частей, на индивидъ и сообщила послѣднему такое разнообразное богатство внутренняго содержанія, что для всякаго внѣшняго требованія у него находится соотвѣтствующая способность выполненія. Спираль развитія такимъ образомъ достигаетъ высшей точки, лежащей параллельно надъ исходнымъ ея пунктомъ; на этой высотѣ индивидъ находится въ такомъ же отношеніи къ цѣлому, какъ и въ примитивномъ состояніи; разница только та, что тогда оба были чужды какой бы то ни было дифференціаціи а теперь они въ высшей степени дифференцированы. Попятный ходъ дифференціаціи, обнаруживающійся повидимому, въ этихъ явленіяхъ, на самомъ дѣлѣ есть ея дальнѣйшее развитіе; она лишь перешла на микрокосмъ.

Подобнымъ же образомъ можно объяснить развитіе военнаго сословія, не какъ обратный ходъ дифференціального процесса, а какъ измѣненіе его формы и субъекта, въ которомъ онъ проявился. Между тѣмъ, какъ въ прежнія времена военную функцію отправляла известная группа втеченіи всей своей жизни, теперь ее несетъ весь народъ, но только въ опредѣленные промежутки времени. Дифференціація внутри общества замѣнилась дифференціаціей во времени, по періодамъ жизни индивида, Эта послѣдняя чрезвычайно важна;

она заключается не въ одновременной спеціализаціи различныхъ частей по различнымъ функціямъ, а въ томъ, что цѣлое, какъ такое, въ различные періоды своей жизни спеціализируется по различнымъ функціямъ. Какъ при одновременной дифференціаціи каждая часть находится въ исключительномъ положеніи относительно всѣхъ остальныхъ, такъ здѣсь такое же отношеніе замѣчается между различными періодами. Если путь развитія таковъ, что изъ однородной организаціи образуются рѣзко отграниченные другъ отъ друга и единовременно функционирующіе члены, что изъ однородной массы сочленовъ группы дифференцируются индивидуальныя, односторонне развившіяся личности,—то тотъ же путь ведетъ къ тому, что однообразная во времени, монотонная жизнь разграничивается на отдѣльные, смѣняющіе другъ друга періоды, и хотя жизнь индивида, какъ цѣлаго, и становится относительно одностороннѣе, она всетаки заключаетъ въ себѣ все большее и большее число пройденныхъ характерно-различныхъ періодовъ развитія. Доказательство этого соотношенія мы видимъ въ томъ, что чѣмъ выше существо, тѣмъ медлѣннѣе оно достигаетъ высшей точки развитія. Меж у тѣмъ, какъ животное въ самый малый промежутокъ времени вполнѣ развиваетъ всѣ свои способности,

человѣкъ для той-же цѣли употребляетъ несравненно больше времени и принужденъ пройти гораздо больше промежуточныхъ ступеней развитія. Это-же соотношеніе, очевидно, дѣйствительно и для людей низшей и высшей культуры. Жизнь высшихъ представителей человѣческой расы есть непрерывное развитіе вплоть до самой глубокой старости (такъ Гёте основывалъ свое безсмертіе на томъ, что земной жизни не достаточно для достиженія совершенства), причемъ подъ развитіемъ здѣсь разумѣется не столько переходъ отъ низшей ступени къ высшей, какъ то, что различные моменты теоретической и практической дѣятельности личности представляютъ въ совокупности полную картину развитія всѣхъ, имѣющихъ равное значеніе, сторонъ человѣческаго существа. И тѣ единичные индивиды, которые заключаютъ въ себѣ все богатство человѣческой расы, должны, естественно, проходить эти моменты постепенно, такъ какъ одновременное ихъ совмѣщеніе представляется и логически и психологически невозможнымъ. Я напому, какъ Кантъ прошелъ сперва рационально-догматическій періодъ, затѣмъ скептической и, наконецъ критической; всѣ они суть выраженія имѣющихъ одинаковое значеніе для нашего прогрессивнаго развитія сторонъ духовной природы, и въ обыкновен-

ныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не о гениальномъ умѣ, распредѣляются между нѣсколькими индивидами средняго калибра. Вспомнимъ далѣе различныя модуляціи стилия въ области художественнаго прогресса, взаимное устраненіе реалистическихъ и идеалистическихъ, теоретическихъ и практическихъ эпохъ нашей жизни, наконецъ, разнообразныя смѣны убѣжденій въ обширномъ соціальномъ кругу. Всякая партійная идея поочередно охватывающая послѣдній, покоится на глубоко лежащихъ интересахъ человѣческой природы. По мѣрѣ развитія общества, проявляются въ немъ, хотя и не въ одинаковой степени, моменты, способствующіе какъ коллективизму, такъ и индивидуализму, какъ консервативнымъ направленіямъ, такъ и прогрессивнымъ, какъ ретрогратству такъ и либерализму, и возрастающая враждебность различныхъ партій обнаруживаетъ если не право, то во всякомъ случаѣ психологическую силу всѣхъ этихъ тенденцій. Если индивидъ способенъ отразить въ себѣ все общество и какъ бы въ разрѣзѣ представить всю сѣть переплетающихся въ немъ нитей, то это возможно либо при одновременномъ, либо при послѣдовательномъ отображеніи отдѣльныхъ моментовъ общественной жизни. Здѣсь и выступаетъ принципъ

экономіи силъ: гдѣ противоположныя тенденціи воздѣйствуютъ на наше сознаніе, тамъ безчисленныя столкновенія между ними поглощаютъ массу силъ. Вслѣдствіе этого естественная цѣлесообразность и дифференцируетъ противоположныя тенденціи по различнымъ періодамъ времени. Сила односторонне развитой и настроенной личности заключается не въ необыкновенномъ запасѣ ея энергіи, а весьма часто въ томъ, что за отсутствіемъ внутреннихъ столкновеній, огромная масса силъ остается сбереженной. Отсюда становится понятнымъ и то явленіе, что при разнообразіи природныхъ способностей и склонностей, тотъ человѣкъ обнаружитъ меньше внутреннихъ противорѣчій и меньшую трату энергіи, который въ различные періоды своей жизни посвятитъ себя различнымъ сферамъ дѣятельности, и за невозможностью эти послѣднія одновременно распределить между своими органами, прибѣгнетъ въ дифференціаціи по послѣдовательнымъ промежуткамъ времени. Въ такомъ случаѣ конфликты противоположныхъ тенденцій и проистекающія отъ нихъ непроизводительныя растраты силъ будутъ имѣть мѣсто только въ теченіи кратковременныхъ переходныхъ моментовъ, когда старое еще не совсѣмъ мертво, а молодое не вполне жизнеспособно.

Къ подобному же рѣшенію вопроса о томъ, какая дѣятельность развиваетъ maximum энергій, мы прійдемъ, если станемъ разсматривать не послѣдовательность различныхъ моментовъ, какъ до сихъ поръ, а наоборотъ, различіе послѣдовательныхъ моментовъ. Если задача заключается въ такой координаціи различныхъ тенденцій, чтобы онѣ могли осуществляться въ возможно совершеннѣйшей формѣ и съ наименьшей тратой силъ, то необходимымъ условіемъ для этого является ихъ дифференціация во времени; если-же, наоборотъ, данъ процессъ развитія во времени и спрашивается, каково должно быть его содержаніе, чтобы съ наименьшей затратой достигнуть наибольшаго результата, то мы отвѣтимъ: возможно болѣе дифференцированное. Сейчасъ напрашивается аналогія съ тѣми превосходными результатами, которые даетъ переходъ отъ экстенсивнаго къ плодoperемѣнному хозяйству. Если поле засѣвается все время однимъ и тѣмъ-же хлѣбомъ, то въ сравнительно очень короткій промежутокъ времени истощаются всѣ необходимыя для послѣдняго составныя части почвы, требующей къ этому періодическаго отдыха. Перемѣнная родъ посѣва, мы эксплуатируемъ тѣ части почвы, которыя не употреблялись раньше, и даемъ такимъ образомъ отдыхъ истощеннымъ частямъ, такъ что поле легко питаетъ различ-

наго рода смена, между тѣмъ какъ одни и тѣ-же его истощаютъ. Тоже наблюдается и относительно человѣческихъ силъ. Разнообразіи требованія, предъявляемыя нами къ нашему организму, мы эксплуатируемъ силы послѣдняго, не истощая однѣ преимущественно передъ другими.

Такъ какъ человѣкъ въ отношеніи чувствительности есть существо по преимуществу сравнивающее, то есть воспринимающее только перемѣны въ своемъ состояніи, то неминуемо должна притупляться его дѣятельная энергія при однообразномъ повтореніи однихъ и тѣхъ-же манипуляцій и душевныхъ движеній. Экономія силъ, получающаяся при дифференціаціи въ данномъ случаѣ, объясняется слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ два дѣйствія А и В, достигающія порознь одинаковаго результата С; станемъ въ теченіи нѣкотораго времени производить одно дѣйствіе А, послѣ этого одинаковый результатъ С получится уже при большей затратѣ энергіи со стороны А, чѣмъ со стороны В. Какъ необходимо для всякаго чувствительнаго нерва сильнѣйшее центростремительное раздраженіе, чтобы послѣ полученнаго разъ ощущеніи получить его въ той же силѣ, такъ точно должно быть усилено и центробѣжное раздраженіе т. е. должно быть затрачено большее количество энер-

гій, чтобы достигнуть разъ уже полученнаго эффекта, сравнительно съ тѣмъ случаемъ, когда второе раздраженіе потребляетъ не тотъ родъ энергіи, какого потребовала первая.

Просматривая сказанное досихъ поръ, мы, повидимому, наталкиваемся на противорѣчіе, которое стараемся разъяснить. Дифференціація соціальной группы и индивида, находится очевидно въ обратномъ отношеніи между собой. Первая означаетъ, что индивидъ долженъ быть по возможности одностороненъ, что какакибудь одна цѣль, одна дѣятельность должна занимать все его существованіе, такъ какъ односторонность индивидовъ представляетъ преимущественное условіе ихъ взаимнаго различія. Такъ общественно-хозяйственныя отношенія принуждаютъ индивидъ къ однообразной работѣ, къ самой ограниченной спеціальности, ибо это есть необходимое условіе доброты и дешевизны продуктовъ; такъ и общественный интересъ вызываетъ односторонность политическаго положенія, которое индивиду вовсе и не симпатично. Напротивъ того, дифференціація индивида, какъ такового, уничтожаетъ всякую его односторонность. Повторяя въ малыхъ размѣрахъ судьбу своей группы, индивидъ становится къ ней въ видимое противорѣчіе; членъ соціальной группы, желающій развиваться по образцу цѣлаго, отрицаетъ тѣмъ са-

мымъ свою роль, какъ составной части послѣдняго. Разнообразіе взаимно различающихся субъектовъ, котораго требуетъ цѣлое, возможно лишь въ томъ случаѣ, когда индивидъ отрѣшается отъ всякой дифференціаціи: невозможно выстроить домъ изъ домиковъ-же.—Что противоположность этихъ обѣихъ тенденцій не абсолютна, а имѣетъ нѣкоторыя границы, понятно уже потому, что самое стремленіе къ дифференціаціи, какъ со стороны индивида, такъ и со стороны группы, не простирается до безконечности, а на опредѣленномъ разстояніи встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны стремленія діаметрально противоположнаго. Какъ уже было показано, возможна такая степень индивидуализаціи членовъ группы, при коей либо понижается работо-способность послѣднихъ и въ отношеніи къ спеціальнымъ занятіямъ, либо группа совсѣмъ распадется, такъ какъ сочлены не имѣютъ никакихъ взаимныхъ связей. Также и индивидъ не можетъ доводить до безконечности разнообразіе своихъ стремленій, ибо въ такомъ случаѣ ему угрожаетъ не нормальная разсѣянность умственныхъ способностей. До извѣстныхъ предѣловъ стремленіе индивида къ своей дифференціаціи совпадаетъ съ интересомъ группы къ дифференціаціи индивида, какъ своего члена. Гдѣ именно лежитъ этотъ предѣлъ, гдѣ

встрѣчаются стремленія индивида къ внутренней дифференціаціи или односторонней специализаціи съ подобными же требованіями, предъявляемыми ему группой, — принципиальное рѣшеніе этого вопроса мы предоставляемъ тѣмъ, которые отъ наблюдаемыхъ временныхъ условій дѣлаютъ заключеніе къ самой сущности вещей. Во всякомъ случаѣ, задача культуры состоитъ въ постоянномъ и постепенномъ расширеніи этого предѣла, въ такой постановкѣ социальныхъ и индивидуальныхъ задачъ, при коей возможна одинаковыя дифференціація, какъ для группы, такъ и для ея члена.

Противъ возможности прогрессивнаго осуществленія этой задачи говоритъ прежде всего прогрессивный ростъ противоположныхъ требованій съ обѣихъ сторонъ. Именно, если цѣлое въ сильной степени дифференцировано и содержитъ въ себѣ массу различнѣйшаго рода дѣятельностей и личностей, то и природныя склонности, проявляющіяся въ силу наследственности въ индивидѣ, будутъ въ равной мѣрѣ разнородны и разнообразны и будутъ во всемъ своемъ разнообразіи стремиться къ внѣшнему своему проявленію въ такой же степени, въ какой вызвавшая ихъ дифференціація практическихъ отношеній будетъ оказывать препятствіе этому ихъ стремленію. Пока дифференціація социального цѣлаго будетъ ка-

саться не индивидовъ, а цѣлыхъ группъ, какъ при господствѣ касгической организаціи, наслѣдственности ремесель, патріархальной фамиліи и цеховъ, или при рѣзкой разграниченности различныхъ состояній въ государствѣ, — это внутреннее противорѣчіе въ процессѣ развитія не такъ рѣзко выступаетъ, потому что наслѣдственная передача ограничивается лишь предѣлами данной группы и на другія не распространяется. Но лишь только эти маленькія группы смѣшиваются, будь-то приобщеніемъ индивида къ несколькимъ социальнымъ кругамъ, либо совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ особенностей, унаслѣдованныхъ отъ различныхъ асцендентовъ, каждый индивидъ съ теченіемъ времени ощутитъ въ себѣ множество противоположныхъ и неисполнимыхъ требованій и наклонностей. Чѣмъ обильнѣе перекрестныя связи составныхъ элементовъ общества между собой, тѣмъ больше внутренняго противорѣчія заключаетъ въ себѣ каждый индивидъ, тѣмъ полнѣе онъ проявляется, какъ микрокосмъ, но тѣмъ менѣе является возможной реализація каждой его наклонности и способности; ибо лишь при высшемъ развитіи социальнаго макрокосма имѣетъ мѣсто вышеупомянутое смѣшеніе его элементовъ, а также развитіе его элементовъ, а такое развитіе именно и требуетъ все большей специализа-

ціи отдѣльныхъ индивидовъ. Изъ этого можно себѣ объяснить увеличеніе въ наше время числа такъ называемыхъ проблематичныхъ натуръ. Гете называетъ проблематичными тѣхъ, которые не удовлетворяютъ требованіямъ никакого положенія и которыхъ никакое положеніе не удовлетворяютъ. Удовлетвореніе, какое даетъ дѣйствительность, соотвѣтствуетъ лишь отдѣльнымъ потребностямъ, и гдѣ съ перваго взгляда кажется, что извѣстная участь, дѣятельность, отношеніе къ людямъ вполне насъ удовлетворяютъ, тамъ у многостороннихъ натуръ не преминетъ выступить локалізація удовлетворенности. Съ другой стороны, спеціальное положеніе требуетъ всего человѣка, который можетъ всецѣло отдаться спеціальности лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ состояніи сообщить всей совокупности своихъ природныхъ способностей извѣстное одностороннее направленіе, что при богатомъ разнообразіи наслѣдственныхъ особенностей мало вѣроятно. Только самые сильные характеры, способные съ одной стороны направлять свои стремленія, а съ другой такимъ образомъ поставить внѣшнія требованія, чтобы они совпали съ ихъ личными склонностями, — только они и могутъ примирить въ себѣ спеціализацію отдѣльныхъ родовъ дѣятельности съ разнообразіемъ природныхъ склонностей.

Здѣсь стремленія къ дифференціаціи со стороны цѣлаго и его членовъ приводятъ къ противорѣчію, составляющему иѣчто противоположное принципу экономіи силъ. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ индивидуальной сферѣ, въ конфликтѣ между дифференціаціей одновременной и послѣдовательной. Односторонность существованія, полная опредѣленность образа дѣйствій и интересовъ, постоянное и неуклонное слѣдованіе по одному, разъ на всегда выбранному направленію, — всѣмъ этимъ достигается первичная экономія, заключающаяся въ возможномъ упрощеніи разнообразія; съ другой стороны, выступает стремленіе къ разностороннему развитію и дѣятельности, что опять даетъ экономію второго порядка, проистекающую отъ гибкости силъ, легкости переходовъ и приспособленія къ разнообразнымъ требованіямъ практической жизни. Можно и на данный случай распространить принципы, опредѣляющіе всякую органическую жизнь; принципъ наслѣдственности и принципъ приспособленія. Незыблемое постоянство и тожество характера въ различные періоды жизни — въ индивидѣ соотвѣтствуютъ тому, что въ отношеніи рода является результатомъ наслѣдственности; напротивъ, разнообразіе жизненныхъ проявленій выступаетъ, какъ приспособленіе, какъ моди-

фикація природнаго характера подь вляніемъ окружающихъ условій. Тамъ, гдѣ обнаруживается стремленіе къ дифференціаціи, необходимо должно имѣть мѣсто противорѣчіе, именно: съ одной стороны, данный промежутокъ времени съ сильно дифференцированнымъ въ одномъ направленіи содержаніемъ смѣняется другимъ, такимъ же точно односторонне содержательнымъ, что составляетъ дифференціацію во времени; съ другой стороны, каждый такой промежутокъ представляетъ самъ по себѣ извѣстную степень разнородности и разнообразія, т. е. дифференціацію въ пространствѣ. Возьмемъ примѣръ. Выборъ учебнаго матеріала для юношества постоянно обнаруживаетъ компромиссъ между обѣими тенденціями: прежде всего требуется, чтобы была усвоена съ возможной твердостью одна какая либо однородная часть матеріала, за ней другая, третья и т. д.; но съ другой стороны каждая часть въ отдѣльности должна представлять разнообразіе содержанія обезпечивающее, въ противоположность однообразной монотонности, постоянную свѣжесть умственныхъ силъ. Темперемнты, характеры, направленія, какъ въ сферѣ специально практическаго назначенія, такъ и во всѣхъ другихъ, кончая сферой метафизическаго міросозерцанія, различаются между собой тѣмъ, что

одни развиваютъ все разнообразіе своего содержанія во времени, другіе — въ пространствѣ. Можно сказать, что пропорція между обѣими тенденціями у каждаго человѣка иная и что не обыкновенно много силъ пропадаетъ непроизводительно, прежде чѣмъ достигается между ними нормальное отношеніе, удовлетворяющее принципу максимальной экономіи силъ.

Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что выставленное здѣсь различіе является лишь относительнымъ. Вслѣдствіе узости сознанія, ограничивающей его однимъ либо, въ лучшемъ случаѣ, очень не многими одновременными представленіями, дифференціація въ пространствѣ представляетъ, въ сущности говоря, ту же смѣну жизненныхъ проявленій, которую мы выше назвали дифференціаціей во времени. Мы въ этомъ случаѣ вполне произвольно усматриваемъ въ данномъ періодѣ полную однородность и предполагаемъ, что всѣ моменты его содержанія одновременны; мы безъ всякаго права пренебрегаемъ сравнительно малыми промежутками времени между отдѣльными моментами, забывая, что величина этихъ промежутковъ не имѣетъ объективныхъ границъ. Если, въ выше приведенномъ примѣрѣ, различныя отрасли учебнаго матеріала и изучаются въ одно время то въ дѣйстви-

тельности мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ одновременными занятіями, а со смѣной различныхъ предметовъ изученія черезъ сравнительно малые промежутки времени. Словомъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы должны считаться съ взаимно смѣняющимися проявленіями человѣческой дѣятельности, весь вопросъ сводится къ тому, что въ случаяхъ, въ которыхъ мы усматриваемъ одновременную дифференціацію, промежутки гораздо меньше, чѣмъ какія представляетъ дифференціація во времени, или послѣдовательная. — Другую форму одновременной дифференціаціи представляютъ способности и склонности, выработанныя путемъ различнаго рода дѣятельности; способности и склонности человѣка несомнѣнно существуютъ, такъ что воздѣйствующее на него внѣшнее раздраженіе можетъ вызвать любую, и такимъ образомъ рядомъ съ послѣдовательностью отдѣльныхъ моментовъ развитія и упражненія внутреннихъ скрытыхъ силъ человѣка, стоитъ совмѣстное существованіе этихъ послѣднихъ.

Другое сопоставленіе обоихъ родовъ дифференціаціи индивида касается его внутреннихъ силъ способностей. Здѣсь различія духовно моральной природы, отдѣльныхъ субъектовъ сказывается въ томъ, что одни посвящаютъ себя сразу нѣсколькимъ дѣятельностямъ

съ цѣлью въ одно время развить въ себѣ всѣ соотвѣтственныя способности, между тѣмъ какъ другіе вполнѣ отдаются сначала одному занятію, и затѣмъ, съ завершеніемъ его, берутся за другое, удовлетворяясь въ развитіи своихъ способностей лишь извѣстной постепенностью. Такое различіе представляетъ два рантьеера, изъ которыхъ одинъ придалъ своему имуществу всевозможныя формы: земельной собственности, фондовъ, и потекъ, угастія въ различныхъ компаніяхъ и т. д., а другой въ каждый данный моментъ сообщаетъ своему капиталу другое назначеніе. Въ капиталѣ, а особенно въ денежномъ, можно усматривать скрытую дифференціацію, такъ какъ существенная его особенность заключается въ томъ, что при его помощи можно произвести безчисленное множество различныхъ дѣйствій. Будучи самъ совершенно однороднымъ по характеру, или, въ качествѣ простого средства для обмѣна, безо всякаго опредѣленнаго характера, онъ заключаетъ въ себѣ все богатство проявленій хозяйственной жизни, какъ белый цвѣтъ соединяетъ въ себѣ всѣ цвѣта спектра. Онъ концентрируетъ въ одномъ пунктѣ и результаты, и возможность безчисленныхъ экономическихъ функцій. Происхожденіе денегъ кроется въ дифференціаціи хозяйственной жизни и наоборотъ, возможность хозяйственной дифференціаціи для индивида обуславливается имуществомъ послѣд-

няго. Деньги поэтому представляют случай совершеннѣйшей потенціальной дифференціаціи въ пространствѣ; сравнительно съ ними всякая человѣческая дѣятельность является дифференціаціей во времени. Ибо она представляет постепенное затрачиваніе данной суммы имущества на отдѣльные преемственные акты, между тѣмъ какъ время обладанія денежнымъ имуществомъ есть продуктивный моментъ въ томъ смыслѣ, что въ каждое данное мгновеніе деньги могутъ быть превращены въ цѣлый рядъ дѣятельныхъ актовъ, которые до того находились въ нихъ въ скрытомъ состояніи.

Различіе этихъ тенденцій приводитъ насъ къ вопросу о конфликтѣ между трудомъ и капиталомъ. Капиталь есть обьективированная экономія силъ, во первыхъ въ томъ смыслѣ, что вызванная нѣкогда къ жизни сила не была тотчасъ-же потреблена, а сбережена на будущее время, и во вторыхъ, какъ эконо-мизирующее и абсолютно целесообразное орудіе для послѣдующей деятельности. Деньги по преимуществу составляютъ то орудіе, употребленіе коего сопряжено съ минимальной тратой силъ; какъ онѣ возникли изъ труда и дифференціаціи, такъ онѣ въ нихъ и превращаются безъ всякой потери. Разъ существуютъ деньги, то внѣ ихъ должны существовать

дифференціаціи и трудъ. Одновременная дифференціація, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее приписали капиталу, необходимо указываетъ на дифференціацію въ времени. Установленіе нормальнаго отношенія между ними, такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ получился максимумъ экономіи силъ, составляетъ одну изъ высшихъ проблемъ какъ для индивида, такъ и для общества. Дѣйствительная жизнь обнаруживаетъ постоянно перевѣсъ то на сторону одной, воплощенной въ капиталѣ, то на сторонѣ другой, которая соотвѣтствуетъ труду.—Между тѣмъ весьма часто неустойчивое равновѣсіе между ними принимается и въ отношеніи дѣйствительности, и для идеала, за устойчивое, что неизбѣжно связано съ грубыми заблужденіями. Такъ называемый желѣзный законъ заработной платы есть неудачная въ этомъ смыслѣ попытка усматривать, какъ постоянное, отношеніе между активной дифференціей труда и скрытой дифференціаціей капитала. Также мало основательна установленная Савей гармонія интересовъ: такъ какъ съ прогрессомъ цивилизаціи уменьшается количество силы, потребной для производства продукта, то вслѣдствіе этого рабочій за него получаетъ сравнительно большее вознагражденіе; но такъ какъ, съ другой стороны, неимовѣрно возрастаетъ потребленіе,

то соотвѣтственно этому увеличивается прибыль капиталиста, который на каждомъ продуктѣ хотя и проигрываетъ, однако въ общей массѣ неизмѣримо выгадываетъ, сравнительно съ періодомъ меньшей производительности труда. Здѣсь еще можно упомянуть о социалистическихъ утопіяхъ и въ частности о построенияхъ Louis Blanc'a, который надѣется устранить непроизводительную трату силъ, протекающую изъ неколлективнаго, направляемаго конкуренціей, труда индивидовъ, путемъ коммунальнаго потребленія воплощенныхъ въ капиталѣ результатовъ послѣдняго, причемъ одна треть капитала должна быть подѣлена равномѣрно между всѣми, двѣ же остальные предназначены для улучшенія и умноженія орудій труда.

Я полагаю, что всѣ попытки теорически или практически опредѣлить отношеніе между капиталомъ и трудомъ должны раздѣлять судьбу старыхъ психологическихъ операций съ содержаніемъ человѣческой души. И здѣсь толковали о постоянныхъ отношеніяхъ между разсудкомъ и разумомъ, волей и чувствомъ, памятью и воображеніемъ, пока не убѣдились, что это только собирательныя выраженія для цѣлыхъ комплексовъ душевныхъ проявленій и что послѣдніе можно понять въ томъ только случаѣ, когда они разложены на простѣйшіе

психическіе процессы и когда найдены законы, по коимъ одиночныя представленія комбинируются въ высшія образованія, составляющія непосредственное содержаніе человѣческаго сознанія. Также точно и уразумѣніе такихъ сложныхъ образованій, какъ капиталъ и трудъ, и ихъ взаимнаго отношенія, возможно не изъ сопоставленія ихъ, какъ таковыхъ, а лишь при условіи подробнаго изслѣдованія тѣхъ дифференціальныхъ процессовъ, въ отношеніи которыхъ они являются заключительными моментами.

6920/
1